

ЮЛИЯ ГРЕММ

16+

НАВЕКИ люблю тебя

Annotation

Любовь способна победить многое: ревность, предательство, измену, расстояние, даже время, но перед ликом смерти, любовь бессильна.

Ты не сможешь стереть его из головы ластиком. Выкинуть из памяти, словно страшный сон...

Одна жизнь. Одна история. Одна любовь...

Навеки люблю тебя

Медленно расчесывая волосы, я представляла вечер, который мы проведем высоко в горах. На губах расцвела улыбка, когда я подумала о Тони.

Возможно, это последняя наша дружеская вылазка, перед тем как я уеду?

Медленно, шаг за шагом, пока мы выросли и развивались, росла моя любовь к нему. И чем старше мы становились, тем сильнее были чувства. Они поглощали меня с головой, без остатка.

Однажды, я даже сказала ему, что люблю, но Энтони только посмеялся.

— Конечно, я тоже люблю тебя, ведь ты мне как сестра, — самодовольно заявил он. Нам тогда было лет по пятнадцать.

Надо же, сейчас, со временем, я не смогла пережить эти чувства! Наоборот, с каждым годом они становились всё сильнее. словно незримая связь опутывала наши жизни, вот только судьба сплела нас воедино, не понимая, что я медленно угасала от этих чувств. Ведь если любовь не подпитывать она из прекрасного окрыляющего чувства превратится в огромную проблему.

Привязанность к Энтони была безумной это пугало, потому что я знала, чувства мои безответны. Знала, что больше никогда не смогу признаться ему в своей любви, потому что не получу взаимности. А это очень больно ранило меня.

Когда получила письмо, возвестившее о том, что я поступила в университет, была опечалена. Поначалу думала, что хочу уехать, забыть его, и смогу сделать это, потом поняла, я не могу расстаться с Тони. Но было уже слишком поздно, мама не позволила мне отказаться от такого шанса. Мне всё равно придется уехать!

Быть может вдали я смогу потушить ту пламенную любовь, которую взращивала с самого детства?

Хотелось бежать как можно дальше из города! Больше я не могла быть свидетелем его постоянных интрижек. Было больно видеть, как Тони целует других девушек, совсем не обращая на меня внимания. словно я пустое место, ничего не значу для него... А ведь мы знали друг друга с самого детства! Но мне досталась эта ужасная роль заботливой, дружелюбной подруги.

Почему именно я должна страдать от неразделенной любви? Почему я вообще позволила столь сильному чувству овладеть собой?

Ведь знала, эти безумные эмоции целиком и полностью поглотят меня! Любовь росла вместе с нами, с самого детства. Я помнила каждую минуту, проведенную в его обществе. Если что-то шло не так, Энтони всегда приходил ко мне откровенно рассказывал о своих бедах и несчастьях.

И почему я вообще решила, что он испытывает ко мне нечто большее, чем просто дружеские чувства? Ведь Тони откровенно посмеялся над моим признанием!

Тогда я возненавидела его, но, к сожалению Энтони, не понимал этого, он снова и снова возвращался ко мне за поддержкой. А моя любовь была безграничной, больной, поэтому я не могла отказать! И так происходило из раза в раз...

Он делал больно, встречаясь с другими девушками, но всегда возвращался ко мне. А я словно безумная принимала нашу дружбу такой, какой она была, потому что не могла по-другому! Потому что представить жизнь без него, без нашего общения, шуточек и тихих

вечеров, которые проводили вместе, просто не могла. Не видела смысла без него...

Вот что сделали со мной эти чувства и безответная любовь — искалечили!

Когда пришло время прощаться, я поняла одно: либо оставлю Тони и попробую жить своей жизнью, уеду учиться в другой город, чтобы не видеть его походов с девушками, либо останусь... Если пойду по второму пути, то навсегда похороню себя в этих безответных чувствах и просто сломаюсь! Поэтому сегодня мы проведем наш последний вечер вместе, и я покину его, чтобы больше не чувствовать боли. Вдали от Тони мне станет намного легче. Я должна была верить, что так и будет! Возможно, даже смогу пережить свою любовь, которая никогда, ни на минуту, не оставляла меня. Наоборот, с каждым днем становилась всё сильнее! Хотя я и должна была ненавидеть его, я любила...

Спустившись вниз, я увидела за кухонным столом маму. Она, как обычно, усердно что-то помешивала в миске.

— Снова встречаешься с Энтони? — оторвавшись от своего увлекательного занятия, спросила она.

— Ты же знаешь, это наш последний вечер.

— А он знает об этом, Элизабет?

Я склонила голову и печально произнесла:

— Скажу сегодня.

— Ты не должна отказываться. Такой шанс выпадает раз в жизни! Уверена, Энтони поймет и сможет принять твой выбор. Ведь ты вернешься, и вы снова будете дружить, совсем как раньше.

— Да, но это так далеко...

— Не нужно, Элизабет! — строго приказала мама. — Университет Хассана очень престижное место! Ты просто не можешь отказаться, уже все давным-давно решено. Перестань выдумывать, Энтони никуда не денется, когда вернешься, он будет здесь.

Конечно, никуда не денется! Возможно, за то время пока меня не будет он и вовсе обзаведется семьей, женится и забудет меня...

Прикрыв глаза, я покачала головой, понимая, что этот спор никогда не закончится. Я должна улететь! Возможно, это и к лучшему, не хочу больше мучиться, а именно мучением для меня было общение с Тони.

— Вот увидишь, даже не заметишь, как время быстро пролетит, и ты вернешься домой, — мягко укорила меня мама.

Конечно, узнав о том, что я поступила в университет Хассана, она была на седьмом небе от счастья!

В надежде, что когда я отучусь, смогу найти достойную работу и буду иметь гораздо больше, чем могла позволить себе сейчас. И совсем неважно, что он находился в другом городе за много-много миль от родного дома...

— Ну, перестань, все будет хорошо! Ты заслужила это, — вытерев руки о фартук, мама подошла ко мне, и внимательно посмотрела в глаза. — Мы очень много разговаривали об этом, Элизабет. Неужели ты решила передумать? В чем дело, дочка?

Я знала, что не смогу сбежать от своих чувств, но попытаться все же стоило. Любовь, как болезнь, изнутри ломала меня.

Я смотрела на маму, в который раз задаваясь вопросом: что она чувствует, когда каждый день видит в моих глазах, отца? Ведь мы так разительно отличались друг от друга. Мама была блондинкой, высокой, стройной, с глазами цвета карамели, в то время как я,

полной ее противоположностью.

В глазах мамы читалось упрямство, которое передалось и мне. Она будет спорить до последнего и не позволит отказаться от такого шанса.

Улыбнувшись, я покачала головой и, чмокнув ее в щеку, пообещала:

— Ни в коем случае не отказываюсь от своих слов. Сегодня же скажу Энтони.

Мама еще какое-то время смотрела на меня пытаюсь понять, лгу я или говорю правду, но, наверное, увидев, что не пытаюсь обмануть ее, кивнула и, улыбнувшись, вернулась к своей стряпне.

По всем правилам я уже давно должна была разочаровываться в себе за то, что полюбила бабника, и в нем, за то, что обижал и не обращал внимания. Но чувства намного сильнее, а я ужасно устала от этой безнадёжности.

Может со мной просто что-то не так? Вдруг моя душа изначально была изранена или неполноценна?

Те, кто утверждал, что любовь прекрасна — лжецы. Все что человек приобретает с ней, только боль, бесконечные проблемы и еще раз, боль.

От любви не сбежать, даже на другой конец света, не стереть из памяти. Было бы здорово появиться в каждом городе «Центр по борьбе с любовью». А может мне даже могли бы стереть все воспоминания и позволить наслаждаться жизнью? Я бы отдала все, чтобы просто забыться...

Выкинуть из головы мысли связанные с ним и радоваться жизни. Беззаботно флиртовать, поцеловаться с другим парнем, а не мечтать прикоснуться к губам Тони. Не сгорать от желания ожидая, когда он заговорит со мной, подарит улыбку или просто прикоснется.

Конечно, мы часто ходили вместе, даже держались за руки, но то было просто дружеское пожатие.

— Думала, мы поедem вдвоём! Ты ведь обещал, это только наш с тобой поход. — Возмущалась я, когда вечером, Тони заехал за мной.

Он сказал, что к нам присоединятся еще, по крайней мере, три человека, но, зная его, зная как сильно Тони любил быть в центре внимания, любил компании, развлечения, понимала, тремя людьми не ограничится. Как минимум вместе с нами поедут еще человек десять и подавляющее число из них будут девушки, которые, конечно же, без ума от ловеласа Тони.

Они ценили его популярность, обаятельность! Видели только внешнюю красоту, в то время как я любила его душу. Энтони считал себя королем и хотел, чтобы весь мир крутился вокруг него! Его уважения искали многие, не только девушки, но и парни. Это было очень круто дружить со звездой школы. Если Тони с тобой здоровался, значит, ты был чертовски крут, но меня это никогда не волновало. Я всегда желала только одного, его внимания. И было наплевать, что обо мне думают все, кроме него.

— Прости, лисенок, ты ведь знаешь, Норб тоже хотел присоединиться к нам. Я просто не смог отказать. — Расплывшись в довольной улыбке, ответил Тони.

Он схватил меня за руку и потянул к машине не позволив отказаться. А я ведь не смогла сказать «нет», не готова в наш последний вечер, смотреть, как он забавляется с другой девушкой, целует ее, шепчет красивые слова на ушко...

Включив погромче музыку своей любимой группы, он посмотрел на меня, завел машину и выехал на дорогу. А я не знала, как сказать о том, что завтра уезжаю из города и всё ещё

надеюсь на то, что Тони попросит меня остаться. Я боялась этого вопроса и желала всем сердцем, дабы он смог заглянуть глубже и понять, что я чувствую, что всегда чувствовала, но Тони видел только оболочку.

А я до сих пор не понимала, почему мы все еще дружили, ведь я не такая, как его бесчисленные поклонницы, с которыми Тони любил проводить время. Скорее тихоня и ноги у меня не от ушей, одеваюсь просто, особо не выделяюсь, но он всегда возвращался ко мне.

Может быть, именно поэтому до сих пор я не смогла оборвать все связи? Выкинуть из головы все воспоминания?

Любовь сделала из меня рабыню, ведь я не нужна тому, кто навсегда и бесповоротно завладел моим сердцем! Хотелось верить, что со временем вдали от него, эти чувства остынут. Я забудусь и однажды стану счастливой. Но я понимала, насколько призрачна эта надежда. Любовь к Тони поработила меня, сделала слабой. Мои чувства были безответны и причиняли только страдания.

Как только мы приехали в горы, Тони выпрыгнул из машины и направился на громкий смех своих друзей. Не спеша я последовала за ним и, выйдя на поляну, увидела большой костер, вокруг которого собралось много подростков и, конечно же, подавляющее число из них были девушки. Вот о чем я и говорила, наш тихий, дружеский вечер, должен был пройти совсем не так! Как только мы присоединились к веселой компании, Энтони растворился во всеобщем внимании.

С самого детства ему на голову надели невидимую корону, и он с достоинством носил ее. Вел себя как заносчивый король, желая, чтобы все подчинялись и выполняли его требования, но только со мной это никогда не срабатывало.

Я сама, добровольно, стала его рабыней и делала все, что он только не попросит, а требовал Тони очень многого и я всегда отдавала. Отдавала себя, а он никогда, ничего не предлагал взамен, только бесконечно брал, опустошая, иссушая меня.

Сегодняшний вечер стал последней каплей. Увидев, как он за руку с какой-то новой девицей идет к расставленным палаткам, я не выдержала. Ведь знала, что должно произойти между ними, и понимала, этого никогда не случится со мной. Он целовал сотни разных девушек, только не меня. Тони никогда не захочет такую как я: невзрачную, глупую подружку.

С трудом сдерживая слезы, я направилась за ним.

— Тони, стой! — закричала я. Он резко обернулся, улыбка вмиг слетела с лица. — Отвези меня домой, прошу, — голос дрожал, но я была уверена, он спишет это на прохладную погоду.

Эмоции зашкаливали, в голове был полный бардак, потому что я больше не могла выносить подобного издевательства! словно невидимка, была безразлична ему. Тони пользовался мной, когда я была нужна, а в остальное время выкидывал как ненужную вещь.

Отпустив девушку, не спеша подошел ко мне, с нежностью прикоснулся к лицу, заправив за ухо выбившуюся прядь волос.

— Элизабет, я думал, мы повеселимся сегодня.

Я затрясла головой, зажмурилась и тихо выдохнула:

— Нет, Тони, я больше не смогу веселиться. Я завтра уезжаю.

— Что? Куда?

— В другой город!

«Подальше отсюда, подальше от тебя!»

— О чём ты говоришь? Я ничего не понимаю! Что происходит, лисенок?

— Просто отвези меня домой.

Но всё что он сделал, попросил своего друга Норберта и сказал, что завтра мы как следует, все обсудим, вот только завтра будет уже поздно!

Как только Норберт остановился на подъездной дорожке, я забежала в дом. Быстро поднявшись наверх, заперлась в своей комнате, чтобы мама не увидела моих слез.

Уткнувшись лицом в подушку, я проревела всю ночь. Наконец-то позволила себе поплакать.

Я так долго лелеяла в душе надежду о том, что однажды он опомнится. Однажды посмотрит мне в глаза и увидит не друга, а девушку, которую захочет узнать изнутри, но этого так и не случилось.

Наутро, собрав все вещи, я уехала, но не переставала оглядываться, потому что не смогла оставить свою любовь в этом городе. А сердце тосковало и оплакивало нашу разлуку...

Глава 1

— Буду скучать по нашим бурным вечерам, — укладывая вещи в чемодан, заметила я.

Тем бесподобным вечерам, когда мы гадали на картах Таро, кофейной гуще и просто весело проводили время.

Казалось, и не было этих долгих лет, время пролетело так незаметно и быстро.

Изредка, друзьям удавалось вытащить меня на вечеринку или в кино, но создавалось такое чувство, что я потеряла вкус к жизни.

Скорее отдавала предпочтение книгам и больше увлекалась красивыми историями на ночь.

«Правдивые сказки о любви» так я называла те книги, в которых чувства героев были превыше всего.

Закрывая очередную книгу, у меня оставалось неприятное послевкусие, потому что в этих историях герои жили замечательно.

Любили красиво, всепоглощающе, со всей страстью. Отдавались друг другу безответно и, конечно же, наградой для них был счастливый конец, которого в моей жизни очевидно не привидится.

В книгах подобное волшебство вполне возможно, но в жизни таких счастливых моментов почти не случается.

В моей точно не было.

Я превратилась в книжного червя, но мне это даже нравилось.

Хоть и считали меня немного чудаковатой, я не обращала на это внимание. Ведь как только брала в руки очередную книгу, погружалась в идеальный, маленький мирок, где была счастлива и беззаботна.

Там я радовалась с героями, чувствовала каждый их поступок, переживала вместе с ними, любила, надеялась, верила...

Наверное, занималась самоедством, постоянно копалась в себе.

Искала причину, почему не подхожу Энтони?

Почему за всё то время когда мы были знакомы, я ни разу не решилась украдкой поцеловать его?

На худой конец украсть этот поцелуй, чтобы хранить глубоко в сердце. В памяти, чтобы вот такими холодными, зимними вечерами, доставать этот прекрасный, неопиcуемый момент, когда наши губы сливались, и я каждой клеточкой ощущала тепло его кожи, и мы делили одно дыхание на двоих...

Это было бы прекрасно, но всё что у меня есть только воображение, в котором время от времени я позволяла себе очень много вольностей.

Возвращаясь в реальный мир, разочарование было опустошающим.

Разочарование в том, что это всего лишь вымысел, плод моего воображения.

Думала, забуду его, что сотни тысяч километров, которые нас разделяют, разные города, и время, помогут мне, но этого так и не случилось.

Я не смогла выкинуть из памяти прошлое! Наше детство, совместные вылазки, забавы, разговоры в тишине на берегу моря.

Тогда пришлось смириться, понимая, что это ноша, которую я выбрала сама и не желала забывать.

Наверно я мазохистка. Мучала сама себя, понапрасну терзалась постоянными воспоминаниями.

Первое время было очень тяжело. Я скучала, безумно скучала, но Тони не выдержал и первый написал.

Даже на расстоянии не давал мне возможности забыть о себе.

Мы переписывались, звонили друг другу, разговаривали, как прежде, словно ничего не изменилось.

Вот только Энтони там далеко в компании других девушек!

Я уже свыклась с мыслью о том, что это постоянная утрата будет жить в моей душе, и стойко носила ее с собой, но каждый день ноша становилось все тяжелее, хотя должно было быть наоборот.

Ведь говорят, время лечит, но меня оно только калечило!

Ах, какая сука любовь! Мерзкое чувство! Всепоглощающее!

Словно червяк она засела во мне и съедала каждый миллиметр моего крошечного сердца, от которого уже практически ничего не осталось.

Днем я забывалась, отдавая себя занятиям, учебникам и «Правдивым сказкам» которые читала на ночь, но в перерывах между этими занятиями Тони писал мне, а я как дура, отвечала.

Точно мазохистка!

Сама себе делала больно и кайфовала от этого, потому что только так могла присутствовать в его жизни!

Конечно, я ждала признания, ждала чего-то невероятного, волшебного, но ничего не получала.

Между нами были все те же разговоры и каждый раз, когда Тони звонил, его тихий, хриплый голос шептал мне: «Здравствуй».

Я старалась отвечать спокойно, но знала, голос мой дрожит.

Прятала улыбку, прикрывая рот ладонью, словно Тони находился рядом и смотрел в мои глаза своим пронзительным взглядом...

Глупая, наивная дуреха!

Моя жизнь слишком запутанна этими детскими чувствами, которые росли вместе с нами.

Я взращивала свою любовь долгие годы и мечтала, чтобы она стала реальной.

Нужно было относиться к Тони как к брату, и всё стало бы намного проще. Тогда бы я не надеялась понапрасну.

Возможно сейчас нашла себе того единственного или ушла в отрыв, гуляла направо и налево, даря поцелуи незнакомцам!

Была беззаботной, не думала о последствиях, как делает большинство моих сверстников, но выбрала другой путь, трудный и очень непростой.

Я находилась на грани! Стояла на краю пропасти у обрыва.

Вот-вот еще одно письмо, еще один звонок и я сорвусь вниз, разбившись вдребезги, словно хрустальная кукла! Нельзя уже будет взять клей и соединить разбитые осколки.

Но так возможно мне станет гораздо легче?

Тогда возможно я перестану истязать сама себя, питать напрасные надежды и смогу вырваться из этого порочного, замкнутого круга, в который сама себя уpekла?

— Элизабет, о чём задумалась? — помахав перед лицом ладонью, спросила Юдит.

Она жила в соседней комнате, но почему-то именно с Юдит мне больше всего нравилось проводить время. С моей соседкой мы едва ли перекинулись парой слов.

Большую часть времени я проводила в обществе Юдит и ее сумасшедших умников друзей, но сейчас мы снова должны разъехаться по своим городам. Было страшно расставаться, потому что без нее я не знала где найти поддержку и опору.

Не уверена что, вернувшись в Мизулу, меня ждет что-то хорошее.

Несомненно, есть положительные стороны в моём возвращении, я снова увижу Тони.

Смогу прикоснуться к нему, обнять, вдохнуть родной запах мятного одеколона, которым он начал пользоваться еще в старших классах.

Этот запах всегда сводил меня с ума, для того и пользовался Тони дорогим парфюмом, чтобы сводить своим замечательным ароматом девушек с ума.

Неужели он не замечал?

Нет, конечно, ничего не замечал! Он никогда не показывал, что чувствует ко мне нечто больше, считает в первую очередь интересной девушкой, а не другом, которому можно рассказывать обо всех своих похождениях!

Обо всех страстных поцелуях, которые дарил другим девушкам...

Тряхнув головой, я снова вырвалась из потока воспоминаний, которые настойчиво бомбардировали мою голову.

Ни разу за все шесть лет я не приезжала в Мизулу, чтобы не мучить себя ожиданием новой встречи.

Но теперь, когда возвращение было так близко, все воспоминания словно потоком нахлынули на меня! Крутились в голове не давая передохнуть, сводили с ума.

Я готова была кричать от безнадежности, потому что не могла остановить, притушить этот незримый поток воспоминаний в ожидании новой встречи.

Конечно, мы общались, но не виделись почти шесть лет!

Энтони изменился, да и я тоже. Теперь мы уже не те беззаботные подростки, которым нравилось лазать по деревьям, держаться за руки тихо рассказывая друг другу страшные истории... Нет, мы уже взрослые, только вот я была уверена, у него всё ещё толпы поклонниц, а у меня никого.

Это было самым большим упущением, но попробовав отдаться другому мужчине, меня чуть ли не вырвало.

Поцелуй был неплох...

Юдит на третьем курсе удалось вытащить меня на очередную вечеринку. Посиделки в соседнем блоке с мальчишками.

Томас Форд, он был красив. Шикарные густые золотистые локоны, медового цвета глаза, обаятельная улыбка, спортивная фигура... Полный набор, все, что нужно, все, о чём может только мечтать любая девушка!

Оставшись с ним наедине, я к своему величайшему огорчению, думала о другом. Когда позволила случиться тому поцелую, всё равно перед глазами стоял образ Тони. Пытаясь выкинуть его из головы, я решила пойти дальше.

Позволила Томасу снять с себя кофту, но когда он меня обнял, почувствовала вовсе не страсть, а отвращение!

Как же сильно, черт возьми, Энтони засел в голове и в моём сердце!

Как же сильно меня это раздражало и приводило в гнев, но я пыталась, честно пыталась забыть!

После Томаса пробовала еще несколько раз, но всё равно закрывая глаза и целуя чужие губы, думала только о Тони.

Не могла ничего с собой поделать! Не смогла заставить свое холодное тело ожить в руках другого парня, поэтому приняла самое верное решение, ударилась в учебу, а чтобы хоть как-то скрасить одинокие вечера, читала «Правдивые сказки о любви».

Волшебные истории на ночь, которые помогали не сойти с ума! Но во сне, черт бы его побрал, всё равно видела Тони.

Его выразительную, обаятельную улыбку и серые глаза...

Я не могу даже забыть его, Энтони не позволяет, постоянно напоминая о себе письмами, звонками, хриплым, приветливым: «Здравствуй, лисенок!».

— Давай Элизабет, позволь себе наконец-то расслабиться! Ведь это наш последний вечер! Завтра ты уедешь домой в Мизулу, я вернусь в Нью-Йорк к своим родным. Позволь себе насладиться этим вечером и ни о чём не сожалей.

Я улыбнулась, понимая, что всё равно не смогу отпустить контроль и расслабиться, чтобы оторваться на полную катушку. Ведь и правда, это наш последний день.

Я отдала шесть лет своей жизни, учебе.

Усердно трудилась, прошла практику и заслужила этот вечер как никто другой, но понимала, потерять контроль могу только с одним человеком, а его среди присутствующих не было.

Сейчас Энтони, скорее всего, проводит время в компании очередной девушки.

Несомненно, он вскружит ей голову, заставит поверить своим лстивым речам. Заставит поверить в то, что они могут быть вместе, но я знала — это ложь!

Тони всегда возвращался ко мне и как бы плохо, мерзко это ни звучало, потому что, проводя ночь в чужой постели с рассветом приходил ко мне. А я встречала его с распростертыми объятиями и широкой улыбкой на губах.

Иногда мы просто могли молчать часами, ничего не говорить, потому что нам было комфортно друг с другом.

Тогда как с другими девушками Тони играл, превращался в коварного кавалера. Словно паук завлекал всех в свою сладкую паутину лжи.

Они велись на каждое его слово, что и говорить по части соблазнения и флирта Энтони профи.

И снова думаю о нём!

А всё потому что, вернувшись, домой мне не удастся избежать встречи.

Тони знал, когда я прилетаю, а я в свою очередь понимала, уйти, незаметно не получится.

Рано или поздно мы все равно увидимся или мне придется снова сбежать, как я сделала это шесть лет назад.

Но куда?

В чужом городе будет одиноко и всё равно, я ведь не перестану думать о нём.

Тони не позволит мне забыться! Будет как прежде писать и звонить.

Наша дружба была крепкой, но, к сожалению, для меня, безответной. Она причиняла дикую боль и заставляла испытать самое большое счастье, ведь нет ничего лучше, чем находиться рядом с любимым человеком.

Знать что он здоров и невредим. Знать что он просто счастлив...

Юдит, конечно, не успокоилась. Ее не удовлетворил мой ответ.

Пока я в очередной раз находилась в своем маленьком мирке под названием «Энтони», она успела заказать двадцать порций текилы которую я, если честно, жутко не любила. Но чтобы хоть как-то унять волнение и дрожь, стереть хоть на один вечер все воспоминания о нём, решила последовать совету Юдит и получить хотя бы немного времени для себя, своих мыслей и чувств, а не думать постоянно о Тони.

Парни раздули это дело до небывалых высот!

Они решили поспорить, кто быстрее, я или Юдит, выпьет свою половину текилы.

Сделав ставки, мы переглянулись и в этот момент я улыбалась.

Азарт от предстоящей игры отвлек, чему я была безумно рада.

— Раз, два... — начал отсчет Ной, еще один закадычный друг, который всё время проводил в нашей компании.

Веселил нас, развлекал и помогал в учебе.

Отличники тоже могут быть оторвами. Ной это очень хорошо доказал нам за эти шесть лет!

Чего он только не вытворял, если вспомнить всё, можно было бы даже написать книгу и посвятить ему, назвав «Мемуары отличника Ноя».

— Три! — закричал он, и мы с Юдит принялись за дело.

Схватив первую стопку, я выпила текилу, почувствовав обжигающую боль в горле.

Рот саднило, но это было мимолетным чувством, потому что я тут же схватила вторую стопку... третью, четвертую, пятую, шестую, но, не выдержав, засмеялась, чем дала преимущество Юдит.

И она им, конечно, воспользовалась, в считанные минуты, осушив оставшиеся четыре рюмки текилы.

Ной закричал, громко ударив в ладоши, когда Юдит поставила на стол последнюю рюмку.

Пытаясь хоть как-то перебить вкус спиртного, я выпила целый стакан газировки, но это не помогло.

Телефон тихо зазвенел и, увидев входящий вызов, я печально улыбнулась, но как всегда не смогла отклонить звонок.

— Здравствуй! — сказал Тони, как только я приняла вызов.

— Здравствуй! — довольно пропела я.

— Это что, на заднем плане, музыка? Ты там тусуешься, а ни домой собираешься? У тебя ведь рано утром рейс! Элизабет, чем ты думаешь?

— Развлекаюсь, ясно! — твердо заявила я. Спиртное ударило в голову, заставляя меня осмелеть. — Какое тебе дело, чем я занимаюсь? Зачем звонишь мне, постоянно пишешь, не даешь прохода? Я пытаюсь забыть тебя, остановись Тони, прошу...

На том конце послышался тихий вздох, какой-то грохот, грозный голос Энтони:

— Ты пьяна и не нужно отрицать этого! Я слышу твой голос и знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь, лисенок.

Только он называл меня так, больше никто.

И снова те же проклятые мысли!

Это моя адская карусель жизни, в которой я окончательно и бесповоротно запуталась. Она завертела меня с такой силой, что я не поспевала за своими мыслями.

Заблудшая душа, слепо бродила в этом лабиринте и не могла найти правильную дорогу.

Как бы сильно не старалась, найти долгожданный выход не представлялось возможным!

— Прощу, лисенок, не наддай глупостей. Ступай домой, завтра у тебя самолет. Мы скоро встретимся. Просто возвращайся. Прощу, как будешь дома, напиши, дай знать, что всё хорошо.

И не позволив сказать мне ни слова, отключился, чем вызвал очередную вспышку ярости!

Моя попытка забыться в алкогольном дурмане с треском провалилась!

Тони не позволил сделать этого, заставил даже под дурманом алкоголя думать только о

нём.

Как бы сильно не была зла на него и на себя за то, что сболтнула лишнего, последовала просьбе Энтони и отправилась домой. Написала Юдит короткое смс, чтобы не волновалась и тихо скрылась, пока та танцевала с Ноем.

Войдя в свою комнату, которая долгие шесть лет была мне домом, посмотрела на пустую кровать, своей соседки, но та была пуста. Должно быть, уже улетела, в то время как мы с Юдит решили задержаться на пару дней, чтобы как следует отметить получение дипломов и хорошенько оторваться напоследок.

Но теперь для меня это не имело никакого смысла. Лучше бы сейчас летела домой, чем находиться здесь в одиночестве!

Не в силах заснуть я ворочалась в кровати, потому что алкоголь все еще бурлил в крови.

В 7:35 утра у меня вылет из аэропорта, и я не хотела опоздать на рейс.

Беспорядочным потоком в голове крутились сотни мыслей: не представляла, как смогу жить с Тони в одном городе.

Мне тесно с ним даже на одном континенте! Я задыхалась, потому что не имела возможности называть его своим.

Лучше находиться вдалеке, не видеть его подружек, которым Энтони так беззаботно раздавал свои ласки, поцелуи и красивые слова, совершенно игнорируя меня!

Я не смогу, как когда-то, когда была подростком, делать вид, что мне всё равно.

Этот рейс может стать началом новой жизни, но прежде чем отправиться в другой город мне нужно как следует подумать, ведь чем дальше от него, тем спокойнее мне будет.

Конечно, я не смогу забыть Тони. Никогда с такой же страстью, с такими же всепоглощающими чувствами не отдамся другому, но если уеду, то возможно смогу обрести призрачный шанс на будущее без страданий?

Однажды смогу встретить хоть и не родственную душу, но возможно того, кто станет мне немного ближе и роднее?

Поможет забыть и перекрыть ту волну диких чувств, которые вызывал во мне Энтони?

Задремав, во сне, я снова увидела его чарующую улыбку.

Энтони находился в нескольких шагах от меня с протянутой рукой и ждал, а я улыбалась в ответ. Вложив свою ладонь в его теплую, мужскую руку, обрела, наконец, долгожданное счастье!

***

Полет прошел на удивление хорошо, наверное, потому что я несколько ночей не спала, постоянно представляя нашу встречу.

Конечно, удалось немного вздремнуть, но приземлившись, снова почувствовала эту дикую нервозность.

Хотя знала, встретимся мы только завтра, все равно не могла остановить предательскую дрожь. И не понимала в чём проблема? Почему веду себя так странно?

Мы не виделись почти шесть лет, за это время каждый успел поменяться.

Боже, вела я себя как юная девчонка, которая сломя голову бежала из родного города в надежде позабыть свое прошлое! Вот только забыла одну очень важную вещь: воспоминания никогда не умирают...

Эти чувства вновь возвращались! Расстояние и время помогли немного притушить ту пылкость, те всепоглощающие эмоции, которые всегда жили во мне, но теперь то, что я пыталась подавить долгое время, готово было вырваться на волю!

Я отдавала себя целиком и полностью учебе, не желая заниматься самокопанием. Не желая постоянно думать только о нем, потому что хотела, наконец, вдохнуть сладкий запах свободы!

А теперь вернувшись в родной город, там, где всё начиналось, там, где я добровольно отдала свое сердце мужчине, чувства вновь вспыхнули: ярко, неожиданно и всепоглощающе!

— Элизабет! — крикнула мама, помахав мне рукой.

Мы не виделись, наверное, с Рождества, когда она приезжала в последний раз. Выбраться на церемонию вручения маме так и не удалось.

Было очень одиноко и грустно, но я справилась, впрочем как всегда. Ведь у меня никогда не было выбора, поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть.

— Так скучала, — обнимая ее снова прошептала.

В нос ударил знакомый аромат сладкой выпечки.

Мама работала в кондитерской и всегда пахла превосходно. Карамель с шоколадом и пряниками!

Этот чудесный аромат я никогда не смогу позабыть.

С самого детства любила, когда мама возвращалась домой, и приносила в своей волшебной, синей сумке, разные вкусности. Я бросалась ей на шею, вдыхая сладкий аромат сахарной пудры, ванили, корицы и успокаивалась, чувствуя безграничную любовь, заботу и тепло.

— Я так скучала.

— Знаю, милая, знаю. Я тоже очень скучала. Прости, что так и не получилось приехать на выпускной.

— Ничего, я все понимаю.

Отстранившись, мама расцеловала меня в обе щеки, взяла чемодан и направилась к выходу.

— Тони прожужжал мне все уши! Все выпрашивал, когда ты вернешься!

Я удивилась, услышав это признание.

О моей любви не знал никто, и она никогда не догадывалась, насколько сильные чувства меня одолевают.

Что я зависима! Схожу с ума от этих снедающих душу эмоций.

Никогда не любила рассказывать насколько глубоко могу привязаться к человеку, потому что это было неправильно. И на тот момент мне казалось, я действительно зависима, а если ты зависишь, как правило, нужно лечиться.

Конечно, не знаю наверняка, но на девяносто процентов была уверена, узнав о моих чувствах, мама бы не приняла их. Ведь отец ушел от нас, когда мне было всего семь лет, поэтому она не воспринимала любовь как нечто настоящее.

Мама даже не верила, что такое чувство действительно существует, потому что потеряла отца и больше не смогла довериться другому мужчине.

С тех пор воспитывала меня одна, поэтому я была молчалива.

Знала, как она относится к любым привязанностям.

Да, мама любила меня, безусловно, но то была любовь к дочери, которую она выносила, родила и воспитала.

А такой любви как между мужчиной и женщиной в ее понятие просто не существовало.

Мама позабыла обо всех чувствах, не позволяя никому занять место отца.

Наверное, в противовес ее нежеланию принимать любовь, я до безумия верила и всегда

мечтала о том, что стану одной из тех принцесс, обрету настоящую, крепкую, глубокую любовь, которую с достоинством пронесу по всей жизни!

Любовь на века, но сделала неправильный выбор. Ошиблась в своих чувствах.

Наверное мой компас был сломлен и указал не на того человека. Пытаясь заменить его кем-то другим, получалось только хуже.

Поднявшись на второй этаж, я вошла в свою старую комнату, в которой не была долгих, одиноких, полных страданий, книг, зубрежки и учебников, лет.

Как же сильно я любила и ненавидела Тони, раз мне пришлось бежать из родного дома, улететь из города, в котором я прожила всю жизнь, лишь бы быть подальше от него!

А теперь вернулась, и как будто не было всех этих долгих лет разлуки. Как будто никуда не уезжала. Осталась все той же маленькой, наивной девчонкой, безумно любящей бабника.

И почему я больше никогда не пыталась снова рассказать ему о своих чувствах?

Потому что боялась быть отвергнутой!

Но сейчас, со временем, понимала, как глупо с моей стороны придерживаться этого плана. Он провалился, как и вся моя жизнь!

Нужно было попытаться счастье еще раз! Рискнуть всем, набраться смелости, сказать о том, что чувствую, и возможно случилось бы чудо?

Тони мог ответить мне взаимностью или отказать!

Тогда я была бы уверена в том, что между нами никогда, ничего не будет.

Хранить свою любовь на протяжении всей жизни, носить этот неподъёмный груз в сердце, так тяжело и обидно, но тогда я была всего лишь маленькой глупышкой.

Слишком зажатой чтобы раскрыться перед тем, кто никогда не замечал меня.

Медленно присев на кровать, я оставила чемодан у порога как будто не собиралась его распаковывать. Будто остановилась здесь только для того, чтобы передохнуть, выспаться, как следует перекусить, вкусным маминым пирогом с черникой, который она, несомненно, испекла к моему приезду и снова уехать!

Но на этот раз никогда не возвращаться.

Ближе к вечеру позвонила своей школьной подруге Мегги и договорилась встретиться с ней в уютном заведении под названием «Кухня чудес».

Мы любили бывать там, в детстве, потому что именно там пекли самые вкусные пончики политые белой глазурью.

Заняв место возле большого окна, я присела, сделала заказ, и хотела было уже снова позвонить Мэгги, так как она опаздывала, но замерла, услышав звон дверного колокольчика.

Прикрыв глаза, затрясла головой, словно не верила в то, что происходит!

Энтони, с очаровательной улыбкой на лице, вошел в кафе, сосредоточив все мое внимание только на нем одном.

Где-то в глубине души надеялась, что он был некрасив, а я придумала себе эти чувства!

Но увидев его сейчас, по-настоящему, реальность убила меня.

Энтони так обаятелен, что моё сердце, вот-вот, готово было вырваться из груди.

Хотелось окликнуть его, но я не решилась, всё ещё трусиха, всё ещё боюсь себя и своих чувств! Боюсь того что делает со мной одно присутствие Тони.

Высокий, стройный, он был в красивом черном кашемировом пальто. Ноги обтягивали серые, строгие брюки и дорогие кожаные ботинки.

Казалось, даже можно почувствовать запах его одеколона с ментолом, того, которым Тони пользовался еще в школе.

Аромат, сводивший меня с ума...

Его глаза, прекрасные, глубокие, синие озера, если смотреть в них, можно утонуть.

Потерять себя, что я и сделала, потеряла себя в нём, растворилась целиком и полностью.

Только вот он этого совсем не замечал!

А губы, ах, эти губы, которые я сотни тысяч раз мечтала попробовать... хотя бы прикоснуться к ним.

В самых смелых своих снах я слышала, как из его уст вырываются слова любви...

«В моей жизни ты всегда занимал одну из главных ролей, в то время как в твоей, я была всего лишь массовой, приятным дополнением!

Никогда не хотела стать разменной монетой. Твоим утешением.

А мечтала быть последним пристанищем твоим Энтони!

Хотела, чтобы только во мне ты видел друга, к которому можешь вспылать всепоглощающей, бессмертной, нереальной любовью.

Той, для которой ты готов сделать все что угодно.

Той, с которой сможешь идти по жизни, несмотря на все невзгоды и ненастья.

Просто дарить свою любовь и быть в ответ любимым мной!».

Но это всего лишь мои глупые мечты, которым никогда не суждено было сбыться.

Мегги так и не пришла в тот вечер в кафе, а я как дура пряталась, отводила глаза, лишь бы Тони не заметил меня.

Так и не смогла понять: чего именно боялась?

Наверное, была не готова.

Никогда не буду готова к новой встрече.

Быть может правда стоит собрать вещи и снова уехать? Но ведь я обещала маме остаться, найти работу здесь, в Мизуле, быть рядом с ней.

А так хотелось развернуться, оставив позади этот город, все воспоминания, свою проклятую любовь, которая преследовала меня везде, куда бы я ни пошла!

Но даже окажись я на другом континенте, за тысячи миль от него, не смогу выкинуть свои чувства в помойку и закрыть крышкой, а жаль.

Я была даже готова вырезать все, что чувствовала к нему из своего сердца, но тогда мне останется только умирать...

«Моя больная любовь «Энтони», как же сильно ты проник в мой разум, мысли, сердце... так сильно я погрязла в этих безответных чувствах, которые напридумывала себе сама».

Вздрагнув от тихой мелодии, я закрыла глаза, но вызов всё же приняла.

— Здравствуй, — тихо прошептал Тони.

— Здравствуй, — ответила я.

На какое-то мгновение повисла тишина, а потом я услышала тихий стук.

Не веря своим ушам, поднялась, чувствуя, как на губах расплывается уже знакомая улыбка, которую вызывал во мне только он.

Подошла к окну и увидела Энтони. Он стоял на тротуаре, возле своей машины и смотрел на меня, держа в руках телефон.

Увидев его, сердце забилось быстрее, ладони вспотели, а голос дрожал.

— Ну, здравствуй, лисенок. Я так скучал.

Это общение через стекло, когда мы видели друг друга, но слышали только по телефону, стало каким-то откровением для меня.

Я знала, что мы стали другими, но не понимала насколько изменяться мои чувства, когда вот так, снова, спустя долгие годы, увижу его.

В душе всё затрепетало, было даже больно думать о том, как долго мы находились в разлуке.

— Спускайся, я жду тебя.

Тряхнув головой, я кивнула и опустила шторы, чтобы он не видел моего ослепленного счастьем лица.

После его слов, я пришла в себя, как будто до этого находилась в каком-то трансе.

Снова загипнотизированная сногшибательным взглядом голубых глаз.

Тони никогда ни отпустит меня или возможно это я не позволяю чувствам остыть?

Не могу отпустить...

Пока я собиралась руки дрожали, словно у меня была ломка, а там за дверью, на улице, находилась очередная доза, только жаль не наркотиков. А мужчины, который не позволит мне удовлетворить свою жажду.

Ведь наркоман мог получить дозу и на какой-то миг забыться, а я никогда так не смогу, потому что Тони всегда был рядом, но недостаточно близко для того, чтобы удовлетворить мой голод.

Никогда не смогу испробовать сладость поцелуя. Почувствовать прикосновение рук...

Энтони был недостижим хоть и находился рядом.

Меня заперли в маленькой комнате, оставив с наркотиками, которыми не могла воспользоваться, дабы удовлетворить свою жажду.

Чтобы на мгновение вкусить его, попробовать поцелуй и хоть на миг заглушить постоянные терзания и боль, что поселилась в сердце.

Спустившись вниз, схватилась за ручку двери и замерла не в силах сделать последний шаг.

Казалось, это момент истины. Вот он мой перекресток судьбы, на котором я должна решить: идти ли дальше, или повернуть назад и попробовать еще раз забыться в объятиях того, кто ответит взаимностью?

Но также знала, если не открою эту дверь, не смогу подарить тому, другому, свою любовь.

Позволю любить себя, но никогда не отвечу взаимностью, потому что моё сердце навсегда останется с Энтони.

Задержав дыхание, повернула ручку, сделав свой выбор, но не успела пройти и шага, как увидела перед собой Тони.

Он стоял совсем рядом, так близко и мне мучительно больно было видеть его и не сметь прикоснуться.

Мой запретный плод, который я так жаждала вкусить...

Он поднял руку и нежно провел ею по моей щеке, от чего я задрожала.

— Здравствуй, лисенок, — вновь повторил Тони.

Я и забыла, каким соблазнительным может быть его голос.

По телефону он был искажен, а сейчас, вблизи, я отчетливо слышала в голосе вовсе не то что он говорил.

Казалось, Тони только что признался мне в любви, а не просто поздоровался.

Всё в нём привлекало, словно он был создан специально под меня.

Хоть я не верила во всю эту чепуху: существование двух родственных душ, которые должны соединиться и лишь тогда обретут истинное счастье на земле.

Не верила в это, но приятно было думать, что Тони создан именно для меня. Слеплен под меня.

Медленно он сделал шаг вперед, и между нами осталось всего несколько сантиметров.

Я подняла взгляд и увидела на его губах обворожительную улыбку. Внезапно Тони заключил меня в объятия, крепко прижал к себе, а я стояла и не могла поверить, что это происходит на самом деле, что это не очередной сон в котором Энтони принадлежит только мне одной.

Казалось, мы остались теми же подростками, которые в тайне сбегали из дома, чтобы отправиться на озеро, смотреть на звезды и выдумывать страшные истории...

Отстранившись, Тони пробормотал:

— Ну, вот ты стоишь рядом со мной, а я все еще не верю, что ты вернулась, лисенок.

— Уже давно не лисенок, Тони, — упрекнула я его, но не смогла сдержать ответную улыбку.

— Составишь мне компанию? — прищурившись, спросил он.

— Что, будем путешествовать по закоулкам памяти? Может, оставим прошлое в прошлом?

— Думаю, нам обоим пойдет на пользу вспомнить, какими мы были, — возразил Тони. — Знаю тебя лисенок, но сейчас ты другая.

— А ты всё тот же ловелас? — спросила я, не удержавшись.

И зачем, черт возьми, я позволила этому вопросу сорваться с языка?

Тони склонил голову набок, в его взгляде определенно что-то поменялось, появилась какая-то печаль, даже грусть.

«Что же произошло за то долгое время, что мы не виделись? Почему в твоих глазах мелькают призраки прошлого? Откуда эта печаль, Энтони?».

В голове крутились сотни вопросов, но я не решалась спросить, дабы узнать ответ. Слишком все неопределенно.

Казалось, Энтони окружён тайной, секретами, которыми не хотел делиться.

— Мы упустили так много времени, лисенок, — вдруг прошептал он.

Не позволив мне ответить, на столь провокационное заявление, Тони развернулся и направился к машине.

Мне ничего не оставалось, как только последовать за ним.

Открыв дверь, села на пассажирское сиденье, всё ещё пребывая в ступоре от его последнего заявления.

Посмотрев на меня, он улыбнулся. Не осталось и следа от того печального взгляда и такого же заявления, что прозвучало минуту назад!

Иногда создавалось ощущение, что в нём живут несколько личностей, и может быть одна из них, все-таки что-то чувствует ко мне?

Как глупо и наивно думать об этом!

— Пристегнись. — Велел Тони, заводя машину. — На эту ночь ты моя!

Вот теперь я узнавала в нём того Тони, которого помнила.

Пока мы ехали в неизвестном направлении, он рассказывал забавные истории...

— Это я то? Ты сбежала из города, ничего не сказав мне! — укорил он.

— Такой шанс выпадает не каждый день, Тони, — ответила я заученную фразу мамы.

— Не считаешь, что должна была сказать мне о том, что на следующий день просто бесследно исчезнешь из моей жизни?

Вспомнив тот вечер, я тихо прошептала:

— Ты был слишком занят. — Отвернувшись к окну, задумчиво добавила. — Не хотелось быть навязчивой, разлучать тебя с той девушкой. Ты ведь так любишь внимание.

Он ничего не ответил, поэтому я обернулась и увидела, как Тони нахмурился.

Губы превратились в тонкую линию, а рука сжалась в кулак, словно он злился на самого себя за то, что был таким неразборчивым ловеласом.

— Мне никогда не исправить поступков прошлого, лисенок.

— Мне тоже, — тихо прошептала я, когда мы съехали с дороги в густую чащу леса.

Разговор был каким-то странным, непонятным.

До этого Тони никогда не говорил подобных слов.

Я терялась в догадках. Не знала чего ожидать от сегодняшней ночи, но очень надеялась, что он не причинит мне еще большую боль.

«Прощу, Тони, только необижайменя».

Хотелось прошептать вслух, но я вовремя захлопнула свой рот и так наговорила слишком много за сегодняшний вечер.

Нужно просто пережить этот день и двигаться дальше.

Уверена, после сегодняшней ночи мы будем видеться очень редко.

Это и к лучшему.

Не хочу быть обузой, не хочу напрашиваться на новую встречу. Лучше оставить все как есть!

— Ну, вот мы и приехали, лисенок, — обворожительно улыбнувшись, промолвил Тони. Выйдя из машины, я увидела перед собой небольшой, уютный ресторанчик.

Раньше мы здесь никогда не бывали, я находилась в недоумении.

С удивлением повернувшись к Тони, вскинула брови и спросила:

— Что мы здесь делаем?

— Хочешь узнать ответ? — прищурившись, словно хитрый лис, спросил он. — Тогда придется войти внутрь.

В неверии покачав головой, усмехнулась и выпалила:

— На какую-то долю секунды я подумала, что ты изменился, но теперь понимаю: передо мной всё тот же забияка, Тони! Корона еще не жмет?

— Только ты всегда считала, что я ношу корону, Элизабет.

Подтолкнув меня вперед, Тони последовал за мной к ресторану.

— Хотел, чтобы этот вечер был только для нас. Не желаю делить тебя ни с кем. Так давно не виделись и нам есть о чём поговорить.

А я не знала о чём с ним разговаривать? Не знала чего ожидать в следующий момент?

С самой первой нашей встречи Тони удивлял меня.

Хоть и сказала, что он не изменился, но нет, я солгала. Энтони изменился, он уже не был тем легкомысленным, желающим всеобщего внимания подростком!

Сейчас что-то поменялось, появилась какая-то серьезность, даже опасность.

А еще мне казалось, он был каким-то не таким, не моим Тони. Взгляд полон печали...

Возможно, просто привиделось?

Энтони не мог измениться настолько кардинально за эти шесть лет.

Тем более мы ни на минуту не прерывали нашу связь. Всё время общались по телефону, переписывались, делились мыслями, чувствами, рассказывали друг другу свои истории.

Ни разу, за все это время, я не замечала за ним ничего подобного! Наверное, хотелось бы видеть изменения, глобальные изменения, но на самом деле мне просто показалось.

Открыв дверь, Энтони, пропустил меня вперед, помог раздеться, словно добропорядочный джентльмен, чем снова поразил.

Заметив мое удивление, усмехнулся.

— Что? Я тоже могу быть галантным кавалером, лисенок.

— Я ничего не сказала.

— Не сказала, да этого и не нужно. Всё можно прочесть в твоих глазах!

— Неужели я настолько открыта, и меня так легко прочесть, Тони?

«И неужели за столько долгих, мучительных лет, ты так и не смог прочесть самое главное? То, что всегда было на поверхности, а не спрятано между строк?

Мои чувства к тебе! Мою безмерную, безграничную любовь, которую я все эти долгие годы носила в своем сердце, которая давила на меня и в тоже время окрыляла.

Эти чувства медленно убивали меня изнутри, но он, конечно, этого не замечал. Не смог заглянуть немного глубже и прочесть самое главное!».

Увидев Энтони, метрдотель улыбнулся, приветливо поклонился, кинул на меня мимолетный взгляд и приказал следовать за ним.

Оказывается, Тони подготовился к нашей встрече! Отнесся к этому серьезно, заказал

столик в уютном, тихом ресторанчике, в котором было очень мало людей.

Теперь я понимала, что он имел в виду, когда говорил, что не хочет меня ни с кем делить!

А я то наивно подумала о чём-то большем.

Всегда в его словах видела какой-то тайный смысл, подтекст, которого просто не было! Всего лишь мои несбыточные мечты.

— Прошу, мистер Хэйвен, проходите, — услужливо предложил метрдотель.

Тони словно галантный кавалер, помог мне присесть за стол, даже повязал салфетку на шею.

Очевидно, всё ещё помнит, как в десятом классе я облила соусом кремовую кофту с пингвином, которую он подарил мне на Рождество!

Расположившись напротив меня, Энтони улыбнулся, но ничего не стал говорить. Просто смотрел, внимательно наблюдал, заставляя меня краснеть.

Не выдержав его пронзительного взгляда, я прикрыла глаза.

Заметив этот нервный жест, Тони мягко коснулся моей руки.

— Ты так дрожишь, будто на первом свидании, — тихо прокомментировал он. — Успокойся, лисенок! Это всего лишь я.

Если брать в расчёт что все свидания, если их можно так назвать, не заканчивались ничем хорошим, то это первое, настоящее, которое и свиданием то назвать было сложно.

Всего лишь встреча старых знакомых. Один, из которых сгорал от любви и вот-вот готов был превратиться в пепел!

— Посмотри на меня, Элизабет, — мягко попросил Тони.

Он накрыл своей рукой мою дрожащую ладонь и медленно, большим пальцем, начал чертить круги, на моей коже, заставляя дрожать ещё сильнее.

Резко выхватив свою руку из его горячей ладони, я прищурилась, не понимая, что за игру затеял Энтони?

Не намерена терпеть эти откровенные издевательства! Его непонятные намеки прикосновения... Этот взгляд, который я расценивала как очень нежный, будто он действительно скучал по мне.

Хотел увидеть до безумия и не мог насытиться.

Постоянно смотрел загадочным, непонятным взглядом, в котором проскальзывала грусть, даже печаль.

Но, Боже, я уже не та маленькая девчонка! И должна постоять за себя. Я не хотела, чтобы Тони причинил мне ещё большую боль!

Не хотела вновь страдать.

Вообще мечтала покончить со всем этим раз и навсегда!

Пусть лучше наши пути разойдутся, и я буду хранить свою любовь в сердце, но вдали от него. Так гораздо проще и спокойнее. Так я смогу хотя бы оторваться от него, а не тонуть, постоянно желая невозможного.

— Зачем мы здесь? Зачем весь этот спектакль? Чего ты добиваешься?

Тони был удивлён моим резким вопросом.

А чего он ждал, что я растаю, словно мороженое в его руках, как только Энтони прикоснется ко мне?

Для него я никто, всего лишь подруга, не заслуживающая ничего большего кроме как дружеских чувств!

Я бесконечно устала от этого, была сыта по горло его безразличием. А теперь вот эта непонятная игра!

— О чём ты говоришь, лисенок?

— Перестань меня так называть! — строго отчеканила я, пытаюсь не завизжать от гнева. — К чему весь этот фарс? Ты флиртуешь со мной! Прикосновения, взгляды, в чём дело? Я не замечала этого, когда мы общались. Что поменялось сейчас? Насколько я помню, ты сказал, я для тебя всего лишь друг?

«Пожалуйста, скажи, что не нужна тебе. Что ты меня отпускаешь, пожалуйста, умоляю.

Только скажи и я уйду, потому что буду знать, здесь меня больше ничего не ждет. С тобой меня ничего не связывает, и никогда не будет связывать. Останутся только воспоминания и чувства, которые я пронесу сквозь года. Которые буду помнить всегда, потому что свою первую и единственную любовь, забыть просто невозможно!

Я это знала наверняка, потому что искренне пыталась избавиться от тебя. Но мне не удалось вырезать из своей памяти мысли о тебе, стереть твой образ, твои глаза в которых я всегда тонула, позволяя себе эти маленькие вольности и вот посмотри, чем это обернулось.

Давай скажи это, прошу, умоляю, скажи!».

Да, конечно, я не настолько смелая, чтобы произнести все эти слова вслух.

Не на столько смелая, чтобы отказаться...

— Ты нужна мне, лисенок, — его слова прозвучали как гром среди ясного неба!

Я даже могла представить себе картину: как лежу в гробу, а Тони забивает последний гвоздь в моё сердце.

Безжалостно лишает воздуха, забирает последний вздох... Отчаянные попытки остаться здесь, в реальном мире, ускользали в мир моих снов, где я была счастлива, потому что в моих руках оказалось всё время мира, и мой любимый Энтони!

Судорожно сглотнув, я хотела что-то ответить, когда к нам подошел официант.

— Господа готовы сделать заказ?

Он стоял в ожидании ответа, а мы не могли отвести друг от друга взгляда. Будто Энтони пытался донести до меня весь смысл сказанных им слов, а я пыталась отгородиться от них, чтобы ненапридумывать себе очередной лжи, от которой потом буду страдать.

Ведь все мои чувства остались безответны.

Столько лет и сейчас он говорит, что я нужна ему. Для чего?

— Пожалуйста, бутылочку Шато-Марго. — Все так же смотря мне в глаза, промолвил Тони.

Официант удалился, а я склонилась к нему поближе, заметив:

— Что будем как прежде держаться за ручки и смотреть на звезды? Для чего я нужна тебе? Неужели ты думаешь, что я осталась все той же наивной девчонкой?

— Надеюсь что осталась, лисенок. — Хрипло прошептал Тони.

В его голосе было столько надежды, боли, печали и злости, что меня просто сбило с ног от чувств, которые он вывалил на меня, одной только фразой!

Я оказалась не готова к этому вечеру откровений. К его признаниям, флирту, потому что Энтони обнадеживает меня, мои чувства, играет... Спасибо, я уже вдоволь наигралась и не желала повторять все заново! А хотела только свободы, которую, похоже, мне никогда не суждено обрести.

Тони — это мой крест, который я повесила на себя добровольно. И так же добровольно должна нести его.

Но мне до безумия хотелось скинуть эту ношу со своих плеч и обрести, наконец, покой. Я так устала от того, что все чувства во мне увядали. От постоянных недомолвок. От того, что полюбила не того парня, и теперь всю жизнь вынуждена расплачиваться за это. Расплачиваться за свой неудачный выбор.

— Ты очень молчалива, лисенок. Неужели нечего сказать мне? Мы так долго не виделись, а сейчас ты молчишь словно рыба, набравшая в рот воды.

Я сидела тихо и ковыряла вилкой в салате который мне принесли, но не чувствовала ни вкуса, ни запаха. Еда казалась пресной, а вино приторно сладким.

Наша встреча вызвала во мне былые воспоминания: обиду, злость, боль, но самое главное, увидев Энтони сегодня, поняла, что всё ещё люблю. Поняла, что не смогла пережить те детские чувства.

А я самонадеянно решила, что это всего лишь привязанность, привычка! Ведь мы всегда были вместе. С самого детства, но только сейчас осознала, те чувства вовсе не ложь, а горькая правда. И мне так захотелось плакать.

Энтони вел себя загадочно, очень странно, не как обычно.

Конечно, я тоже соскучилась, безумно, наверное, больше чем он, потому что ни на минуту не переставала думать о Тони!

За всё то долгое время, что отсутствовала, даже закрывая глаза и погружаясь в сон, всё равно видела его.

— Я буду разговаривать после того, как ты скажешь мне правду.

От моего строгого голоса на его лице появилось удивление. Явно не ожидал, что я стала немного смелее, отважнее.

Если честно я сама этого не ожидала, потому что думала, как только увижу его, поплыву, словно воск, который бросили в полыхающий костер.

Но его странное поведение очень настораживало, поэтому я смогла дать отпор.

Мне действительно хотелось узнать: что происходит?

Ведь видела, он откровенно лжет!

— Знаю, мы оба изменились. Но ты остался все тем же задирой, которого все знали. Я вижу, что ты лжешь! Читаю это по твоим глазам, губам, которые ты сжал в тонкую линию. А еще руки, — я вскинула брови, откинулась на спинку стула, внимательно наблюдая за тем, как Энтони поеживается от моего пристального взгляда.

«Браво Элизабет! Вперед! Ты молодец, — кричала я иликовалаот этой маленькой победы.

От того что смогла раскусить его. И показать: мной уже не удастся манипулировать!».

— Ты стала смелее и гораздо наблюдательнее но, увы, это всего лишь догадки, лисенок. Неужели думаешь, что лгу тебе? — усмехнувшись уголками губ, спросил Энтони.

— Ты очень напряжен, задумчив с того самого момента как мы встретились возле дома. Ведешь себя странно. Просто не узнаю тебя. Что происходит?

Когда он взял мои ладони в свои, я почувствовала дрожь, и поняла что боюсь. Стало действительно страшно, потому что я никогда не видела Энтони таким.

Даже не знала, как описать те чувства, словно он не тот Тони, которого я всегда знала, будто его подменили.

Недосказанность, что повисла тяжелым ярмом между нами, молчание, ложь, его внезапный флирт, смена настроения, напрягали, и теперь я боялась...

— Если бы ты только знала, лисенок, — прохрипел он. — Если бы я мог сказать. Если бы только знал...

— Что знал? О чем ты говоришь? — крепче перехватив его руку, спросила я, когда Энтони замолчал.

Но он только покачал головой и тут же, вмиг, настроение снова поменялось. От того страха, безнадежности, боли, что читалась в его глазах, не осталось и следа.

Будто в голове переключили пластинку: сейчас ты должен заставить её плакать, а в следующее мгновение пусть поймет, что тебе наплевать на всех, особенно на неё!

Резко отстранившись, я отодвинула стул но, поднявшись, почувствовала на своей руке его теплые пальцы.

Медленно он подошел ко мне, а я не смогла даже пошевелиться, будто Тони загипнотизировал меня, приказывая оставаться на месте и не двигаться.

— Прости за мое странное поведение. Просто мы не виделись так долго... Столько раз, мечтал о нашей встрече, — он нежно прикоснулся к моей щеке кончиками своих пальцев, от чего я задрожала. — Планировал этот день сотни раз, но получилось всё совсем по-другому. Ты прости меня, если что не так. Хочешь уйти?

Я застыла в изумлении, закусила до боли губу.

В этот момент все, что мне хотелось прижаться к нему, почувствовать тепло тела, услышать биение сердца.

Вдохнуть знакомый аромат школьного одеколona, которым он до сих пор пользовался и просто застыть в этом мгновение, навсегда...

— Отвезу тебя домой. Прости, что испортил вечер.

Не успела я ничего ответить, как он развернулся и направился к выходу.

Всю обратную дорогу домой, Энтони молчал. Не смотрел на меня, ушел в себя, в то время как я не сводила с него глаз, впитывая любимый образ.

И только сейчас начала замечать небольшие изменения в его облике, но не придавала этому большого значения. Ведь мы не виделись так долго.

А я запомнила его немного другим. Это были не существенные изменения, которые я списала на отсутствие отпуска, так как Энтони был трудягой.

Остановив машину возле моего дома, он долго молчал, и я решила, что не нужно ничего говорить.

Схватившись за ручку, открыла дверь и поспешила домой, не позволив себе обернуться.

Если раньше все было предельно ясно: наши отношения, чувства, взаимопонимание, то сейчас я окончательно запуталась и совершенно ничего не понимала!

Ворвавшись в дом, словно ураган, захлопнула дверь и прижалась к ней лбом, чувствуя, как по щекам текут предательские слезы.

Услышав рев мотора, поняла, Энтони уехал, и у меня создалось такое ощущение, что навсегда. Больше мы с ним никогда не увидимся!

Вспомнив о том, что в комнате меня ждет все еще не разобранный чемодан, я еще больше захотела уехать, ведь кроме матери меня здесь ничего не держит!

После сегодняшней встречи, очевидно, что я не нужна Энтони.

— Элизабет, доченька, что случилось?

Услышав взволнованный мамин голос, прикрыла глаза, подумав, что испытания на сегодня еще не закончились.

Когда она включила свет в прихожей, я лихорадочно принялась вытирать слезы.

Не хочу, чтобы мама расспрашивала о том, что произошло?

Вообще не хочу говорить о сегодняшнем вечере!

Глубоко вздохнув, повернулась, сделав вид, что в глаз мне попала соринка, но мама, впрочем, как всегда, не заметила ничего странного в моём облике.

— Думала ты придешь намного позже, — мягко улыбнувшись, заметила она.

Я смогла только кивнуть и хотела уже направиться в свою комнату, когда услышала вопрос:

— Не хочешь поговорить? Я разогрела немного молока и принесла булочки с корицей. Помнишь, ты любила их в детстве?

Конечно, любила, черт возьми!

Но я не смогла произнести этого вслух, иначе разревелась бы. Только кивнула и последовала за ней на кухню.

Мама молча разлила молоко по кружкам, поставила на стол булочки и, расположившись напротив меня, спросила:

— Ты не разобрала чемодан, может, скажешь, что происходит?

«Не хочу оставаться в этом городе! Не желаю жить рядом с тем, кому не нужна! Кто лжет, откровенно манипулирует, играет, но не позволяет помочь».

Мне многое хотелось рассказать ей, но как обычно я смолчала. Очень много упущено времени. Ей же не расскажешь все мои чувства, переживания, на это понадобится целая жизнь! Тем более, насколько я знала, взгляды мама не поменяла.

Всё ещё верила, что любовь — это сказка для наивных девочек.

Есть только реальность, в которой я должна как проклятая работать, чтобы обеспечить себя. Стать богатой, влиятельной и ни от кого не зависеть.

Она мечтала сделать меня приземленной, а я хотела стать возвышенной.

И если бы Энтони ответил на мои чувства, я бы обрела крылья.

— Просто устала, да и некогда было распаковывать вещи, — пожалв плечами, ответила я спокойно, а внутри душу раздирали на клочья: ярость, страх и боль. — Завтра же разберу все вещи, обещаю, мам.

Она подошла ко мне приобняла за плечи.

— Вот и хорошо.

Собрав кружки, мама поставила их в раковину и принялась мыть, а я нервно стучала пальцами по столу пытаюсь решить: стоит ли расспрашивать ее о Тони или лучше забыть обо всём?

Ну, конечно, черт меня побери, я не могла запросто забыть и оставить все в прошлом!

За все свои годы не смогла, неужели отвернусь от него сейчас?

— Мам, как поживает, Энтони? Что у него нового?

Она повернулась, явно удивленная моим вопросом.

— Неужели вы не успели поговорить обо всём?

— Но он ведь не выдаст всех секретов. А ты может быть, что-то знаешь? Мне показалось, он изменился, похудел... Хотела понять может есть какая-то тайна, в которую он меня не посвятил? Впрочем, не бери в голову, просто я устала.

Сделав вид, что мне все равно, чмокнула ее в щеку и направилась к себе в комнату, размышляя о том, что в ближайшие дни нужно принять окончательное решение.

И я знала, что выберу Энтони. Выберу боль, любовь и слезы. Останусь здесь, в своем родном городе, но чтобы ни было, не брошу его.

Очень долго, после нашего разговора об Энтони с мамой, я не могла уснуть.

Прокручивала вновь и вновь каждое сказанное им слово, с того момента как увидела в своем окне, и услышала этот любимый до боли голос. И не могла понять, в чём же тут дело?

Его завуалированная речь, непонятный флирт, намеки, отговорки, скрывают нечто большее.

Это пугало меня до чертиков.

Уснула только под утро, когда в комнате появились первые лучи восходящего солнца.

Как обычно, мне снился всё тот же сон, который не покидал ни на минуту, с тех самых пор как уехала из дома.

Начинался он довольно странно: я медленно шла по мосту, казалось, он бесконечный, так долго шла и шла, в окружении тумана, но почему-то не боялась. А потом момент, будто по чьему-то велению, щелчок, и я вижу перед собой красивую, зеленую лужайку, на которой цветут желтые одуванчики. Они были так красивы, что хотелось подойти нарвать целый букет, но я продолжала наблюдать за этой прекрасной картиной с моста, потому что не хотела портить невероятную красоту.

Ступи я на землю, непременно убью саму природу, которая создала это уникальное и потрясающее место!

Было так спокойно, я не чувствовала никаких тревог. Просто наслаждалась каждой минутой проведенной в этом сне. Словно здесь я должна была жить на самом деле, а не там, в реальности, где моё сердце каждый день молилось о том, чтобы получить, наконец, ответные чувства.

Там, в реальности, где умом я понимала, нужно двигаться дальше, отпустить свою давнюю привязанность, любовь, которая приросла ко мне очень сильно, и только здесь, во сне, осознавала, если позволю себе отпустить, останусь одна...

Ей богу этот сон, словно взгляд со стороны, на мою полную одиночества и тоски жизнь.

На самом этом мосту вдыхая чистый, свежий запах травы и одуванчиков, что пахли летом, и солнцем, я была счастлива.

Здесь меня ничто не тяготило, никакие чувства. Было хорошо, намного лучше, чем в жестоком, реальном мире!

А потом, на мгновение, перед тем как вся эта тихая картинка испарится, я мельком видела нас с Энтони.

Он не отпускал меня ни на минуту, даже во сне! Но здесь я была не против того, что он находился рядом. Чувствовала его тихое присутствие и готова была взлететь!

Если бы только у меня выросли крылья, я поднялась бы высоко в небо от счастья, радости и глубочайшего чувства свободы.

Не знаю, что именно меня разбудило, так жестоко вырвав из этой сладкой неги... Резко вскочив с кровати, я почувствовала, как сердце отбивает бешеный ритм. Ладони вспотели, лицо покрылось испариной, по спине пробежал холодок.

Лихорадочно оглядевшись по сторонам, схватила одеяло, прижала к груди, будто только так могла защититься от того, что напугало меня, но в комнате, конечно, никого не оказалось.

Тогда мой взгляд остановился на письменном столе.

В предрассветных сумерках было видно, как пылинки медленно взлетают в воздух, замирая в невесомости и, как будто желая указать мне на что-то, в комнату, сквозь занавески, ворвался луч света.

Проследив глазами, я грустно улыбнулась, заметив на краю стола старую фотографию.

Там, на снимке, время остановилось. Я видела свою счастливую улыбку и помнила тот день, словно всё произошло только вчера, а не в далеком детстве.

Энтони тогда в первый раз подарил мне розу, которую сорвал в саду.

Как сейчас помню: он был одет в белоснежную рубашку, тёмно-синий жилет, пиджак и брюки. Волосы, как всегда, взъерошены, а в глазах плясали смешинки.

Возможно, тогда он действительно видел во мне не просто соседскую девчонку, а друга? Девушку, которой подарил ее первый в жизни цветок...

От этого путешествия по закоулкам памяти я почувствовала, будто во мне что-то переменялось. Эмоции, которые увидела вчера, заставили взглянуть на все по-другому.

Стало дышать немного легче, но почему?

Ведь Энтони лгал, скрывал что-то. Это явно читалось в его глазах... А вместо того, чтобы сберечь оставшиеся крошки своего сердца, я решила броситься в омут с головой, остаться здесь и выяснить что происходит?

Только в гневе я могла подумать, что с легкостью, припеваючи веселую песенку, уеду и буду мучить себя подальше от него. Но понимала: в реальной жизни не смогу так поступить.

Слишком дорог он мне был, слишком сильно я любила и не важно, что чувства безответны, ничего неважно, только он. Ведь я действительно хотела помочь. Энтони должен понять: я рядом и никогда не брошу его! Как бы больно мне не было подставлять свое плечо, отдам последние кусочки сердца, которые и так безраздельно принадлежали ему, только бы он был счастлив.

Немного окрыленная грустными мыслями, я направилась в ванную. С зеркала на меня смотрела вроде бы я, но не я.

Незнакомка, у которой в глазах появилась настойчивость. Желание стать нужной, важной и цена не имела особого значения.

Подобные мысли должны были напугать, но я только улыбнулась себе, осознавая, что этот выбор не принесет мне счастья, но по-другому поступить я просто не могла.

Мамы дома не было, впрочем, как всегда. Я осталась одна, поэтому недолго думая надела легкое, темно-синее платье, накинула пиджак и направилась в город. Если собираюсь остаться здесь, мне понадобится работа, но я не желала стряпать пироги, как мама.

Она не раз предлагала присоединиться к ней, но я не могла довольствоваться малым в надежде, что мне удастся найти более интересную работу.

Имелись определенные мысли по поводу того, куда стоит пойти для начала, ведь я хотела понять Энтони, познать его тайны, вывести все секреты... А это можно узнать только если мы вынуждены будем находиться вместе.

Добравшись до центральной улицы, я замерла на тротуаре, когда увидела перед собой огромное здание.

Застыла на мгновение, это последний шанс отказаться от своего идиотского плана, вернуться домой... ведь я еще не разобрала чемодан, и уехать. Но, как всегда, я никогда не прислушивалась к доводам рассудка, особенно там, где дело касалось Энтони. Всегда следовала велению сердца, от чего и страдала.

Конечно, это несправедливо использовать свои связи, но ради Тони я делала гораздо

большее и готова была пожертвовать всем.

Кабинет Грейс Хэйвен находился на пятнадцатом этаже. Но, конечно же, меня не пропустили, когда я сказала, что у нас, якобы, назначена встреча. Я откровенно лгала. Мой план проникнуть незаметно, провалился, даже не успев начаться!

Я стояла возле стойки информации, нервно постукивая ногтями по столу.

Со стороны должно было выглядеть довольно неплохо, тогда как внутри чувствовала себя глупой девчонкой, разработавшей дурацкий план.

Зачем вообще я ввязалась во всю эту затею?

Зачем решила копать глубже, если он не желал посвящать меня в свои тайны?

Я не должна лезть туда, куда меня не зовут. Где меня не желают видеть, но всё что касалось Энтони, вся логика, все принципы, законы, летели под откос, стоило только зайти разговору о нем.

Мой темный принц, я бросила всё, отказалась от свободы, карьеры, всё ради него...

— Элизабет! Элизабет Стоун, ты ли это, девочка? — услышала удивлённый женский голос.

Я так внимательно сосредоточилась на своих руках, которые отбивали нервную дробь на столешнице, что никого не замечала.

А подняв голову, увидела перед собой маму Энтони.

— Добрый день, миссис Хэйвен. — мило улыбнувшись, ответила.

Она подошла ко мне и обняла.

— Рада тебя видеть, Элизабет.

Грейс очень славная женщина. Она всегда относилась ко мне хорошо и знала, как близко мы с Энтони дружим.

Я часто, в детстве, бывала у них дома. Принимала участие в семейных вечерах, которые они устраивали по субботам.

Грейс готовила потрясающую запеканку из лосося, которую я обожала, и которую так не любил Энтони. Но он съедал ее только чтобы порадовать маму. Она об этом конечно не догадывалась...

А сейчас я единственная кто ничего не знает и не понимает.

Будто специально, Тони, ограждал меня от своей жизни.

Сам стремился быть рядом, хотел видеть меня, организовал тот вечер, смутно напоминающий романтическое свидание, а сам бежал без оглядки, не желая рассказывать о своей жизни.

— Энтони говорил, что ты вернулась. Он передал тебе приглашение на субботний вечер?

Я покачала головой, подумав, что он, скорее всего, забыл об этом, в спешке расставаясь со мной.

— С радостью принимаю ваше приглашение, миссис Хэйвен.

— Если ты к Энтони, должна огорчить тебя, он сегодня занят. — Как-то странно отводя глаза, заметила Грейс. Она подумала какое-то время и добавила. — Отлучился по работе. Весь день его не будет. Может просто забыл, что назначил тебе встречу?

Я чувствовала какой-то подвох и снова не могла понять, в чём именно он заключается?

Поэтому решила придерживаться своего первоначального плана. Ведь судьба улыбнулась мне, значит стоит попробовать докопаться до истины!

— У меня есть к вам деловой разговор, скорее даже просьба. Если у вас найдется

немного свободного времени?

Она задумчиво посмотрела на меня, после чего кивнула.

— В два у меня встреча, поэтому если не против, давай посидим с тобой в каком-нибудь уютном ресторанчике и поговорим?

Улыбнувшись, я кивнула, и мы направились с ней на улицу.

Возможно, стоит просто задать все интересующие меня вопросы, дабы не ввязываться в это дело?

Но с другой стороны я хотела посмотреть в лицо Энтони, когда тот увидит меня на работе и поймет, что не сможет больше сбежать. Уверена в тот момент он будет в ярости и на меня, и на свою маму, которая надеюсь, возьмет неопытного новичка к ним в компанию...

На следующий день, в приподнятом настроении, я собиралась на работу.

Вчера мы с Грейс очень душевно посидели в уютном ресторанчике, выпили по чашке кофе и поговорили по душам.

Но в ней, так же как и в Энтони, чувствовалась какая-то тайна и мне начало казаться, что я схожу с ума. Будто все они молчали, скрывали нечто важное...

Бывает так: вдруг появляется то самое чувство, когда за тобой кто-то следит. А у меня навязчивая идея: что за спиной плетут заговоры. И чем больше я желала узнать истину, тем глубже тонула во лжи!

Когда разговор заходил про Тони, Грейс гладила меня по руке.

Каждый раз, произнося его имя, она грустно улыбалась.

А я тем временем думала: возможно, стоит быть более напористой?

Чтобы раскрыть их так тщательно скрываемый план? Нужно приложить гораздо больше сил, чем я думала.

Конечно, я не сказала Грейс о своих истинных намерениях.

Почему вдруг прошу оказать мне услугу и взять к ним на работу? Невзначай обронила, что нужно с чего-то начинать.

Она в свою очередь не стала задавать лишних вопросов, наоборот была рада, что я хочу попробовать свои силы в их весьма успешной компании.

Не ожидала, что Грейс так высоко оценит мою целеустремленность и желание развиваться, но она всегда любила меня, уважала и очень тепло относилась.

Иногда даже казалось, Грейс догадывается о моих тайных чувствах к ее сыну.

Я ловила на себе её загадочные взгляды, но никогда не решалась заговорить об этом. А она позволяла хранить мою тайну.

Даже вчера, после нашего разговора, я была почти уверена, Грейс знает о моей любви к Тони, но благоразумно молчит.

Уверена, Энтони будет шокирован, когда увидит меня сегодня на работе. Конечно, если нам удастся свидеться.

Я поступила скверно, воспользовавшись ситуацией, но Грейс, узнав о том, что у меня диплом архитектора, обрадовалась и тут же, без раздумий, назначила младшим консультантом.

Они как раз заключили крупную сделку, в которой я могла попробовать свои силы как начинающий специалист.

— Ему необходимо немного встряхнуться. Я возлагаю на тебя большие надежды, Элизабет. Думаю только тебе по силам развеять его хандру. И рядом нужен верный друг, — как-то грустно, напоследок, добавила она.

Но я догадывалась о тайном замысле.

Грейс специально хотела столкнуть меня со своим сыном!

Вот только не понимала: зачем?

Спрашивать не хотела, в глубине души боялась что, узнав о моих запретных чувствах, Грейс поменяет ко мне отношение.

Не знаю, почему так думала, но не желала проверять.

Ночью я как загипнотизированная пялилась в потолок, рисуя картины, вспоминая наше

свидание с Энтони.

Снова и снова прокручивала в голове каждое сказанное им слово, но связать воедино все, что происходило сейчас, и наше общение, когда я находилась в другом городе, не получалось. Я не видела всей картины.

Словно маленький ребёнок блуждала в темноте и не знала к кому обратиться, чтобы выйти на свет.

Собрав волосы в элегантный пучок, оставила несколько прядей свободно свисать, будто небрежно заколола, спеша на работу.

Надела строгий, темно-синий костюм и не удержалась от того, чтобы добавить своему образу перчинки.

Черные, кожаные туфли на шпильке, идеально довершали образ, который я уверена, шокирует Энтони не меньше, чем моё появление в офисе!

Пока ехала до работы в такси, за окном монотонно проплывали дома, машины... проходили люди, все суетились, спешили. А я будто была не здесь.

Смотрела на проплывающие пейзажи, деревья, как солнце своими лучами касается земли, но всё это было чуждо мне.

В родном городе не признавала ничего родного. Отвыкла за долгое время.

Для меня не имело значения, где я родилась, жила, где училась, это всё было таким далеким, кроме него одного...

Дом там, где твое сердце, а моё сердечко было приковано только к одному человеку — Энтони Хэйвену.

Внезапно поняла, почему этот город стал мне чужим. Почему нигде не могла почувствовать себя как дома, у меня не было того тихого, спокойного пристанища.

На всём белом свете, на всей Земле не отыскалось ни одного уголка, где я могла бы чувствовать себя защищенной, в безопасности... Нужной, важной, любимой, а тот, кто в силах подарить мне это самое спокойное, тихое местечко, попросту не любил меня!

Энтони — вот мой дом. В нём заключено всё, что держит меня в этом мире. Только в нём одном.

И когда эта мысль укрепилась в сознании, стало жутко страшно.

Страшно от того, что я настолько зависима. От того, что только в его присутствии чувствую себя собой. Могу испытывать эмоции: искренне улыбаться, плакать или огорчаться.

А когда его нет, все кругом кажется чужим, пустым, не значащим ничего для меня.

Как же грустно осознавать, что я вынуждена быть привязана к одному человеку, который никогда не станет мне домом.

От веселого настроения, с которым проснулась, не осталось и следа.

Я пыталась понять, как объяснить Энтони, почему буду работать с ним, и как смогла получить эту должность, но в голове крутились всё те же мысли: мне никогда не обрести свой дом, а значит никогда не познать, что такое свобода и покой...

***

Грейс позаботилась обо всём! Конечно, я в этом и не сомневалась.

После того, как я назвала свое имя на стойке регистрации, мне выдали пропуск и очень вежливо объяснили, куда нужно идти.

Поднявшись на лифте на тринадцатый этаж, выходя я чувствовала, как дрожат руки. Но гордо выпрямив спину, направилась навстречу судьбе.

Как, оказалось, переживала напрасно!

Наверное, стало легче, если бы я сразу увидела Энтони, и мы решили все вопросы, но его не оказалось на месте.

Мне передали ознакомительный пакет документов по поводу будущих проектов, в которых я должна принять участие.

Грейс очень предусмотрительная женщина. Учла все возможные варианты, и на тот случай если Энтони задержится на совещании, как это произошло сегодня, оставила для меня инструкцию, не позволив сидеть без дела.

Она, конечно, помогла мне, оказала огромную услугу, пристроив в хорошую компанию, но, тем не менее, не позволит сидеть на шее и ничего не делать.

За весь день я смогла обжиться и мне очень понравилась моя роль. Только вот Энтони еще не знает о том, что у него появилась новая помощница.

Надеюсь, он не слишком разозлится, узнав, что его мать устроила меня в компанию.

Зато я успела познакомиться с его секретарем.

Дэвид Блейн, очень приятный джентльмен этот Дэвид. Его манера общения подкупает. Глаза красивые, тёмно-карие, очень умные потому что, взглянув на него, я поняла, Дэвид видит меня насквозь.

Будто мог прочесть каждую мысль, что и делал на протяжении всего дня, пока я усердно изучала документы.

— Полагаю, вы и есть та самая Элизабет Стоун, о которой меня предупреждала Грейс Хэйвен? — завидев меня, чопорно спросил Дэвид.

Я вскинула брови удивлённая его вопросом.

Честно признаться не ожидала, что Энтони у себя в помощниках держит мужчину.

Явно прочитав мои мысли, Дэвид сухо прокомментировал:

— Вижу ваше разочарование тем, что я не привлекательная, сексуальная блондинка. И должен предупредить: я получил это место, потому что очень упорно и долго работал!

Решив быть честной, я склонила голову набок, ответив в той же манере, что и он:

— А меня взяли по знакомству. Потому что попросила.

Теперь был его черед удивляться.

— Весьма впечатлён тем, что вы сказали правду. Думаю, мы сможем с вами поладить, Элизабет Стоун. Добро пожаловать в «Хэйвен Индастриз». Меня зовут Дэвид Блейн. Если у вас возникнут какие-то вопросы всегда рад помочь, но учтите, не нужно дергать меня понапрасну, не люблю тратить время на болтовню, — взглянув на часы, он недовольно цыкнул. Перевел свой взгляд на монитор, но всё же добавил, — с вами я потерял десять минут драгоценного времени, — оторвавшись от компьютера, кинул на меня быстрый взгляд, и я успела заметить, как его губы дрогнули, — но это были приятные десять минут болтовни. Вся информация, которая вам понадобится, находится вон там!

Кивком головы, указав мне на противоположный стол, он ушел с головой в работу, больше не проронив ни слова.

Не желая раздражать его своими вопросами, я решила, что рано или поздно мы с Энтони всё равно встретимся, так что не нужно мучить себя понапрасну в ожидании времени, когда я услышу шаги и, подняв голову, увижу его строгую походку.

Рабочий день пролетел незаметно, когда я смогла расслабиться и погрузиться в бумаги, которые оставила для меня Грейс. Было довольно интересно разбирать всё, что там написано, расставлять по полочкам, чтобы понять суть данного проекта и возможно найти

какие-то оригинальные решения, потому что я хотела удивить себя, но больше всего хотела поразить Энтони и оправдать доверие Грейс!

Что она не просто так позволила мне влиться в их компанию.

Ведь знала, занять подобную должность стремятся очень многие. Попасть в компанию «Хэйвен Индастриз» весьма проблематично. Нужно пройти несколько отборочных туров, прежде чем тебя возьмут в штат утвержденных сотрудников.

А мне, можно сказать, дали карт-бланш, но пока я всего лишь помощница помощника моего босса, Энтони Хэйвена.

Но я ни на секунду не пожалела о том, что решила встретиться с Грейс! Рискнула всем, попросила об одолжении, которое она великодушно осуществила.

Грейс дала мне карты в руки. Теперь главное не спасовать и правильно использовать данную мне возможность.

Нужно сдать колоду правильно и тогда, воспользовавшись полученным преимуществом, победить Энтони.

Единственная загвоздка в том, что я плохой игрок, а блефовать попросту не умею...

Я так увлеклась своей новой работой, что не заметила, как время быстро приблизилось к вечеру. Дэвиду несколько раз пришлось окликнуть меня, дабы оторвать от документов.

Увидев его хмурый взгляд, направленный на часы, поняла, рабочий день окончен.

— А вы настроены довольно серьезно, — заметил он. — Если с таким же рвением продолжите вникать в самую суть проблемы, то сможете удержаться на этой должности и доказать, что взяли вас не напрасно! А сейчас настоятельно рекомендую, отправляйтесь домой, отдохните. Завтра у нас намечается совещание.

— Что еще за совещание? — спросила я, лениво потянувшись в кресле.

— Вот завтра всё и выясним, — загадочно пожав плечами, Дэвид попрощался со мной и направился к лифту.

Аккуратно собрав все бумаги, схватила пиджак, накинула на плечи и решила спуститься вниз по лестнице — лезть в лифт не хотелось. Я не большая поклонница замкнутых пространств. Лучше пройтись, немного развеяться, прочистить мысли.

Не спеша начала отсчитывать каждую ступеньку, которую проходила, начиная с тринадцатого этажа. Это помогло выкинуть ненужные мысли из головы и на несколько минут остаться с собой наедине.

В основном я никогда не была одна, в моей жизни всегда присутствовал Энтони. Пусть в мыслях, пусть незримый...

Порой из-за этого чувствовала себя безумной, но за долгие годы привыкла жить с ним. Делить одно сердце на двоих, любить за нас обоих.

Сомневалась, что он способен любить кого-то кроме себя!

Самовлюбленный принц! Ему нужно было родиться королем веке в восемнадцатом.

Тогда бы его красоту воспевали, передавали из уст в уста, какой шикарный и неотразимый король — Энтони Хэйвен.

Улыбаясь своим безумным мыслям, я запнулась на триста сорок восьмой ступеньке. Услышав шорох, не придавала этому значения и продолжила спускаться, начав отсчет с нуля.

Смотрела все время под ноги, чтобы не споткнуться — это помогало сосредоточиться на том, чтобы ни о чём не думать. Как парадоксально: я должна приложить все силы, чтобы просто не думать ни о чём!

Ещё одна странность, достойная моей жизни.

— Ах, простите, я совсем не заметил вас... — протягивая мне руку, начал было Энтони, но увидев меня, запнулся и замер. — Элизабет?

Секунды медленно отсчитывали время, а мы не двигались, застыли, словно две статуи. И в этот момент не нужно было ни о чем говорить — все мысли с легкостью читались на наших лицах.

Сначала был шок. Глаза округлились, явно Тони оказался не готов к тому что, вернувшись поздно вечером в офис, столкнется со мной.

И где? На лестнице!

Не думала, что он предпочитает ходить пешком!

Я видела, как после шока в его глазах что-то изменилось. Шок в его глазах сменился узнаванием, будто только сейчас он по-настоящему осознал, кто стоит перед ним!

Его взгляд начал путешествие от кончиков туфель. Это было моей маленькой тайной, но

их я надела сегодня только ради него. Медленно поднялся глазами вверх, обласкал взглядом зону декольте, после чего взгляд добрался до шеи. Сглотнул, будто не мог сдержать своих чувств по поводу моего внешнего вида...

Я заметила момент, когда Энтони посмотрел на мои губы.

И тут я окончательно потеряла над собой контроль.

Облизала верхнюю губу, а он, черт бы его побрал, повторил моё движение, будто бессознательно, будто загипнотизированный этим сексуальным действием.

Тишина, что окружала нас, создавала интимную атмосферу. Я готова была упасть в обморок, потому что никогда не чувствовала ничего подобного.

Нет, конечно, я любила его, желала всем сердцем. Но увидеть подобную реакцию было чем-то новым, и я не знала, как реагировать.

Когда взгляд Энтони добрался до моих глаз, я замерла на мгновение, качнула головой, прикрыла глаза, и не в силах вымолвить ни слова, побежала вниз по ступенькам. А он не стал догонять, как будто всё ещё находился в шоке от нашего столкновения.

Добежав до самой последней ступеньки, выдохнула, но всё равно не смогла остановиться, будто что-то заставляло меня двигаться вперед и не оборачиваться. Хоть и знала, Энтони остался на триста сорок восьмой ступеньке, где должна находиться и я.

Возможно, это был шанс попробовать нечто новое и получить какие-то эмоции от Тони. А я просто сбежала, словно за мной гнался сам Дьявол!

Ночью, в одиночестве своей холодной, пустой кровати, я сотни тысяч раз прокручивала в голове его образ, тот самый момент, когда Энтони отошел от шока и по-настоящему увидел меня.

Тот самый момент, когда глядя на меня, сглотнул... после чего повторяя мои движения, облизнул свои губы, словно желал почувствовать вкус моего поцелуя...

Я не спала практически всю ночь. Закрывая глаза, снова и снова видела, как мы бросаемся друг к другу в объятия, словно отчаявшиеся влюбленные, которые не виделись много лет.

Которые хотят вкусить друг друга, раствориться в своей любви без остатка.

— Выглядишь очень презентабельно, доченька. Но мне кажется, ты не выспалась? — мама поставила на стол чашку с горячим кофе.

Я догадывалась, о чем она говорит. Собираясь на работу, видела свое отражение в зеркале и была очень недовольна. Спасибо косметике, которая помогла замазать огромные, синюшные мешки под глазами.

— Снились кошмары?

— Что? Нет! С чего ты решила?

— Слышала, как стонешь ночью... — она пожала плечами, явно не зная, что еще добавить, а я закусила губу и покраснела от стыда, потому что мне снились вовсе не кошмары, а обнаженный Энтони Хэйвен!

— Все в порядке, мам, — голос дрогнул.

Я поняла, она мне не поверила, но в своё оправдание ничего не могла добавить. Ничего не могла объяснить.

Поцеловав ее, взяла круассан с карамельной начинкой, который мама заботливо припасла для меня, и поспешила на работу.

— Удачного тебе дня, Элизабет, — помахала мама на прощание.

Но я уже закрывала дверь, потому что только кивнула, стремясь поскорее покинуть дом.

Вчера вечером, когда взъерошенная, вернулась домой, чтобы как-то развеется, рассказала маме о том, что устроилась на работу в «Хэйвен Индастриз».

Если честно, даже не знала, какой реакции ожидать, но она явно была рада за меня.

Надеялась, что я смогу, благодаря своим стараниям и знаниям, взлететь по карьерной лестнице.

А я в свою очередь надеялась, что не сойду с ума, пока буду разгадывать тайны Энтони, ради которого и устроилась в компанию.

Страшно было вернуться туда. Страшно снова встретиться, ведь мне не удастся сбежать.

Теперь отступать уже поздно!

Бояться я всё равно не перестану, пока мы не выясним всю правду.

Стоило развернуться и уехать! Вчера был такой шанс.

Вчера я еще могла отступить, повернуть назад, а сегодня уже не получится.

Не смогу оторваться от него, не узнав всей правды! Не смогу потушить тот страх, что поселил во мне Энтони, после нашей встречи.

Было столько мыслей, почему он ведет себя именно так и одна хуже другой. Но я беспощадно прогоняла их, не хотела думать о том, о чем всегда догадывалась: Энтони любит другую, или женится, или вовсе хочет разорвать старые знакомства... одна хуже другой.

Все было так же как вчера: приветливое лицо девушки на первом этаже, охранник, который смерил меня внимательным взглядом.

Всё тот же молчаливый, тихий лифт и пустой коридор на тринадцатом этаже, где были слышны мои быстрые, лихорадочные шаги...

Сегодня я вырядилась еще больше, чем вчера. Хотелось снова увидеть тот взгляд, который я не могла даже описать, но который прочувствовала каждой клеточкой своего тела.

Поэтому надела ярко-алое платье, которое купила вместе с Юдит в Багоре, когда мы ходили на очередной шопинг, перед предстоящей вечеринкой, но так ни разу его и не надела.

Оно было не вульгарным, достаточно строгим, подходящим для рабочих будней. Особенно с чёрным пиджаком и такими же туфлями на тонкой шпильке.

Волосы красивыми волнами спадали на плечи. Глаза были уставшие и немного сонные, но платье, привлекая к себе внимание окружающих, повышало шансы на то, что никто не заметит, насколько сильно я устала и не выспалась.

Приближаясь к офису, я знала, что увидев меня, Энтони снова будет в ступоре и возможно в этот момент подарит эмоции, которых я так жаждала!

Прибыв на рабочее место, дрожащими руками повесила сумочку на кресло, отводя глаза от Дэвида, который смерил меня очень внимательным, даже подозрительным взглядом.

— Впечатляюще. Но в следующий раз я бы порекомендовал упаковывать вашу красоту во что-то менее броское, — сухо прокомментировал он. Когда я расположилась на рабочем месте, посмотрел на меня удивлённым взглядом. — Совещание состоится на пятнадцатом этаже, Элизабет Стоун! Если не поторопимся, опоздаем.

Кинув быстрый взгляд на закрытую дверь, я поспешила за Дэвидом, который не стал более комментировать ни моё впечатляющее появление, ни мой интерес к закрытой двери Энтони.

Набрав в грудь побольше воздуха, я даже не успела выдохнуть, как мы оказались на пятнадцатом этаже. Следуя по пятам за Дэвидом, втайне тешила себя надеждой, что Энтони

не сможет прийти, но в то же время понимала, как глупо было надеяться на это, ведь он не мог пропустить совещание!

Когда мы вошли в конференц-зал, там уже сидело несколько человек, и я выдохнула, чувствуя, как напряжение покидает меня. Но только на время, потому что сейчас не придется объясняться с Энтони.

Заняв самое дальнее место в уголке, чтобы меня не было видно, внимательно исследовала кабинет, в котором мы находились, но почему-то ничего не воспринимала.

Не могла ни на чём сосредоточиться.

Постоянно думала о том, что будет, когда мы все-таки увидимся?

Уверена предстоит долгий и очень трудный разговор, Тони не оставит это дело без внимания.

В очередной раз, обведя пустое, как мне казалось, пространство, задумчивым взглядом, я замерла пригвожденная к своему креслу строгим, пронзительным взглядом голубых глаз!

И прежде чем успела что-то сделать или сказать, Энтони сел возле меня очень близко... так близко, что я почувствовала свежий аромат его дорогого парфюма.

Как мне показалось, громко сглотнув, искоса посмотрела на него и снова наткнулась на этот строгий, осуждающий взгляд.

Засмотревшись, даже не заметила, как совещание началось.

Не замечала ничего, никого, был только он.

Все голоса, разговоры ушли на задний план, когда Энтони медленно положил свою руку на спинку моего стула, до боли ущипнув за плечо.

— Как же это понимать, лисёнок? — гневно прошептал он мне на ухо.

Я замерла будто зайчик, пойманный в его силки, и не смогла ничего ответить.

Застыла, парализованная близким присутствием.

Все еще чувствуя руку Энтони на своем плече, могла думать об одном: стоит только повернуться и я смогу коснуться его губ своими. Вкусить, наконец, сладость поцелуя и плевать, что мы не одни!

А потом поймала себя на мысли, что смотрю как умалишенная на его губы, а Энтони провоцируя меня, закусил нижнюю губу и тихо прошептал:

— Прошу, лисёнок, объясни, что происходит?

Очнувшись от дурмана, почувствовала, как щеки вспыхнули от стыда.

Посмотрела в глаза и увидела, как он мне подмигнул, черт бы его побрал, подмигнул мне!

Покачив головой, отвернулась, спрятав горящее лицо, в ладонях, понимая, что это совсем неподобающее поведение! Я должна сосредоточиться, должна понять, о чём говорит выступающий, что хочет донести нам, но конечно в присутствии Энтони это было просто невозможно!

И как могла забыть, что когда он рядом я теряю все крупы разума?

— Ты должна объясниться, — как только закончилось совещание, строго приказал Энтони. — Я не намерен играть в эти игры, Элизабет! Скажи сейчас же, что ты здесь делаешь?

Ошарашенная его холодным голосом, я впала в ступор. Ведь после того, что Тони делал со мной на протяжении всего совещания... медленно поглаживал по плечу, кусал губы, подмигивал.... не ожидала подобного тона.

Встряхнувшись от наваждения завладевшего мной, вспомнила, кто мы! Вспомнила, где мы находимся, но остудить горящее в лихорадке тело было не по силам, поэтому сделав вид, что собираю бумаги, постаралась, чтобы голос звучал холодно, но чувствовала легкую дрожь и хрипотцу.

— Что именно я должна объяснить вам, мистер Хэйвен? — надменно спросила я, но не услышала от него ответа. Подняв глаза, отметила, что Тони стал каким-то отчужденным.

В глазах появился лед.

— Хочешь поиграть немного? Хорошо, Элизабет, принимаю твою игру, но учти: правила, диктовать буду я!

После этих загадочных слов не спеша удалился из кабинета, оставив меня наедине с лихорадочно мечущимися мыслями.

Я понимала, что допустила непростительную ошибку! Можно было подойти к этому вопросу более мягко, но его холодный тонозадачил меня.

Вот так всегда и было: только я готова поверить, что Энтони подпускает меня к себе, как он тут же обрубает все связи и убегает, словно загнанный зверь.

Последующие дни Тони игнорировал меня! Откровенно пренебрегал моим присутствием, будто не замечал!

Оставлял поручения через своего помощника, но тот не лез с вопросами.

С самого начала я поняла: Дэвид умный мужчина. Он определенно знал, что происходит.

Каждый день, приходя на работу, я видела на своём столе горы бумаг! Их было нескончаемое количество: тонны, которые вываливал на меня Энтони!

И теперь понимала, предложив играть даже не подумала, что правила будут настолько жестоки, а Энтони окажется таким коварным игроком!

Дэвид каждый день удивлял меня. Ему не нужно было ничего говорить, я читала всё по глазам.

Он не задавал лишних вопросов и, похоже, единственный кто догадывался о происходящем вокруг.

Ведь Энтони обращался со мной словно со своей прислугой, а не подчинённой.

Я кляла всё на свете, но терпела. Добрые намерения, с которыми пошла на этот отчаянный шаг, с каждым днём улетучивались.

Энтони причинял мне боль своими словами и ужасным отношением, словно я не человек, а какая-нибудь машина: без чувств и эмоций...

В пятницу вечером неожиданно вспомнила, что завтра должна присутствовать на субботнем вечере у Хэйвенов. После наших перепалок и ругани с Энтони, я должна была отказаться, но в последний момент передумала.

Вечером даже не постучав в дверь, ворвалась в кабинет, напряженная, будто туго натянутая струна, которая вот-вот лопнет! Но увидев своего горячо любимого и так ненавистного порой обидчика, только открыла рот и словно рыба глотала воздух не в силах произнести ни слова.

Энтони был прекрасен, впрочем, как всегда: волосы растрепались, глаза всё так же сводят с ума....

В руках он держал стакан с водой, а на столе лежала горсть таблеток! Мгновение его лицо выражало страх, но потом момент, как это всегда бывало, и вот уже ничего нельзя прочесть в его глазах... Сделав глоток воды, Энтони медленно поставил бокал на стол, при этом ни на секунду не отводя от меня своего грозного, холодного взгляда.

— Решила уволиться добровольно, Элизабет?

— Так вот чего ты добиваешься? — голос звучал тихо, ровно, и оттого в нём чувствовались стальные нотки.

— Это лишь вопрос времени, когда ты расскажешь мне правду, зачем пришла в нашу компанию? Либо продолжишь терпеть своего тирана босса, — пожал плечами, будто было всё равно, но я знала его так долго, что могла с легкостью читать между строк. — Тебе выбирать, лисёнок! Продолжишь игру и увидишь, каким опасным я могу быть. Остановись, пока не поздно.

Последняя просьба прозвучала как мольба. Словно Энтони просил меня отказаться от этой затеи, уйти и оставить всё, как он поступал со мной, но я не он!

Я любила его, люблю и буду любить до конца своей жизни — это та правда, которую я приняла уже давно. Конечно, порой обманывала себя, но в своей любви была уверена как никогда.

Убежденная на сто процентов в том, что он блефует я, миг изменила свои намерения.

Вспомнила о том шансе, который дала мне Грейс. О том, что играть с Тони по правилам, значит оказаться в проигрыше. А я намерена взять первое место и победить его в моей игре. Пусть думает, что правила диктует он, а я стану кукловодом и в тайне буду наблюдать за каждым его шагом!

Поначалу я намеревалась ворваться в кабинет и возможно, даже уволиться, но теперь, осознавчего Тони добивается, нарочито медленно направилась к столу.

Знала, как выгляжу в своем черном, строгом костюме, на шпильках, с распущенными волосами. И позволила Энтони насладиться этим видом, а заодно доказала себе, что он действительно пытается диктовать правила, но хочет этого не больше, чем я.

Аккуратно положив бумаги на стол, склонилась поближе, чувствуя, как он напрягся всем телом, готовый, скорее всего, вскочить с кресла и бежать без оглядки, пока не спустится до первого этажа и не уедет подальше от меня! Но теперь я загипнотизировала его своим взглядом, приказывая оставаться на месте, и он остался!

— На сегодня все ваши поручения, мистер Хэйвен, выполнены, — елеиным голосом пропела я. — Рабочий день окончен, поэтому вынуждена откланяться.

Замерев так на секунду, позволила насладиться моим присутствием, а потом, резко отстранившись, твердой походкой, направилась к двери. Но прежде чем уйти, обернулась и хитро добавила:

— Встретимся завтра, мой строгий босс.

Завидев замешательство на его лице, скрыла улыбку и довольная направилась домой.

***

Утро субботы встретило меня приветливыми лучами солнца. На улице было тепло как никогда.

Я чувствовала прилив сил, потому что вчера смогла сдержать себя и превзойти Энтони!

Это настолько бодрило, что я подумала: смогу свернуть горы, сделать все, что угодно, нужно просто читать между строк и научиться распознавать, когда он блефует, а когда действительно говорит правду.

Конечно, не смогла сдержаться и надеть обычные брюки с футболкой, как всегда одевалась. Этот вечер будет особенным. Этот вечер будет моим!

Мама с утра побежала на работу, поэтому мне было гораздо проще собираться.

Не желала объяснять, почему трачу столько времени на свой наряд. А всё, потому что никогда не была так близка к победе, как сейчас.

Надела маленькое, черное платье, которое обтягивало меня, словно перчатка. Завила волосы, сделала вечерний макияж и надела свои любимые черные шпильки, от которых Энтони не мог отвести глаз.

Весь день я находилась скорее в предвкушении, чем в панике.

Уверена, Энтони даже не подозревал о том, что Грейс пригласила меня на их субботний вечер.

Нас, как обычно, будет четверо, но я знала, что неловкости не избежать. Не в этот раз.

В ожидании, когда мне откроют дверь, надеялась, что это сделает ни кто иной, как мой тиран Энтони.

Хотела, чтобы он первый увидел меня и позволил прочесть в своих глазах, как шикарно я выгляжу.

Это повышало тонус, определённо! Мне нужен небольшой заряд от него, толчок, чтобы двигаться дальше.

Наверное, мои мысли были услышаны, потому что дверь открыл именно Энтони.

Но как оказалось, он подготовился к нашей встрече.

Не стоило предупреждать его о том, что я приду на их семейный ужин.

Он успел надеть свою защитную броню, но на секунду я всё же уловила удивление и вспышку, возможно, желания, которое промелькнуло в голубых глазах, перед тем как Энтони, мило улыбнувшись, поздоровался со мной и заботливо пригласил в дом.

Ах, Тони, вижу, ты подготовился, но сегодня игру буду вести я!

— Элизабет, рад тебя видеть! — поздоровался со мной Льюис, отец Энтони.

Надо признать, его я всегда боялась. Льюис идеальный пример того отца, которого у меня, к сожалению, никогда не было.

Он был заботливым, любящим, обходительным и очень наблюдательным, но менее разговорчивым, чем его жена, Грейс.

Не знаю, чего боялась, но он вызвал во мне чувство восхищения и легкого страха.

Даже сейчас, пожимая его твердую руку, почувствовала, как меня потряхивает от страха.

— Рад, что смогла выбраться. Сегодня ты — главное украшение вечера.

— Благодарю, мистер Хэйвен, — немного покраснев от смущения, ответила я.

Но не успела ничего добавить, как почувствовала на своих плечах теплые ладони Энтони.

Он заботливо помог мне снять легкий кардиган. Воспользовавшись ситуацией, медленно, очень медленно, провел ладонями по моим рукам... наверняка пытается сбить с

толку, и в другой день у него это прекрасно получилось бы, но я знала, зачем пришла.

Не позволю ему выиграть этот раунд.

Победа за мной, Энтони Хэйвен, так и знай!

Конечно, нам не удалось избежать неловких моментов, но больше всего я была удивлена той напряженности, что царила между этой троицей!

Определённо, Льюис тоже знал что-то, чего не знала я.

Опять, в который раз, меня начало преследовать то чувство: вдруг я обезумела и придумываю себе то, чего на самом деле нет? Схожу с ума?

Но каждая минута, проведенная за столом в окружении трех взрослых людей, которые бросали друг на друга мимолетные взгляды, подтверждала: их связывает общая тайна.

Один раз стала невольной свидетельницей молчаливой перепалки Энтони с мамой. Но заметив мой взгляд, он нахмурился и уткнулся в тарелку с лососем, которого так не любил, но всё ещё продолжал поглощать, будто это самое любимое в жизни лакомство!

Мы обсудили мой приход в компанию и Энтони, наконец, получил ответ на свой вопрос: кто помог мне пробраться на эту должность?

Но ничего не сказал, только сухо поджал губы и весь вечер, также как всю неделю, игнорировал меня. А я поняла, что Энтони просто дует, потому что мать не посоветовалась с ним и приняла такое решение в одиночку.

Потому решила играть дальше! Не позволю ему завладеть ситуацией и выставить меня вон, не получив ни одного ответа!

Когда Грейс накормила нас вкусным пирогом с карамельной начинкой, я, наконец, смогла расслабиться, но уже через секунду поняла, напрасно.

— Почему бы вам не прогуляться? — будничным тоном поинтересовалась Грейс.

Я напряглась, но через мгновение, увидев её взгляд, направленный на сына, поняла, они научились разговаривать мысленно.

Читали друг друга по лицам, по движению тела.

И немного приглядевшись, смогла понять, что Грейс вынуждает Энтони подняться и пригласить меня на вечернюю прогулку, а он в свою очередь не желает повиноваться воле матери, но она всё равно выиграла.

Спрятав улыбку, я приняла ладонь, которую протянул Энтони, и позволила ему увести себя.

У них был чудесный двор, в котором Грейс разбила необычайно красивый сад. Я так давно не была там, что забыла, как он выглядит, а увидев, поразились и даже тихо ахнула.

Сделав вид, что не слышит меня, Энтони заложил руки за спину и медленным шагом направился к мостику, который расположился возле пруда, а я стояла и не могла поверить в то, что эта картинка из моего сна.

Того самого, где я бесконечно долго шла по мосту в окружении тумана, а когда выходила на свет, видела перед собой поле из одуванчиков! Только вот это были вовсе не одуванчики, а желтые ромашки, которые сейчас как раз цвели.

Они распустились, поражая красотой, но, как и во сне, я боялась ступить ногой, чтобы не разрушить эту живописную картину...

— Чего же ты застыла, Элизабет? Ты ведь этого хотела? Чего ты добиваешься? Почему не оставишь меня в покое? — вдруг спросил Энтони, резко остановившись на мосту.

— Я хотела всего лишь услышать правду, Тони, — устав от игр, честно призналась. — Скажи: что происходит? Думаешь, я настолько глупа, что не заметила ваше поведение за

столом? Думаешь, не видела твою молчаливую перепалку с мамой и то, как отец украдкой поглядывает на тебя?

— Это тебя не касается! — его голос был таким злым, что я отшатнулась.

Не зная, что еще сказать, пожала плечами и, развернувшись, поспешила к двери лишь бы быстрее убраться отсюда!

Но, не сдержавшись, обернулась и замерла, увидев перед собой Энтони.

Он словно вырос из-под земли! Только что стоял там, на мостике, а теперь рядом со мной.

— Зачем же ты пришла, лисёнок? — шепотом спросил он.

Пока я думала, что ответить, Энтони потянул меня за руку, привлёк в объятия и приник своими губами к моим.

Сколько раз я мечтала об этом моменте? Сколько бессонных ночей провела, думая о том, кому Тони дарит свои ласки, поцелуи. И только во сне мне удавалось украсть у него этот сладкий, запретный плод!

Но реальность разбила все мечты вдребезги!

Думала, если Энтони признается в том, что не равнодушен ко мне, то смогу, наконец, обрести свободу... но получилось совсем наоборот, этим поцелуем он заклеил меня!

Я чувствовала нежное прикосновение его теплых губ.

Он нежно целовал меня, но поцелуй не углублял, а я, решив, что другого шанса может и не быть, отбросила в сторону все сомнения, тревоги, что чувствовала с самого того момента, как встретила его и позволила, наконец, чувствам вылиться в этом поцелуе!

Взяла его лицо в свои ладони, поглаживая большим пальцем четко очерченные скулы, требуя большего.

Сердце лихорадочно вырывалось из груди. Я не могла поверить в то, что это ни мой очередной сон-выдумка, а реальность, настоящая реальность, где все происходит на самом деле!

Когда Энтони отстранился, почувствовала, как меня сотрясает мелкая дрожь.

Казалось, что я сделала что-то неправильно.

Господи, я совсем ведь не умею целоваться!

Отводя глаза в сторону, тихо пробормотала:

— Пожалуй, вызову такси...

Он позволил мне уйти.

Тихо скользнув в приоткрытую дверь, я попрощалась с его родителями, которые сидели в гостиной, с интересом поглядывая на дверь, за которой мы скрылись.

Я вспыхнула, вспомнив о том, чем мы с Энтони только что занимались, хотя в этом и не было ничего особенного!

Всего лишь поцелуй, невинное прикосновение губ, но чёрт, там, на поляне из желтых ромашек, я смогла обрести дом и почувствовать какова на вкус свобода.

Выходные я провела словно в бреду. Не находила себе места, все ждала от него звонка. Так и не дождавшись, мечтала сама позвонить, но не решилась. А он, видимо, не посчитал нужным, будто для Энтони ничего не значило то, что произошло между нами.

В воскресенье до обеда валялась в кровати, не желая вставать, потому что во сне мы зашли намного дальше поцелуя! Я не хотела прерывать самый ответственный момент в своей жизни, пусть даже он происходил во сне.

Думала, что смогу вспоминать, каким горько-сладким на вкус был поцелуй и двигаться дальше, но еще не знала, что этим поцелуем Энтони привяжет меня к себе еще больше. Хотя, кажется, куда уж больше, если я и до этого без него жить не могла. Как бы не повернулась судьба, ни смогу никуда уехать пока не узнаю всю правду.

В понедельник я прихорашивалась дольше обычного. Надела платье глубокого сиреневого цвета. Оно выгодно подчеркивало фигуру, было довольно длинным, чуть ниже колена, чтобы годится для офисной работы.

Как всегда, к образу добавила свои уже ставшие счастливыми, черные туфли на тонкой шпильке.

Легкий макияж, помада персикового цвета и строгий пучок на голове, но в целом образ смотрелся элегантно.

Направляясь к офису, даже не представляла, что меня ждет.

Когда была далеко, за много тысяч миль от него, мы созванивались каждый день, а писали и того чаще, по несколько раз на дню.

Теперь доигрались до того, что избегаем друг друга, не желая смотреть правде в глаза.

Если сегодня будет вести себя так же, как поступал всю прошлую неделю, то нам предстоит очень серьезный и долгий разговор!

Не намерена снова терпеть оскорбления и унижения. Увольняться тем более передумала, если такие мысли и посещали меня, то они остались в прошлом.

Сейчас я была, как никогда уверена, что нужна ему, и должна находиться рядом.

Весь день не могла найти себе места. Дэвид так и не объявился, а дверь в кабинет Энтони была закрыта. Я так и не набралась смелость, чтобы войти и потребовать у него ответы на мои вопросы.

Поручения я получала через телефон. Пришлось побегать, тем более что работы прибавилось. Разгребала я и за себя, и за Дэвида.

К вечеру извела себя окончательно. Бросив быстрый взгляд на закрытую дверь, подумала было, что стоит оставить все как есть, но...

— Тони, где Дэвид... — толкнув дверь, начала я и замерла. Увидела в его объятиях смазливую блондинку, которая к тому же, на мой взгляд, слишком энергично присосалась к моему боссу.

Подобного я точно не ожидала! Не зная как реагировать, приросла к полу, не в силах сделать шаг вперед, а лучше назад...

Возможно, снова блефует? Думает что, увидев его с другой, я в гневе уйду из компании?

— Любимый, что же я вижу? — притворно сладким голосом, пропела я.

Хлопнув дверью, вошла в кабинет.

Девушка отскочила от Энтони, словно обожглась.

Усмехнувшись, я посмотрела на нее, будто каждый день заставляла своего босса в подобных компрометирующих ситуациях и чопорно добавила:

— Вам стоит быть более разборчивой, если хотите работать в этой компании.

Явно не ожидая от меня подобного, она сделала именно то, на что я рассчитывала: извинилась и быстро ретировалась, оставить нас наедине.

Посмотрев на Энтони, я ждала от него чистосердечного признания, но он молчал, тогда я окончательно убедилась в том, что была права — это всего лишь блеф!

Не знаю, откуда у меня взялась смелость, но вскинув брови, я загадочно улыбнулась и медленно прошла вперед.

Прикусив зубами нижнюю губу, аккуратно скинула туфлю с правой ноги, поставила на стул и медленно начала снимать чулок... всё ниже и ниже, ткань скользила по телу, а Энтони скользил глазами по мне...

— Что же ты делаешь? — хрипло спросил он. Вскочил со стула, подлетел ко мне и схватил за руку, в попытке остановить. — Перестань, пока не поздно! Не хочу вмешивать тебя во все это. Остановись...

Я чувствовала его панику, видела страх в глазах, но останавливаться даже не думала.

Закинула руки ему на плечи и, прижав к себе, тихо выдохнула:

— Ну, хорошо, мы сыграем с тобой. Скажи, что не хочешь меня... — я замолчала, давая ему время переварить мои слова, а потом с хрипотцой добавила, — ...видеть. Скажи, что не нужна. Наберись храбрости, порви со мной. Тогда я готова признать поражение и в тот же день уйти, и ты больше никогда меня не увидишь, только скажи.

Когда он понял, что не сможет солгать, глядя мне в глаза, я отстранилась, не спеша натянула обратно свой чулок, затем надела туфлю и уже всерьёз, добавила:

— Не хочешь говорить о том, что было между нами? Пускай! Считаешь тот поцелуй ошибкой? Плевать! Но не смей лгать мне в лицо и больше никогда, слышишь, никогда не делай, так как ты сделал сегодня! Это больно, Энтони.

Я развернулась, и хотела было уйти, но он снова не позволил!

И вот так всегда, когда я готова была оставить все попытки бороться, он возвращал меня, не в силах отпустить.

Не хотел подпускать слишком близко, но и отпустить совсемне мог.

— Не хочу вмешивать тебя в это, — прежде, чем снова обрушить на меня свой поцелуй, выдохнул он.

Я слышала, как голос Энтони дрогнул, значит, снова лжет! Он боится, но хочет, очень хочет, чтобы я узнала правду.

Отстранившись, Тони опустил глаза вниз, явно опечаленный тем, что сделал. Тем, что произошло между нами, поэтому я решила быть сильной за нас обоих.

Ему не хватало храбрости, мне не хватало правды.

— Отвезу тебя домой. Уже поздно, — резко добавил он и, развернувшись, вышел из кабинета, снова, в который раз, оставив меня одну.

Я решила подыграть, поэтому всю дорогу пока мы ехали, не произнесла ни слова.

Тихо наблюдала за его монотонными действиями. Как с силой Тони сжимает руль, медленно поворачивает, скользит руками по коже и представляла, как этими самыми руками он будет скользить по моему обнаженному телу...

Вместо того чтобы сосредоточиться, я расплылась теплой лужицей на сидение, пока мысленно рисовала эротические картины и даже не заметила как мы подъехали к дому.

— Может быть, хочешь чашечку кофе? — будничным тоном осведомилась я, выходя из машины, будто не ждала от него согласия.

Но Энтони повторяя мои действия, тоже вышел и последовал за мной.

Как только мы вошли, я почувствовала, будто сердце, словно крохотная птичка, пытается вырваться из груди.

Одно я знала наверняка, если промедлю, могу передумать и вовсе спасовать. А мне нужно было понять: готов ли Энтони пойти дальше?

Действительно ли те поцелуи были чем-то большим или мне показалось?

Повернувшись, я оказалась с ним лицом к лицу.

— Останься, — тихо попросила. — Мне не нужно никаких обещаний, слов любви. Просто останься.

Тони кивнул и вошел в дом, закрыв за собой дверь.

Сегодня мама была на ночном дежурстве, свет нигде не горел, и этот полумрак позволил мне раскрепоститься.

Я видела только его глаза, бездонные, небывалой красоты глаза, в которых тонула.

Подойдя к Энтони, приложила палец к губам, не позволив ничего сказать, понимала, второго шанса не будет. Знала, что не смогу еще раз быть такой смелой, какой была сейчас.

Так долго мечтала оказаться в его объятиях, почувствовать нежные прикосновения рук на своей обнаженной коже. Так долго, что просто не было сил отступить, забыть, выкинуть из головы, выставить вон и оставить всё позади.

— Прошу, Тони, — молила я, словно умирающий. Просила подарить мне этот глоток живительной воды, которым был его поцелуй.

Я только слышала, как с тихим стоном он пробормотал «к чёрту всё!» и подарил мне долгожданный, незабываемый поцелуй.

Поначалу Тони медлил, позволяя мне привыкнуть к неторопливым движениям его губ, но я этого не хотела!

Мне нужно получить всё и сразу. Я не могла упустить этот момент. Втянув в себя его нижнюю губу, прикусила и, услышав очередной стон, сорвавшийся с его прекрасных губ, дала понять, мне не нужна осторожность, с которой Энтони действовал!

Хотела, чтобы он взял меня грубо, властно, чтобы ни в чем себя не сдерживал.

Хотела, чтобы эта ночь была только нашей и не важно, что будет завтра! Возможно, утром он раскается в том, что сделал, но для меня эти мгновения навсегда останутся в памяти.

Внезапно Тони схватил меня в объятия и резко развернувшись, прижал к двери. Впился в губы, властным поцелуем требуя ответить, и я отвечала, черт, я отвечала на каждый его толчок, на каждое движение, с радостью ловила хриплые стоны.

Его язык медленно очертил контур моих губ, властно вторгся в рот, исследуя, пробуя и наслаждаясь каждым мгновением. Это был незабываемый поцелуй, о котором я мечтала долгие годы и плевать на все последствия! Плевать, что потом, очнувшись от дурмана, я буду страдать, но со мной останутся сладкие воспоминания...

Подхватив меня на руки Энтони, быстро прошел в гостиную, сел на диван, а я оказалась сверху.

Всё так же, не прерывая поцелуя, мы ласкали друг друга, от чего мне было жарко.

Тело горело, будто в лихорадке.

— Ох, лисёнок, ты такая красивая... — прошептал он.

Медленно прочертил дорожку поцелуев от моих губ к шее. Прикусил плечо, тут же поцеловав его, нежно провел языком по ключице.

А я словно бабочка трепетала в его руках. Была на седьмом небе от счастья, не веря в то, что это происходит не в моём очередном бредовом сне, а наяву.

Наслаждалась каждой лаской, каждым поцелуем, прикосновением его нежных губ, рук...

Наше дыхание слилось воедино, тела были горячими и потными.

Я чувствовала, как задыхаюсь, когда Энтони потянул за ляжку, опустив лифчик вниз.

Тихо выдохнула, когда его губы накрыли сосок.

Он прикусил его зубами нежно и очень ласково.

Ко мне еще никто не прикасался так открыто. Да я никому и не позволяла, ведь кто кроме него способен ласкать меня так самозабвенно.

Когда Тони отстранился и посмотрел на меня, я заметила в его взгляде опасность, к которой так отчаянно стремилась, словно мотылёк летела на огонь. И готова была сгореть в его руках. Голубые глаза блестели, казалось, даже немного почернели от желания, которое накрыло нас с головой!

Я до безумия хотела его каждой частичкой своего существа. Всем сердцем желала только его!

Потянувшись к рубашке, расстегнула верхнюю пуговицу и нервно закусила губу, потому что не знала, как правильно прикасаться. Как доставить удовольствие? Что если ему не понравится со мной? Что если я сделаю что-то не так, и тогда Тони просто уйдет?

Я потянулась ко второй пуговице, но Энтони не позволил расстегнуть, зажав мои руки своими.

— Ты так неопытна. Такая робкая, лисёнок.

Ну, вот сейчас скажет, мы не подходим друг другу!

Что я слишком медлительна! Не знаю, как нужно обращаться с женщиной, и все будет закончено. Не желая слышать подобных слов, склонилась, хотела его поцеловать, но Тони не ответил, и я поняла, что сделала что-то не так. Поняла, что упустила свой шанс, но пыталась всеми силами ухватиться за ускользающую возможность провести эту ночь в объятиях любимого.

— Почему не позволяешь прикоснуться к тебе? Я сделала что-то не так?

— Прости, просто не могу...

Я замерла, будто получила пощечину! Лучше бы он ударил меня, это бы я смогла пережить, но его отказ, откровенное нежелание подарить мне одну лишь ночь, больно ранили!

— Не думала, что буду чувствовать себя такой грязной, распутной шлюхой...

— О чем ты говоришь, лисёнок? Правда, всё не так...

— А как, Тони?

— Прости, я просто не могу, — снова прошептал.

— Что, такая девственница, как я тебе, не подходит? Может быть, нужно для начала переспать с кем-то другим, а потом приходить к тебе? — надломленным голосом спросила я. Энтони был явно шокирован моим заявлением, но я не могла уже остановиться. — Скажи мне, черт возьми, не молчи!

— Прости.

— Господи, чувствую себя так гадко! Пытаюсь соблазнить тебя, а ты совсем меня не

хочешь! Тогда скажи, чего же ты хочешь? Скажи мне? — стыдливо прикрывая обнажённую грудь руками, схватила какую-то кофту, отчаянно пытаюсь укрыться, но руки предательски дрожали. Ничего не получалось.

— Лисёнок... — тихо прошептал Энтони.

— Что же ты делаешь? Говори, зачем еще больше наказываешь меня? Мне и так стыдно за то, что пыталась совратить тебя! Или что я должна попросить тебя трахнуть меня? Так вот она я, бери! Это ты хочешь услышать? Я должна просить, умолять?

Но он просто молчал.

Тихо чертыхнувшись, встала, собрав последние остатки гордости и быстро скрывшись в ванной, закрыла дверь на замок.

Обнимая себя руками съехала на пол, тихо коря за то, что так глупа, так наивна. За то, что поверила и возжелала того, кто никогда не будет моим!

После той памятной ночи прошло три дня, и мы с Тони больше не виделись. Мне было стыдно. Чувствовала себя какой-то совратительницей.

Мне никогда не было так гадко на душе! Никогда не чувствовала себя так мерзко.

Энтони не хотел меня, а я накинулась на него, словно голодная девица, готовая растерзать на кусочки. Откровенно и бесстыдно предлагала себя, свое тело, до этого не знавшее мужской ласки, а он просто отказался и ушел.

Наверное, после сложившихся обстоятельств избегать друг друга единственно верное решение.

Мне было стыдно даже смотреть на себя в зеркало. Ведь я все еще чувствовала, как сильно желаю его. Стоило только вспомнить тот поцелуй, как Энтони тихо стонал, шептал мне на ушко милые нежности, ласкал грудь... и вот за это мне было стыдно.

Но больше всего стыдилась, что всё равно, до безумия, хотела его, несмотря на то, что произошло.

Больно, что Тони отверг меня, отказался подарить хотя бы одну-единственную ночь.

Неужели я этого не заслужила? Неужели не стою того, чтобы ради меня нарушить все правила и запреты?

Видимо, нет, для Энтони я не стою ничего.

И на что я надеялась, когда возвращалась к нему? Ведь именно к нему я вернулась в этот город.

Теперь просто не представляла, что делать, когда увижу его снова?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А это непременно рано или поздно случится, как бы сильно я не желала обратного, в любом случае мы встретимся. Хоть Энтони и не появлялся на работе несколько дней, я знала, что избегать меня все время у него не получится.

И совершенно не понимала как вести себя, что говорить, что делать? Может просто пройти мимо, словно мы два абсолютно незнакомых друг другу человека?

К концу недели, когда Энтони объявился, я поняла, что попросту устала от этой игры в кошки-мышки и решила поставить точку!

В среду он собрал у себя в кабинете небольшое совещание. Тогда я решила, во что бы то ни стало, выяснить правду!

Почему Тони сбежал? Почему игнорирует меня и не хочет поговорить о том, что произошло субботним вечером?

Когда все вышли, осталось всего три человека, с которыми он продолжал беседовать. Я замерла в дверях не в силах сдвинуться с места, потому что знала — это тот самый момент. Чувствовала, если не сейчас, то никогда.

Даже не поднимая головы, Энтони строго приказал:

— Можете приступать к своей работе, Элизабет. Не смею вас больше задерживать. Вы получили все надлежащие инструкции, — я в упор смотрела на него, подбоченясь. Озадаченная его тоном, я чувствовала себя неловко, но с места не сдвинулась, стремясь всеми силами не показывать ему своего истинного состояния. Я поклялась себе, что уж в этом раунде игры победа будет за мной, чтобы он там себе не думал. Тогда Тони поднял голову и встретившись с моим взглядом, спросил. — Может вы хотели что-то уточнить?

— Хочу довести до вашего сведения, Мистер Хэйвен, я меняю правила игры! — он вскинул брови, явно не поверив в то, что я пойду до конца и прямо здесь раскрою все наши тайны. — Да будет вам известно, я разочарована вашим бегством. И теряюсь в догадках! Как это понимать: оставили меня полуобнаженной, и сбежали, словно жалкий трус, а теперь избегаете меня. Имейте смелость посмотреть мне в глаза и сказать правду!

Я думала, Энтони будет в гневе. Я думала, он будет настолько зол моим беспардонным заявлением, что просто выгонит вон и вообще больше никогда не заговорит!

Но вместо этого Тони прикрыл рукой глаза, и я заметила на его лице улыбку.

Конечно, не ожидал такого поворота, а я не ожидала, что смогу выпалить эту голую правду при свидетелях.

Услышав его смех, не отвела глаз, желая узнать ответ.

— Я понял вашу позицию, — в той же манере сообщил он, а в голосе отчетливо слышался смех. — Теперь можете быть свободны, а после совещания прошу зайти ко мне, Элизабет.

Пришлось подчиниться приказу и тихо удалиться, но спиной я чувствовала пристальные взгляды мужчин.

Пускай, плевать, что они слышали мои слова! Плевать, что я обнажила душу перед незнакомцами, чтобы Энтони наконец-таки перестал лгать!

Я только надеялась, что он сдержит обещание и сможет объяснить, что между нами происходит.

Казалось, время замедлило свой бег. Остановилось.

Ожидая разговора, я нервно теребила кончики волос, накручивала на палец, грызла карандаш, чего не делала со школы. Сверлила дверь пронзительным взглядом, словно хотела заглянуть туда и узнать: что происходит?

Когда все покинули кабинет, посмотрев на время, я заметила, что прошло не больше получаса, но мне показалось, что сижу здесь целую вечность и все никак не могу дождаться нашего разговора. А теперь, когда Энтони застыл в дверях, поняла что боюсь.

— Я так полагаю, ты уже передумала? — тихо спросил он и, не дождавшись ответа, зашел в кабинет, оставив дверь открытой.

Собравшись с мыслями, я выдохнула и последовала за ним.

— Я настолько омерзителен тебе, что ты не можешь посмотреть мне в глаза, Элизабет? — в его вопросе звучала горечь. — Понимаю, я не достоин твоего внимания, но коль уж ты решила выяснить всю правду, то будь добра посмотри мне в глаза.

Повинуясь приказу, вскинула голову и, отбросив прочь страх, посмотрела на Энтони.

Снова в который раз, утонув в голубых глубинах его глаз.

— Никогда не была слабой и вовсе не презираю тебя, просто собиралась с мыслями, — честно призналась. — Неужели ты созрел для того, чтобы рассказать мне правду, от которой так тщательно ограждал всё это время?

— Тебе это не нужно. Тебе вообще не нужна вся эта жизнь. Моя жизнь, — надломлено ответил. — Поверь в этом мало хорошего. Я не принесу тебе ничего кроме страданий и боли. Будешь потом еще винить меня, проклинать за то, что не остановил, когда была такая возможность.

— Возможно, буду проклинать, но если не расскажешь, никогда не узнаешь, как я отреагировала бы. Поверь, я умею удивлять.

Энтони усмехнулся. Я даже заметила искорки смеха в его глазах.

— Можешь не сомневаться в том, что я заметил, как ты можешь удивлять. Ты прекрасно доказала это!

Он еще раз улыбнулся, вспоминая тот момент. А я почувствовала на губах ответную улыбку, и когда Тони перевел свой взгляд на меня, его глаза снова потухли, будто кто-то внутри переключал его настроение тумблером, до которого я, к сожалению, так и не смогла добраться.

Усмехнувшись, прошла вперед, отодвинула стул и села напротив, давая понять, что не уйду. На этот раз уж точно не уйду.

— Доверься мне, ведь я никогда тебя не подводила, Энтони, — но он, молча, смотрел в мои глаза, будто желал, чтобы я сама заглянула к нему в голову и прочла все мысли, чувства, эмоции. Вытащила наружу весь тот страх, что копился в нём долгое время, что мы не виделись.

Если бы только могла заглянуть в его мысли я бы сделала это, чтобы освободить Энтони от этого бремени, потому что видела, как тяжело ему дается каждое слово.

Я всегда облегчала его путь и со временем ничего не изменилось.

— Не хочу давить на тебя. Если не готов, просто скажи, и я уйду, а вернусь только тогда, когда позовешь, — снова тишина.

Не выдержав этого немного, умоляющего взгляда, я стукнула ладонью по столу, от чего Энтони едва заметно вздрогнул.

— Прошу, не молчи, ответь же! Ты делаешь мне больно, разве не понимаешь? Не отпускаешь меня, но и не позволяешь приблизиться! Реши уже, что тебе от меня нужно? Почему ты делаешь всё это? Ты целовал меня, был в моём доме, смотрел на меня обнажённую и сказал, что просто не можешь. А я ведь так мечтала, глупая...

На последних словах запнулась, понимая, что сболтнула лишнего. Можно сказать, вывалила на него всё то, что горело во мне давным-давно, с самого детства! С того самого момента, как он запал мне в душу.

Прикусив язык, поникла, но глаз не отвела, потому что он удерживал мой взгляд, начиная понимать, что я имела в виду.

— Закончи то, что ты начала, Элизабет, — не попросил, а приказал Тони, но теперь молчала я. — О чём ты мечтала, скажи мне.

— Почему я должна отвечать на твои вопросы? Когда мои ты игнорируешь? Так нечестно, знаешь?

Он протянул руку, взял мою ладонь, поглаживая большим пальцем кожу.

— Прошу, Элизабет.

Мы смотрели друг другу в глаза, и я чувствовала, как сердце отбивает чечетку в груди. Мозг вопил о том, чтобы я заткнулась, а сердце ликовало, ведь оно всегда желало быть услышанным.

— Всегда мечтала оказаться в твоих объятиях, — выдохнула на одном дыхании. — Мечтала слышать ответное: люблю...

Он прикрыл глаза, будто эта правда причинила боль. Только сейчас Энтони осознал, насколько близко я всегда была, но он никогда не замечал меня.

— Я всегда искал любовь не там, — хрипло выдохнул он, все также, не открывая глаз. Я увидела, как по щеке его скатилась слеза. — Не нужно было искать, нужно было просто открыть глаза пошире. Ведь ты единственная всегда была рядом, лисёнок.

На последних словах Энтони открыл глаза полные слез, муки и страданий. Снова в

который раз, заставляя меня, бояться, потому что никогда не ожидала увидеть подобные эмоции.

Я не успела ничего ответить, Тони резко поднялся и хотел подойти ко мне, однако ноги подкосились, и он упал, ударившись головой о твердый пол.

Мой мир почернел и рухнул вместе с Энтони, который лежал без сознания у моих ног...

Вроде там, где туда-сюда, непрерывным потоком ходят люди, доктора и медсёстры, разговаривают, что-то делают, не должно быть одиноко, не должно быть так тихо, но все, что я слышала — только тишина.

Сидела возле палаты Энтони, смотрела в противоположную стену, на которой кажется, виднелись запекшиеся брызги то ли крови, то ли каких-то лекарств, смотрела и не могла понять, почему все, что я слышу и чувствую — это тишина? Тихая, ровная и спокойная тишина?

Может я просто в шоке?

Не знаю. В этот момент я ничего не понимала!

Слышала, что кто-то звал меня по имени, даже теребил за плечо, но не обращала никакого внимания.

Не могла покинуть свой уютный уголок, в котором нашла спасение после неутешительного вердикта доктора.

Меня словно разделили надвое!

Одна половина была спокойная, тихая.

Тогда как вторая — сходила с ума! Если бы можно было что-то разбить, я бы с удовольствием это сделала, но вокруг не было ничего, кроме мельтешащих перед моими глазами людей в белых халатах, голых стен, которые вызывали тоску, и лавки, на которой я сидела.

Мелкая дрожь сотрясала все тело, руки были холодными, словно я несколько часов подряд держала их в ледяной воде, а в душе пустота, от которой было еще страшнее.

«Он умирает».

Это всё что я поняла из многочисленных слов, которые доктор пытался донести до меня.

Теперь всё было неважно: мои idiotские попытки внедриться к нему в компанию, тот субботний ужин... все странности, которые я замечала за ним и его семьей были неважны сейчас!

Вот он тот секрет, который Энтони так тщательно пытался скрыть от меня, а я всеми силами желала узнать правду!

А теперь где-то внутри, глубоко, тихий голос посмеивался надо мной, вопрошая: «Довольна теперь, когда узнала что он умирает? Довольна?»

Пребывая все еще в своем маленьком, безопасном мирке под названием «тишина», я словно в бреду услышала голос, а обернувшись, поняла, откуда исходил звук.

Доктор, которому я представилась невестой Энтони, пытался привести меня в чувства.

Не думала что я такая слабохарактерная и упаду в обморок, но именно это и произошло.

Сознание просто отключилось, чтобы не разрушиться окончательно от той правды, что обрушилась на меня. Той правды, от которой следовало бежать сломя голову, а не искать ответов. И почему я не оставила попытки? Почему словно упрямый бык перла как таран, снося все на своем пути?

А теперь вот настало время расплачиваться за ошибки.

— Мисс, с вами все будет в порядке? — то ли спросил, то ли сказал доктор, помогая мне принять вертикальное положение.

Я закивала как болванчик, но почувствовав, что голова отдается болью на каждое движение, остановилась. Видимо когда потеряла сознание, хорошо стукнулась о лавку.

Медленно повернув голову, посмотрела на доктора и тихо поинтересовалась:

— Прошу, скажите, что все это выдумка. Разбудите меня, умоляю! — с каждым словом голос нарастал, и уже к концу предложения я кричала. — Разбудите меня! Я всего лишь сплю!

Конечно, подобного никто не ожидал, да я и сама не думала, что все обернется таким вот образом. Ведь еще, каких-то полчаса назад я призналась Энтони в любви, он сделал почти то же самое, а теперь все разрушилось.

Я хотела повернуть время вспять! Отмотать эти несчастные минуты назад и оказаться там, на работе. Возможно, даже не входить в его кабинет, тогда быть может, ничего этого не произошло?

Я все так же любила бы его, а он избегал меня, но был бы жив...

Забившись в истерику, я закричала что было сил! Даже ударила доктора несколько раз, в грудь, пытаясь добиться от него настоящей правды, ведь эта мне не подходила!

Но когда он схватил меня в объятия и крепко сжал, почти до боли, а на крик высыпал весь медицинский персонал, я начала осознавать происходящее.

Повиснув у него на руках, словно безвольная, сломанная кукла, прикрыла глаза, чувствуя, как по щекам катятся слезы.

Перестала кричать, только тихо всхлипывала время от времени, не в силах больше ни говорить, ни двигаться. Как же так получилось? Почему он не сказал, что происходит? Почему?

— Я в порядке, — горький смешок слетел с губ. — Правда, можете отпустить, не стану больше буйствовать.

Я чувствовала как доктор замер на несколько мгновений, явно не поверив ни единому слову, но так как продолжала висеть в кольце его рук, словно закованная в цепи, он решил, что я действительно не представляю больше опасности. Помог присесть на скамейку и опустился рядом.

Люди смотрели на нас с подозрением. Плевать! Пусть думают, что хотят, да это и будет вполне обоснованно, сейчас я больше походила на ненормальную, которую временно приняли стены этой больницы.

— Вы ведь не его невеста? — заметил доктор.

Подняв голову, я смахнула с лица слезы и кивнула, говорить не могла. Сейчас все было слишком. Любые попытки сказать хоть слово, грозили закончиться новым срывом, и на этот раз меня просто так не отпустят, а ведь Тони все еще лежит в палате, без сознания...

— Мы позвонили его родным, они скоро приедут, а вы должны покинуть...

— Нет, прошу. — Умоляла я, потому что уйти сейчас, значит потерять его. Мне казалось если уйду, больше никогда его не увижу. — Дайте мне немного времени.

— Простите, вы не являетесь ему невестой. Я не имею права пускать вас. Вы — никто. — Это «никто» отозвалось болью в сердце. Схватив его руки, я встала на колени, чем явно застала доктора врасплох. — Я даже не должен был говорить о том, что у Энтони рак...

— Прошу.

Большого не потребовалось, вся безнадежность слышалась в этом единственном слове.

— Пять минут, не больше, и я буду находиться в палате.

Трясущимися руками, открыв дверь, переступила порог, набрала в грудь побольше

воздуха, сделала шаг и застыла.

Энтони уже пришел в себя, похоже, именно это и собирался сказать мне доктор, когда я устроила истерику.

Мы смотрели друг на друга, и не нужно было слов. Он видел в моих глазах правду, ту от которой так тщательно оберегал все это время, которую сам и раскрыл.

Прикрыв глаза ладонью, тихо выдохнул:

— Прошу, оставьте нас.

— Но, мистер Хэйвен, я не имею права...

— Хорошо, — выдохнул Тони и снова посмотрел на меня. — Лисёнок, прости.

— Ты вообще собирался мне сказать?

— Я хотел...

— Когда? — закричала я.

— Как только мы встретились, но...

— Но? — подтолкнула.

— Мне не хотелось терять тебя.

— Почему ты пришёл ко мне? Как же все твои предыдущие подружки?

— Они не поймут, я им не нужен такой.

«А мне нужен, потому что люблю!» — с горечью подумала я.

И за каким дьяволом я вспомнила о его прошлых отношениях? Наверное, потому что говорить о болезни просто не могла.

Ведь после того как произнесу эти слова вслух, они превратятся в правду, а мне не нужна такая правда.

Я нуждалась в спасительном маяке и, чтобы сохранить холодный разум, должна просто уйти. Не смогу видеть, как он умирает у меня на глазах. Не смогу попрощаться и отпустить.

— Господи, — выдохнула и прижалась спиной к стене, снова позволив слезам заструиться по лицу.

— Не нужно. Я уже смирился с тем, что не проживу достаточно долго, чтобы...

— Замолчи! — отрезала я, выставив руку вперед, словно только так могла заставить его замолчать.

Он умирает. ОН УМИРАЕТ!

Эта фраза раз за разом крутилась в голове, словно заезженная пластинка, и я уже слышала, как шепчу ее вслух, а Энтони пытается дотянуться до меня, но если останусь, не переживу...

Он все понял по моим глазам.

— Не уходи.

Но развернувшись, я выскочила из палаты и побежала по пустому коридору, что есть мочи, не в силах остановиться.

Толкнув плечом дверь, вылетела на улицу, безумная, сумасшедшая и потерянная.

Столкнулась с кем-то...

— Элизабет?

Грейс Хэйвен! Ну конечно!

Она поймала меня за локоть, но посмотрев в глаза, тут же обо всем догадалась.

— Ты знаешь.

— Не держите меня. Не смогу вернуться. Я не в силах снова...

Закусив губу, всхлипнула. Грейс попыталась прижать меня к себе, но меня остановила

печаль, что читалась в ее глазах, то же чувство потери, которое сейчас обуяло меня. Вот только у нее было время смириться с неизбежной истинной, а я только узнала, что никогда не смогу принадлежать тому, кого любила всей душой!

Вырвав руку, развернулась и побежала, слыша, как она зовет меня, приказывает вернуться, но я не остановилась, даже не обернулась!

Словно вихрь, ноги уносили меня прочь от того места, где окончилась моя жизнь.

Слезы застилали глаза, поэтому пришлось остановиться, дыхание сперло, грудь горела, ноги не слушались...

Упав на колени, я зарыдала во весь голос от агонии, что разъедала душу! Что разорвала сердце на мелкие кусочки!

Это была даже не боль, это было нечто большее!

Гнев, который я испытывала, сначала злясь на Энтони, потом на весь мир, потом на себя за то, что докопалась до правды, которая разрушила меня.

Ведь знать, что тот, кого ты любил всю свою жизнь, о ком мечтал, скоро умрет, его просто не станет, что может быть ужаснее?

Спрятав лицо в ладонях, я рыдала, безостановочно кричала, но никто так и не подошел ко мне.

Я осталась одна, наедине с этой болью. Я сходила с ума, но никто не мог помочь мне.

Никто, никогда... уже никогда...

Восемь месяцев назад

Открыв глаза, первым делом я увидел испуганные лица своих родителей.

Мама тут же подбежала, схватила меня за руку и сжала до боли, словно хотела убедиться, что я действительно здесь.

Оглядевшись по сторонам, я понял, что нахожусь в больнице.

Никогда не любил густой, удушающий запах фенола, хлорки и лекарств. Стерильность этой безумной чистоты раздражала. Меня всегда отвращала подобная обстановка.

Не выдержав тяжелой тишины, посмотрел на маму, стараясь, чтобы голос не дрожал, потому что страх в её глазах, пугал до чертиков!

— Что происходит? Почему мы в больнице?

— Прости, знаю, как не любишь бывать здесь, но Тони, ты был без сознания. Я просто не знала что делать. Мы с папой позвонили Максу Кингу. Ты ведь его помнишь? Наш старый друг, он...

— Но что случилось? Я помню, как мы ужинали...

Мама с папой как-то странно переглянулись, а я понял: что-то не так.

— Говори, не молчи! Не нужно этой тишины. В глазах твоих, мама, стоит такой испуг. Скажи что происходит?

Она прикрыла глаза рукой и тихо всхлипнула, но отец ответил мне:

— Это случилось два дня назад, Тони: вот сидишь, улыбаешься, рассказываешь забавную историю, и вдруг твои глаза закатываются, и ты падаешь в обморок. Температура подскочила, мы запаниковали. Вызвали скорую, и они срочно доставили тебя сюда. Даже не представляешь, что мы с мамой пережили за это время: чуть с ума не сошли, пока ты лежал, не приходя в сознание.

— Два дня? — шокировано переспросил. — Серьезно или вы шутите? Что происходит? — в голосе четко слышалась паника. Я был не в силах сдерживать эмоции, которые рвались наружу.

Мама не успела ответить, в этот момент дверь в палату открылась, и вошел наш давний друг Макс.

По лицу его было видно дела мои плохи.

— Тони, мы несколько раз перепроверили анализы. Прости, но у меня неутешительные новости для всех вас. — Обведя каждого из нас внимательным взглядом объяснил. — Мы обнаружили первичную злокачественную опухоль. Если точнее, то это глиома ствола головного мозга, — он запнулся, но тут же продолжил. — В этом случае нужно подключить все возможные варианты лечения. Так как данный вид опухоли не операбелен, подойдет химиотерапия, лучевая радиотерапия, определенное медикаментозное лечение помогут продлить твою жизнь но, к сожалению ненадолго.

Мама ударилась в слёзы, отец крепко сжал её в объятиях, тогда как я прикрыл глаза, не поверив ни единому слову!

Этого просто не может быть! Наглая ложь!

— Думаешь, я настолько жесток, чтобы играть твоей жизнью? — строго спросил Макс. Наверное, я сказал вслух о том, что не верю его словам. — Ты будешь проходить лечение в лучших больницах, под наблюдением самых опытных докторов. Я устрою всё, это даже не

обсуждается! К сожалению, мы слишком поздно поставили диагноз. В твоём случае уже появились метастазы, которые распространились в другие ткани и органы.

Он ещё что-то говорил, но я уже не слушал, делал умный вид, что понимаю его и согласен на всё! На лечение, обследование и прочие процедуры... всё что угодно. А сам был отсюда далеко. Где-то на другой планете, там, где это всё просто ложь! Жестокая насмешка судьбы.

Когда Макс подошел ко мне, я заявил со всей уверенностью, что чувствовал в душе:

— Это ошибка! Должно быть, кто-то поставил неправильный диагноз.

Макс покачал головой, я не поколебал его уверенность в том, что никто не мог ошибиться.

— Я лично проверил все анализы, здесь нет никакой ошибки, Тони. Прости, понимаю, как это сложно, но... — он неопределенно пожал плечами. — На начальном этапе в большинстве случаев болезнь протекает бессимптомно, а потом может резко перескочить в другую стадию. На данный момент единственно возможный выход уменьшить боль и продлить тебе жизнь с помощью активного лечения: лучевой терапии. Скорее всего, удалить раковые клетки полностью не получится, но на какое-то время мы сможем остановить их активность.

Из того, что сказал Макс, я не понял ни слова и снова повторил, больше, наверное, для себя, чем для него:

— Это ошибка! Я не болен. Ведь раньше не было никаких симптомов. Уверен после того как мы всё ещё раз тщательно проверим, подтвердятся мои слова: это ошибка, Макс.

Я не обратил внимания на то, как он переглянулся с моими родителями. Они явно думали, что я брежу или просто сошел с ума, раз утверждаю подобное! А я знал одно: это не может быть правдой! Вранье, ложь, я не болен. Кто-то просто чудовищно ошибся в своих расчетах!

Действительно был уверен в том, что когда пройду дополнительные исследования и повторно сдам все анализы, окажется, что прав был я, и все переживания, которые сейчас выпали на нашу долю, напрасны!

— Всего лишь ошибка, Макс.

Он долго смотрел мне в глаза, возможно, пытался этим затянувшимся молчанием показать всю сложность сложившейся ситуации или взглядом хотел внушить мне, он точно не мог ошибиться — это правда. Но я был неприступен и не собирался отступать!

Если не он, то кто-нибудь другой повторно обследует меня, сделает все нужные анализы и скажет — это просто переутомление от того, что я давно не отдыхал!

Не знаю, сколько бы еще мы сверлили друг друга упрямыми взглядами, но Макс сдался первым.

— Хорошо, если считаешь, что кто-то мог так чудовищно ошибиться, мы проведем повторные тесты. Но обещай, как только диагноз подтвердится, ты примешь все условия лечения и не сбежишь! Порой боли бывают настолько сильными, организм сдается от борьбы, а человек попросту сходит с ума.

— Это ошибка, Макс. Уверяю тебя. Ты удивишься, когда узнаешь о том, что хотел лишить здорового человека нормальной жизни.

— Только прошу, не отступай назад, — почему-то добавил напоследок Макс.

Наверное, тогда я впервые задумался о том, что сделал, дабы заслужить подобный конец?

Будет больно и мучительно. Я медленно, потихоньку, буду умирать внутри и это сводило с ума.

И тогда же, впервые, начал молиться.

Молился о том, чтобы это была всего лишь ошибка.

Молился о том, чтобы все, что сказал Макс, оказалось ложью, но не мог перестать думать о своей пустой, одинокой жизни.

Я не успел сделать абсолютно ничего.

Просто плыл по течению, принимая каждую прожитую минуту как нечто само собой разумеющееся.

То, что есть у каждого человека то, что даровано всем людям, но почему-то кто-то, наверное, выше, решил, что я недостоин, прожить целую жизнь.

И вот об этом я молился.

Всё то время, пока проводились повторные анализы, я торчал в больнице, проклиная свою жизнь за подобный фокус!

И с каждой минутой учился жить с горькой правдой, осознавая действительность, в которой вынужденно оказался.

Но всё ещё верил в то, что это действительно злой просчет. А Макс с каждым днем убеждал меня в том, что я попросту обманываю себя.

Я просто отрицал очевидные факты. Думал, это может произойти с кем угодно, только не со мной. Что мне поставили неправильный диагноз, кто-то просчитался в своих анализах и увидел то, чего нет.

Но это всего лишь ложь, которой я прикрывался, потому что не мог принять жестокую правду!

Я так устал от больничных стен. Создавалось ощущение, что кожа пропиталась ядовитым запахом горькой хлорки. И теперь никогда я не смогу пахнуть как-то по-другому. Всегда от меня будет вонять больницей, хлоркой и многочисленными таблетками.

Я не хотел принимать лекарства! Душа металась в агонии, раздираемая на части горькой правдой, что моя жизнь ничего не стоит. Так нужны ли все эти препараты, которые лишь на время продлят мое никому не нужное существование?

Потерял сознание, оказался в больнице, после чего узнал, что болен, неизлечимо, смертельно болен!

И никакие деньги, черт бы их побрал, не помогут снова обрести мой мир!

Вернуть жизнь такой, какой она была до момента появления в ней Макса и его доблестного персонала, который носился со мной словно с писаной торбой.

В то время я не мог думать ни о чём, раз за разом прокручивал в голове одну единственную мысль: «А что если бы?», но в итоге приходил всё сюда же, в свою одинокую, пустую палату, пропахшую лекарствами и болью.

Сколько же слез, горечи, потерянных надежд, впитали в себя безмолвные стены?

Сколько раз слышали крики боли, мольбы о том, чтобы человеку было даровано время, ведь прожитого оказалось слишком мало?

Может я был больным на всю голову, отмороженным засранцем, никогда не пропускал ни одной юбки, наслаждался жизнью в полной мере, чувствовал, отдавался страсти с головой, но понял одно: никогда, никому не принадлежало единственное, что могло бы сейчас скрасить мои одинокие ночи в ожидании окончательных результатов... Никогда, никому не отдавал свое сердце.

Раньше не задумывался о том, что любовь так важна, но сейчас, когда был одинок в своем горе, хотелось видеть рядом с собой человека, с которым можно разделить это тяжкое бремя, которое я должен нести каждый день, каждый час, каждую минуту своей потерянной, пустой жизни в ожидании смерти!

В ожидании когда минуты истекнут, я сделаю последний глоток бодрящего воздуха и просто уйду, не оставив следа в этой жизни!

Конечно, родители поддерживали меня. Я поражался стойкости мамы.

Она очень сильная. Не думал, что человек вообще может быть таким стойким перед лицом смерти, но мама была моей скалой, опорой.

В тот самый первый раз, когда мы только оказались в больнице, и Макс впервые огласил неутешительный диагноз, я в последний раз видел её слезы. Больше она никогда не плакала, всегда поддерживала меня, искала новые и новые методы лечения, но конечно всё было напрасно.

Я обречен отсчитывать секунды своей жизни в одиночестве.

Первое время я не мог разговаривать с Элизабет. Просто не был уверен в том, что не разболтаю о своем горе.

Только услышу её голос, тут же выпалю всю горькую правду! Знал, что не сдержусь, поэтому первое время просто переписывался. А читая письма, улыбался, размышляя: проживу ли достаточно долго, чтобы мы вновь встретились?

Или нам так и не удастся больше увидеться?

Я так долго ждал нашей встречи, хотел сказать, как благодарен за дружбу, которую Элизабет подарила мне. Благодарен за то, что всегда находилась рядом, поддерживала, выслушивала и проказничала вместе со мной!

Но она была другой, более тихой, спокойной, уравновешенной. Считала меня королем, заносчивым мальчишкой, но всё же оставалась рядом.

И сотни тысяч раз мечтал написать письмо Элизабет, признаться в том, что был неправ, сказать, как сильно скучаю по нашим тихим вечерним беседам. Именно вот так, когда мы видели друг друга, держались за руки, а не как сейчас, когда она была за сотни тысяч миль от меня, от родного дома.

Я скучал, понимая, что хочу, безумно хочу увидеть её. Но будет ли у меня ещё это время или я умру раньше, чем Элизабет вернется в город?

Почему-то когда оказываешься в конце, всегда начинаешь думать о начале... Задаешься вопросом: что если бы не я, а кто-то другой? Начинаешь совсем по-другому ценить близких тебе людей, которых у меня было не так много. Я всегда разбрасывался чувствами, а нужно было их хранить. Бережно копить в своём сердце и однажды подарить одному человеку, а не сотням женщин, что побывали в моей постели.

Теперь я им просто не нужен! Ведь кому нужен тот, кто скоро умрет?

Обо мне позабудут, будто никогда и не было!

И каждый день Макс приходил ко мне с неутешительным диагнозом... и каждый день подтверждал свою правоту, разбивая мою веру в то, что я ошибся...

Как добралась домой совершенно не помню... Помню только, что на кухне горел свет.

Открыв дверь, ввалилась в дом будто пьяная, а увидев потерянное лицо мамы, когда она заметила в каком я состоянии, рухнула на колени и завывала, словно раненый зверь.

Мама подбежала ко мне пытаясь помочь подняться, но я не могла сделать даже этого.

Любое движение отдавалась болью во всём теле. Болью в мыслях.

— Господи, что же это происходит? Элизабет, посмотри на меня. Тебе больно? — тараторила мама без остановки.

Но, не добившись вразумительного ответа, бросила бесполезные попытки вытянуть из меня хоть слово и просто находилась рядом.

— Скажи, прошу, где больно, что болит? Может вызвать скорую? Не молчи, доченька.

— Он... умирает... — запинаясь, прорыдала я не в силах остановиться.

— Что? О чём ты говоришь? Кто умирает? Элизабет, поговори со мной, я ничего не понимаю.

От моих слов мама, конечно же, не успокоилась, наоборот занервничала ещё больше.

Покрепче прижала меня к себе продолжая гладить по спине, в попытке успокоить, но куда там!

Как я могла успокоиться? Как хоть когда-нибудь смогу успокоиться? Теперь покой мне будет только снится, а может быть и во сне Энтони станет преследовать меня?

Ведь во сне я каждый день встречалась с ним.

Господи, теперь он останется только в моих мыслях!

От этих горьких размышлений я залилась слезами ещё сильнее.

Мою истерику было не остановить. С каждой новой мыслью она развивалась все больше, превращаясь из маленького ветерка в огромное цунами, которое поглощало все мысли!

— Он умирает, — снова протянула я жалобно и тоскливо.

Подняв голову, увидела, как мама дрожит от страха, а в глазах её читается испуг.

— О чём ты говоришь? Кто умирает? Объясни, родная. Помоги мне разобраться. Ты меня пугаешь.

Но я не могла произнести его имя. Могла только снова и снова повторять: «Он умирает».

Не зная как добиться от меня вразумительного ответа, мама оставила попытки, но всё-таки заставила меня подняться. Усадила на диван, накрыла пледом, заметив, как я дрожу.

С каждой минутой дрожь становилось все сильнее и скоро меня уже колотило.

Она согревала мне руки, которые всё также были холодны, словно две ледышки. Принесла горячего чая, к которому я так и не притронулась и позволила просто плакать ни о чем, не спрашивая.

Поняла, что связно говорить и нормально объяснить, что случилось, я не могу. Нужно для начала успокоиться, а это не представлялось возможным!

Как можно успокоиться, зная, что твой любимый умирает?

Медленно, день за днем, жизнь будет угасать в его глазах...

Сколько же ему осталось? Сколько вместе мы сможем провести времени... нет, не вместе!

Не смогу смотреть, как постепенно он слабеет, наблюдать, как по капле из него утекает жизнь.

Я не могла себе такого представить. Не смогу наблюдать за тем, как Энтони превращается из моего любимого в ничто. Он станет просто прахом.

Я боялась остаться рядом и боялась быть далеко.

Одеяло помогло согреться. Я немного успокоилась, но внутри всё сковало льдом.

Я хотела найти спасение в забвении, но мысли не позволяли забыться, остаться с собой наедине и просто ни о чём не думать.

— Энтони, умирает, — прошептала пустым, безжизненным голосом.

Мне казалось, если признаюсь и расскажу маме о том, что всегда чувствовала и скрывала от неё, то станет легче. Нужно было поделиться этой тяжелой ношей с кем-то ещё. В одиночку я просто не справлюсь.

— Сегодня на работе он потерял сознание. Я вызвала скорую, объяснила, что происходит... Меня, направили в главный корпус... — голос сорвался, слезы с новой силой заструились по щекам. Но мамины руки, крепко сжимающие мои потные от страха ладони, помогли остаться здесь и продолжить рассказ. — Я так испугалась, мам. Не знала, что с ним происходит. Понимала, мне не расскажут, что случилось, поэтому представилась его невестой. Представляешь, какая нелепость: я невеста Энтони Хэйвена!

Снова замолчала, утонула в своих бесконечных мыслях.

Сейчас всё что произошло, напоминало море, в котором я тонула с каждым разом все глубже и глубже, уходя на одно, и была не в силах выбраться.

Но остановить свой отчаянный монолог тоже не могла. Должна поделиться своим горем.

— Доктор сказал это нормальная реакция организма. У него рак, мама, — судорожный вздох, я спрятала лицо в ладонях, кусая губы, дабы снова не сорваться, не была уверена, что в этот раз смогу остановиться.

— А я ведь люблю его. Всю жизнь любила.

Мама молча слушала мою горькую исповедь, поглаживая по спине и позволяя выговориться. Поделиться тем, что я от всех скрывала глубоко в своем сердце, и теперь во мне произошел взрыв! Я не могла остановиться. Должна была признаться во всём.

— Мам, я не смогу без него. Это просто невозможно.

Она начала шептать мне какие-то слова утешения, которые совершенно не действовали, но если бы молчала, было бы только хуже.

Я прильнула к ней, как к спасительному маяку, позволив утешить меня, и плакала. Уже не было той агонии, рыданий, истерики, я просто тихо оплакивала свою любовь.

Меня разбудил телефонный звонок.

Открыв глаза, поняла, что нахожусь в гостиной. Мама укрыла меня одеялом позволив остаться здесь.

Я все еще лежала у неё на коленях, а поднявшись, увидела, что она тоже спит. Похоже, так и не ушла на работу, пропустила смену, но осталась со мной.

Снова раздался этот неприятный звук.

Достав телефон, совсем не удивилась, увидев входящий вызов, но трубку взять так и не смогла.

Руки тряслись, в голове снова беспорядочно зароились мысли, которые настойчиво шептали: «Он умирает. Его больше нет».

Подойдя к окну, заметила, как горизонт прорезают лучи восходящего солнца и отклонила звонок не в силах слышать его голос.

И почувствовала, как по щекам снова потекли слезы.

Теперь наверно никогда не смогу остановиться, даже во сне чувствовала привкус соли на губах.

Возле окна я простояла очень долго, но почувствовав на плечах теплые мамины руки, опустила голову и позволила ей поухаживать за мной.

Она не стала говорить никаких: «все будет хорошо» и, слава Богу, что не сказала, потому, что уже ничего, никогда не будет хорошо.

Мама приготовила вкусный завтрак. Её тихие, монотонные действия немного успокоили, вернули меня в мою жизнь, туда, где я страдала от неразделенной любви, но была счастлива, и лучше бы всё оставалось именно так.

— Сегодня не пойду на работу. Останусь с тобой и неважно, молчать ты будешь или захочешь поговорить, знай, я рядом, — тихо сказала она.

Забрав посуду с почти нетронутым завтраком, принялась мыть тарелки, когда я услышала звонок в дверь.

Я догадывалась, кто это мог быть.

Открыв дверь, увидела на пороге Грейс, которая с ходу заявила:

— Ты не можешь так поступить! Не имеешь права, Элизабет Стоун!

Слова резали словно нож, а в глазах холод.

— Ты сама хотела узнать правду. Теперь имей смелость принять её! Знаю, это больно, сама через это прошла и сейчас мне не легче, поверь. Но я никогда не покину своего сына, всегда буду рядом, потому что он нуждается во мне! В одиночку нести подобную ношу, зная, что ты медленно умираешь и не имеешь сил сделать с этим ничего... Ты это представляешь?

Она вошла в дом, громко хлопнув дверью, и стала наступать на меня, а в голосе чётко слышалась боль, та, что разъедала и мою душу.

— Не верю, что сейчас ты готова отступить и бросить его в такой ситуации. Я ведь знаю, ты любишь его. Всегда любила и сейчас не имеешь права отказаться от него. Вернись. Ты себе даже не представляешь, как он переживает, — она уже почти кричала. Загнала меня в угол, но не могла остановиться, так же как я вчера не могла остановиться, пока не рассказала маме всю правду. — Я видела его слезы из-за тебя, Элизабет! Ведь даже когда Тони узнал о том, что болен, не заплакал, но после того как ты ушла, я видела его слезы. Это больно. Это невозможно пережить, но если мы не будем рядом, тогда зачем вообще нужна семья? Стоит ли твоя любовь того, чтобы бороться за него, даже если осталось не так много времени? И вообще чего стоит твоя любовь? Если сейчас, узнав о том, что он болен, просто сбежала?

Я видела в её глазах слезы, но Грейс решительно смахнула их, не позволив себе такую слабость. Ведь именно в подобной ситуации слезы являлись слабостью, и если она заплачет, то не сможет остановиться!

И я это прекрасно понимала. Её слова больно ужалили меня.

— У вас было время свыкнуться с этой мыслью, а у меня нет... — начала было я, но Грейс не позволила продолжить.

— Сейчас ты не имеешь права рассуждать о том, было ли у меня время или нет. Будь у меня всё время мира, я бы никогда не смогла смириться с тем, что мой сын скоро умрет. Так

что это неважно. Я до сих пор не смирилась, поэтому не смей прятаться за этими отговорками! Скажи мне, чего стоит твоя любовь или это всего лишь увлечение? Тогда молю, оставь его сейчас и больше никогда не появляйся в нашей жизни.

— Грейс не смей так говорить, — вступилась мама, которая слышала каждое наше слово. — Она только узнала о том, что Энтони медленно умирает. Вспомни свои чувства, когда ты узнала об этом. Неужели тебе не хотелось сбежать и скрыться от горькой правды?

Я видела, как в глазах Грейс промелькнуло что-то неуловимое, но поняла: подобные мысли были. Но она не позволила себе думать об этом, потому что Энтони её сын и они на троих разделили своё горе. Будут нести его, сколько хватит сил и даже тогда не смогут бросить его.

Больше не сказав ни слова, Грейс развернулась и покинула наш дом, прикрыв тихо дверь.

После ее ухода я почувствовала себя еще более одинокой.

Представила, каково Энтонижить с этой правдой. Знать, что каждый день может стать последним? Знать что, закрывая глаза, можешь просто не проснуться?

Пять месяцев назад

Не так много времени понадобилось для того, чтобы подтвердить диагноз, поставленный Максом и заставить меня смириться с правдой.

Я был разочарован, да что там, я был в гневе на весь мир за то, что болен, за то, что именно мне пришлось стать тем самым «счастливчиком» которому судьба не дала второго шанса!

— Энтони, ты не можешь просто так отвернуться от нас, будто ничего не происходит. Я борюсь за тебя также как и папа, но, родной, это очень сложно, когда ты не позволяешь помочь тебе.

— Потому что я не понимаю этого, — честно признался матери. — Ты носишься со мной, будто я маленький мальчик не способный сделать даже самые элементарные вещи. Остановись, дай мне немного свободы. Я задыхаюсь, понимаешь?

Голос предательски дрожал и срывался, но я хотел донести до нее то, что тревожило мою душу.

Хотя объяснить всё равно не получится, мама не сможет до конца понять то, что я чувствую.

Как каждый день прощаюсь с жизнью. Закрывая глаза, делаю глубокий вдох в бесполезной попытке надышаться, потому что боюсь забыть, как дышать.

Вечером, когда никого не было, а стены больницы всё также давили на меня, я открывал настежь окно, потому что желал хоть на мгновение почувствовать запах свободы.

Казалось, удушающий горький запах хлорки, проникая через поры, впиталась в мои кости. Теперь я никогда не смогу почувствовать никакого другого запаха, и только свежий ветер, обдувая мое тело, помогал на время прогнать эту отвратительную горечь.

Он приносил с собой запах еды со столовой, запах табачного дыма, который я с наслаждением впитывал в себя, стараясь позабыть о том, что позади меня ждет пустынная, безмолвная комната, в которой, несомненно, до меня лежали другие пациенты.

Кто-то из них был счастливчиком, потому что выздоровел и вышел отсюда на собственных ногах.

А кто-то умер...

Стены помнили историю каждого пациента, но молчали. Так же промолчат обо мне, когда меня не станет.

Не смогут рассказать, как ночами я просыпался от страха, что вот этот момент настал, я больше никогда не увижу родных.

Когда вот такими тихими вечерами подходил к окну и не важно, какая стояла погода за окном: солнце, дождь, холод, я открывал его настежь, позволяя ветерку овеять свое тело, будто только так мог избавиться от надоедливой запаха фенола.

— Мам, ты не понимаешь меня. Я устал быть пленником.

— О чём ты говоришь? Каким пленником? Ты не в тюрьме! — возмущалась мама, расхаживая по палате и очень бурно жестикулируя руками.

Вот она моя скала. Моя крепость, опора. Но сейчас она не понимала меня. Не понимала, что я хочу выбраться отсюда. Что я устал находиться здесь!

Не могу больше ждать свою смерть, лежа на больничной койке!

Это казалось неправильным, ужасным. Недостойным мужчины.

Безмолвные, безликие стены давили, вызывали мрачные, порой ужасные мысли...

Хотелось предаться унынию и словно жалкий пес, которого хозяева выкинули на улицу в холодную погоду обосноваться где-нибудь в тихом уютном местечке, чтобы никто не трогал. Чтобы я не чувствовал постоянного напряжения.

Дабы стены забыли меня и позволили вернуться в нормальную, реальную жизнь.

Так легче будет встретить смерть, нежели лежать тут, позволяя запахам впитываться в свое тело и сводить с ума.

— Я, понимаешь, здесь нахожусь как в тюрьме. Вы с отцом заточили меня в больнице. Пытаетесь найти правильное, верное решение. Каждый день ты решаешь эту задачку, но ответ не сходится, правда, мам? — я поднялся, подошел к ней и взял за руки, чтобы она перестала мельтешить туда-сюда. — Ты ведь знаешь, правильного решения нет.

Она прикрыла глаза и покачала головой, но слез так и не показала, за что я был благодарен.

Ведь с самого первого дня она поддерживала меня и если сейчас даст слабину, я тоже поддамся.

И вернуться назад будет очень сложно. Да и захочу ли я возвращаться?

— Откажешься от всего? — дрожащим голосом спросила она. — Хочешь отдать свою жизнь на волю случая, и просто так будешь делать привычные вещи: ходить на работу, забыв о том, что...

Она запнулась, а я закончил за неё:

— Умираю. Да, мама, я умираю. Уже слишком поздно.

— Не говори так. Я запрещаю тебе говорить об этом, потому что верю, выход есть. Все будет нормально.

Ну, вот она сказала!

Самое ужасное в этом «нормально» то, что это ненормально!

Нельзя сказать человеку, что всё будет нормально, потому что не будет. Ужасное утешение.

Я просто хотел, чтобы она была рядом и не говорила мне подобную чушь.

— Я не отказываюсь от лечения, готов попробовать все, что ты сочтешь нужным, но больше ни минуты, не останусь в этой палате. Я не пленник и, тем более, не заключенный, но таковым чувствую себя, находясь двадцать четыре часа в сутки здесь в одиночестве.

— Но мы ведь с папой навещаем тебя.

Конечно, она не понимала, что я имел в виду!

Конечно, не понимала, что я потихоньку схожу с ума, ведь эта палата стала мне единственным другом.

Она знала всё, что я делаю, всё, что со мной происходит.

Даже казалось, чувствовала то, что чувствую я. Испытывала мою боль, но благосклонно хранила молчание. Так же как сохранит этот разговор.

— Не смогу объяснить так, чтобы ты поняла, мама. Мне просто нужна свобода. Я должен отвлечься. Не представляешь, как тяжело находиться здесь, ничего не делая и постоянно думать о том, когда же это случится. Обычная жизнь поможет раскрасить немного мое печальное заточение. Если ты не согласна, я всё равно уйду, просто, потому что не могу больше находиться здесь.

— Почему? Что тебя не устраивает? У тебя хорошая палата, есть все удобства, а

работать ты можешь и здесь, у тебя есть Интернет. Поблизости всегда находится врач, который сможет помочь...

— Вот в этом и дело! — закричал я, уже не в силах сдерживать себя. До этого я никогда не позволял себе срываться на неё, но сейчас чаша моего терпения переполнилась. Я не смог сдержать горечи, которая копилась во мне уже очень долгое время. — В том-то и дело. Разве не понимаешь, здесь я только и жду, когда случится то самое страшное? Когда я умру!

Она была потрясена моими последними словами. Схватила за сердце и прижалась к стене, будто не в силах пошевелиться.

Осознав, что натворил я, помог ей присесть и уже тише добавил:

— Мам, прости, не хотел причинить тебе боль, но я больше не в силах быть здесь. Отпусти меня. Позволь оставшееся время прожить, так как я хочу. Я ведь не отказываюсь от твоего лечения. Это больно находиться здесь двадцать четыре часа в сутки, под наблюдением, как ты говоришь, самых опытных и лучших врачей. Я не хочу этого. Я хочу свободы.

Конечно, она была против. Не желала выпускать меня, потому что в больнице я был в безопасности.

А теперь, когда настоял на своем и всё-таки уехал, мама была расстроена, но я не оставил ей выбора. Ведь, так или иначе, я бы всё равно сделал по-своему.

Вернувшись в свою холостяцкую квартиру, я выдохнул с облегчением, осознавая, что моя жизнь ещё никогда не была такой тихой, пустой и молчаливой, как сейчас. Ведь после себя я не оставлю ничего. Родители, конечно, будут помнить меня, но больше никто.

В звенящей тишине раздался телефонный звонок. Даже не посмотрев на экран, я принял вызов и услышал до боли родной голос.

Возможно, она будет вспоминать обо мне, когда меня не станет?

— Здравствуй, лисёнок, — тихо прошептал я, вглядываясь во тьму ночного города.

— Здравствуй, Тони.

Как всегда я почувствовал в её голосе улыбку. Будто каждый раз, услышав моё приветствие, Элизабет не могла сдержаться и улыбалась мне, но я даже понятия не имел, что твориться там, за много тысяч миль от меня.

Когда узнал о своем диагнозе, первое, что мне хотелось сделать — написать, потому что знал, как дорог был ей.

Мы дружили с самого детства, Элизабет всегда находилась рядом, когда бы я ни обратился к ней, приходила на помощь.

Мой самый лучший друг. Всегда могла выслушать меня и даже иногда порой давала дельный совет.

Вот и сейчас мне хотелось её поддержки, ведь вдвоём выдержать подобное гораздо легче, чем в одиночку.

С Элизабет можно было бы не просто выживать в ожидании смерти, а жить и наслаждаться каждым днём!

Я любил с ней разговаривать. Те беседы, которые мы вели с Элизабет, всегда окрыляли и позволяли найти правильные ответы на все вопросы.

Она будто давала мне тихую спокойную силу, которой обладала сама и делилась со мной, за что я был всегда благодарен.

Но я не написал ей по той же причине, по которой хотел написать: Элизабет не заслужила подобного.

И я был рад, что оставил такой огромный след в её жизни.

Ведь я помню, как мы сбегали с ней из дома на воскресную ярмарку, покупали сладкую вату, газировку, смотрели взрослые фильмы, спрятавшись на дереве...

Много было подобных моментов, и вот этому я был рад, что обо мне будут помнить не только родители, но и лучший друг.

Ведь всю жизнь она находилась рядом, а я никогда не говорил ей «спасибо».

Но ничего, у нас будет еще время поговорить, когда она вернется.

Но с другой стороны, может не стоит нам больше общаться?

Я часто задавался этим вопросом, но каждый раз, когда она звонила или писала очередное письмо, не мог сдержаться, отвечал и писал в ответ.

Снова и снова звонил, разговаривал с ней, а должен был порвать, сказать, что у меня больше нет времени на эти пустые разговоры, которые таковыми я вовсе не считал, потому что любил слушать её спокойный голос.

Я слабак, раз не смог порвать с ней, когда была такая возможность!

Должен был с самого начала прервать наше общение, потому что сказать ей о том, что умираю, не смогу.

Не смогу видеть её слёзы, переживания. Не смогу умирать у неё на руках, а я не сомневался, что именно так все и будет, потому что она не бросит меня!

Никогда не бросала и сейчас не сможет.

После ухода Грейс мне понадобилось не так много времени, чтобы понять: она была права, а я жестоко ошибалась!

Так же перестала искать себе оправдания. Почему поступила именно так: сбежала?

Ведь того кого любят не бросают в трудную минуту, а я сделала именно это, бросила его!

Но отчаянно надеялась, что вернуться ещё не поздно.

Я и не подозревала как малодушна. Не могла представить, что оставлю его и не вернусь, хотя с таким упорством добивалась этой правды. А когда истина открылась, оказалась слишком слабой, чтобы с достоинством принять её.

На улице моросил мелкий дождик, пока я стояла под козырьком, разглядывая светлеющие окна больницы, в которой оставила Энтони.

Он просил не убегать, и из-за своего поступка я чувствовала себя отвратительно!

Не думала, что настолько слаба. Не думала, что поступлю именно так, как трусиха сбегу от него.

А может Грейс права: моя любовь не стоит ровным счётом ничего?

Этот вопрос не давал мне покоя, поэтому сейчас я стояла и смотрела на призрачные окна больницы, думая о том, что вернись я, скажи Энтони, что действительно люблю и готова пройти с ним трудный путь до самого конца, он просто не поверит, ведь я уже подвела его.

Я не знала, что скажу. Не знала, примет ли меня Тони или прогонит навсегда из своей жизни, поэтому медлила, не спешила заходить внутрь.

Знала, второго шанса не будет.

Второго шанса на спасение, искупление или бегство... Да, конечно, где-то на задворках сознания была такая мысль, снова сбежать.

Я себе даже не представляла, через какой ад нужно пройти, ведь Энтони будет умирать у меня на глазах!

Каждый день он играл со смертью в ожидании того, когда настанет последний день. Пробьёт последний час...

И теперь я должна буду играть в эти жестокие игры со смертью, пока не потеряю Тони окончательно!

Но я не настолько слаба, чтобы отказаться от него.

Моя любовь не позволит сделать это.

Когда я вошла в двери больницы, то оставила позади все сомнения. Теперь я твердо уверена, что смогу справиться со всеми проблемами, а плакать буду там, на темных задворках, в одиночестве, когда Энтони не сможет увидеть моих слез.

Даже если он скажет: «Уходи и больше никогда не смей возвращаться в мою жизнь», не смогу сделать этого.

Проигнорирую его приказ и останусь до самого конца.

Я понимала насколько тяжело ему... Нет, конечно, вру, я ничего не понимала!

Не знала, как это: жить с мыслью о том, что тебе осталось, не так много времени. Не знала, какое это тяжкое бремя.

Потому мы должны хотя бы попытаться поделить этот неподъемный груз на двоих. Так

будет гораздо легче. Так я, возможно, смогу провести оставшееся с ним время. Ведь это всё, о чём когда-либо мечтала.

Поднявшись в палату, я почувствовала страх. Не знала, как Энтони отреагирует на моё возвращение.

Сможет ли принять после того, как я сбежала?

Я думала только о том, чтобы он дал мне второй шанс. Позволил доказать, что я могу быть сильной и буду, останусь таковой ради него, только бы поверил и смог принять меня.

Энтони сидел на кровати и задумчиво смотрел в окно ничего и никого, не замечая.

Сейчас, в этот момент, он был похож на мираж. Такой далекий и задумчивый.

Воспользовавшись тишиной, я впитывала до боли любимый образ и только сейчас начала замечать изменения, которые раньше списывала на неправильное освещение.

Энтони похудел, немного осунулся, но я так рада была нашей встрече и тем с какой силой завертелись наши отношения, что попросту не замечала очевидных вещей или может, не желала замечать?

Тут же вспомнился вечер, который я надеялась, станет самым лучшим в моей жизни, и теперь начала понимать, почему Энтони тогда ушел. Вовсе не из-за того, что не хотел меня, а потому что не желал причинять боль.

Это была своеобразная точка в наших отношениях, а я не поняла.

И с удвоенной силой начала преследовать его, словно лишилась последних остатков разума! Донимала, а нужно было просто остановиться.

Но теперь понимала: с ним остановиться никогда не смогу! Это ведь мой Тони.

Я не смогла отследить тот момент, когда он заметил меня. Будто и не было тех нескольких секунд, когда я наблюдала за его задумчивым выражением лица. Тех мимолетных мгновений, когда в моей голове пронеслось столько мыслей, что хватило бы на всю жизнь.

Будто не было моего побега...

— Как ты мог умалчивать от меня такое? Как мог не сказать? Как ты смеешь вообще умирать? — вместо того чтобы извиниться, попросить его поверить мне, я кричала не в силах остановиться, потому что увидев его мягкую, теплую улыбку, поняла: Тони примет меня. Поэтому единственное, что смогла: обвинить во всём его. Хотя Энтони, конечно же, ни в чём не виноват! Просто я до сих пор не смирилась с тем фактом, что он умирает.

Да, если честно, никогда не смогу смириться с подобной правдой, но коль уж пришла сегодня, то сбежать не смогу.

Что-то подсказывало — я уничтожу Энтони окончательно, если сбегу во второй раз!

Я кричала на него будто сумасшедшая, чувствуя, как по щекам текут слезы.

Чувствуя, что не смогу пережить это... просто сон, неправда, ложь!

Я не готова! Не могу потерять его.

— Ты лгал мне! — закричала.

Рухнув на колени, протянула руки, словно он уже был мертв, а не смотрел на меня испуганными глазами.

А я зашлась в истерическом хохоте.

Ведь хотела просто прийти и спокойно поговорить, но какой там спокойно!

Как можно просто разговаривать о том, что он умирает и ничего уже сделать нельзя?

Тони подошел ко мне, сел позади и крепко прижал к себе, а я колотила руками о пол пытаясь тем самым достучаться до него!

Хотела понять, почему он молчал и не сказал мне об этом?

А он просто, без лишних слов, изо всех сил, до боли, сжимал меня в своих теплых объятиях позволив выплакаться и высказаться. Позволив обрушить на него весь гнев и ярость.

Не сразу я услышала тихий, мелодичный голос Тони.

Он не пытался меня успокоить словами, просто дарил свое тепло и песню, ту, что мы пели когда-то вместе, ещё в школе.

Она была убаюкивающей, а его голос ласкал, словно Энтони не пел, а нежно прикасался ко мне. Качал в своих объятиях, забирая всю мою боль, горечь, отчаяние.

Забирал всё плохое, оставляя только хороший чистый свет в мыслях.

Так мы и сидели на холодном полу в пустой палате.

Энтони сжимал меня в объятиях и его голос немного с хрипотцой, грустный, но в тоже время такой любимый, что я успокоилась и просто тихо плакала. Позволив забрать всю боль, что накопилось у меня в сердце, после того момента, как узнала диагноз.

Не знаю, сколько мы так просидели, но Тони, раз за разом начинал песню сначала, тихо приговаривая:

«Мы излечим, друг друга,

Если будем вместе.

Мы всегда держимся за руки,

Даже если находимся далеко.

Наши мысли открыты друг для друга,

И мы никогда не потеряем ту нить, что соединила нас однажды.

Я снова и снова буду дарить тебе розы, а ты мило улыбаться, показывая мне свою преданность, честность и любовь.

Я навсегда останусь твоим другом, чтобы не случилось, вернусь к тебе, а ты примешь меня и никогда не сможешь отпустить...»

Я мысленно повторяла его слова, потому что помнила эту песню наизусть.

Она в точности отражала всю мою жизнь.

Все, что связано с Энтони. Всё было в этой песне: мои чувства, его привязанность, благодарность за то, что я оставалась рядом и моя бесконечная любовь, которая никогда не знала признания.

— У нас еще есть время, — вдруг заметил Энтони.

— Для чего?

— Попрощаться.

Я отстранилась и заглянула в его красивые, безумные голубые глаза, понимая, что он прощается со мной. Понимая, что Тони думает, будто я пришла сказать прощай и уйти навсегда! Но нет, я больше не уйду, останусь рядом до самого конца! Ему стоит это понять и принять.

— Я рядом.

— Не хочу, чтобы ты всё это видела.

— Уже слишком поздно. Я не смогу остаться в стороне.

— Ты всегда возвращалась ко мне, лисёнок. Но сейчас не время геройствовать.

— Думаешь, я пришла попрощаться? Да, признаю что смалодушничала, повела себя как слабачка, но, Тони, этого больше не повторится. Поверь, я не сбегу. Прощу, дай мне еще один шанс.

Он внимательно изучал меня, после чего протянул руку и тихо выдохнул:

— Ты моя слабость. Моя ошибка.

— Что?

— Любимая ошибка. Жалею только о том, что так много времени понадобилось, дабы понять это.

— Мы можем все наверстать, — горячо зашептала я.

— Тогда прошу, не убегай больше.

Я была не готова услышать подобное признание и только сейчас поняла: это именно то, чего ждала всю свою жизнь.

А теперь у нас осталось так мало времени... но, отбросив все сомнения, все тревоги хотя бы на несколько минут, я прильнула к нему, позволив Энтони забрать свою боль и поняла, моя любовь стоит всего.

Я готова отдать даже свою жизнь ради него.

Три месяца назад

Вернувшись домой, я ударился с головой в работу, но частые визиты мамы, отца и Макса мешали забыться.

Они хотели оградить меня от всего на свете: от переутомления, от того что мало ем, не то пью, не то говорю... А я каждый день пытался сбежать от них. Мечтал вырваться из этих оков, которыми опутали меня, но понимал: сети затягиваются слишком быстро и мне никогда в жизни не успеть вырваться на желанную свободу!

А ведь я наивно предполагал, мама поняла, что не нужно подобной опеки. Именно от этого я и сбежал из больницы, но здесь, в родных стенах дома, было не легче. Может быть, даже труднее.

Там я находился под наблюдением врачей, и мама не так сильно опекала меня. А сейчас находилась со мной каждую минуту свободного времени.

Искала всё новые методы лечения, которые не давали нужных результатов!

Каждый день был для меня адом но, к сожалению, этого они не понимали.

Всеми силами пытались оставить меня рядом с собой, заставить жить и не умирать. И сводили с ума!

Через два месяца я не выдержал этой гонки, понимая, что своей безумной опекой они сведут меня в могилу раньше, чем сама смерть заберет меня. Поэтому собрал всех в офисе.

Даже придумывать ничего не пришлось.

Я только позвонил, как все тут же примчались.

Волнуются, переживают и я понимал, был благодарен, только поначалу, но потом, когда они следовали за мной по пятам, я стал задыхаться от их внимания, заботы и любви.

Было и так невыносимо тяжело! Я до сих пор боролся с самим собой.

Ведь где-то в глубине души осталась надежда на то, что я каким-то чудесным образом смогу выздороветь или всё-таки Макс ошибся, и я вовсе не болен.

Легче жить с надеждой.

Она тихо горела в сердце, позволяя жить дальше, не раскисать, не опускать руки и двигаться вперед.

Каждый день я боролся с самим собой, со своими демонами, которые постоянно надо мной издевались. Говорили о том, что я ничего не стою. О том, что я пустышка! Каждый день прожигал свою жизнь, а теперь никому не нужен.

Конечно, добился я определенно многого: построил карьеру не без помощи родителей, много путешествовал, был знаком с кучей пустых, но важных людей, которые теперь обо мне даже и не вспомнят, но в остальном ни достиг абсолютно ничего.

И кому теперь такой больной я нужен?

Только троим безумцам, которые без усталости носились за мной день и ночь, а я всеми силами мечтал избавиться от них, потому что просто устал.

Хотелось побыть в одиночестве, выпить спиртного, чтобы хоть на несколько часов забыться. Я знал, это глупо, поэтому до сих пор держался из последних сил, собирая все крупинки здравого смысла только, чтобы дождаться возвращения Элизабет.

Осталось всего три месяца. И тогда увидев её, я знал, обязательно что-то произойдет!

Чувствовал, что должен обязательно встретиться с ней, рассказать, как сильно скучал.

Как много ночей провел в мыслях о том, какой будет встреча.

Раз за разом вспоминал все наши проделки и выходки.

Но мне было мало. Я сожалел о том, что проводил время в компании какой-нибудь новой девушки, для которой ровным счётом ничего не значил. Ведь ей был важен только мой статус, возможно, тело и моя внешность, но больше ничего.

То, что лежало у меня на сердце, было известно только одной девушке — Элизабет.

Но своими поступками я каждый день отталкивал её и не понимал, почему она всё равно принимала меня, позволяла быть рядом, к тому же выслушивала бредни, которые я без усталости рассказывал.

Сейчас я открылся для себя совсем с другой стороны: мерзкий засранец, не заслуживающий подобной преданности и дружбы!

Вообще не должен был ждать её возвращения, но я часами планировал нашу встречу.

Знал, что подъеду к её дому, позвоню, Элизабет ответит привычным «здравствуй», тихо улыбнется.

Потом спустится, я обниму ее и скажу, как скучал. Скажу «спасибо» за то, что была рядом. За то, что не бросила, несмотря ни на что, всегда возвращалась ко мне и сейчас спустя шесть лет снова вернется, и я уже не смогу отпустить её.

Я планировал нашу встречу сотни тысяч раз! Прокручивал в голове каждую мелочь: что скажу, как улыбнусь, смогу ли прикоснуться. Но даже не представлял, насколько ошибочны будут мои предположения, когда впервые за столько лет разлуки смогу увидеть Элизабет.

Да, мы общались всё это долгое время, но не видеть её было мучением.

Элизабет никогда не позволяла приезжать к ней, да я и не спрашивал! О чём сейчас, конечно же, очень сожалею.

Мои сумбурные размышления прервал стук в дверь но, не дождавшись ответа, тут же в офис влетела мама с отцом, а за ними по пятам следовал Макс.

Ну, вот и собралась Святая Троица! Они одновременно начали задавать вопросы, желая разобраться, что со мной: «Почему я вдруг так внезапно приказал явиться в офис?»

А я не спеша поднялся, закрыл дверь и одним только взглядом заставил всех троих замолчать.

— Правила игры меняются, — заявил строгим голосом. — Я не маленький мальчик могу сам позаботиться о себе. Всё это время я позволял вам диктовать условия, которые очень четко и своевременно выполнял, настал ваш черед. Больше никто из вас не станет преследовать меня.

С кем же я разговариваю, Господи, они совсем ничего не понимают!

Мама вытаращила глаза явно не намеренная терпеть подобные заявления с моей стороны, но я был непреклонен. Или сейчас или никогда! Иначе они каждый день будут превращать мою жизнь в ад, а я уже был сыт этим по горло!

— Заботиться о том, кого любишь — это прекрасно, и я благодарен, но вас слишком много и вы перегибаете палку, — честно признался я. Мама снова встала но, указав на неё пальцем, я попросил, — послушай меня, пожалуйста. Каждый день вы превращаете мою жизнь в ад. Это даже хуже чем знать, что я смертельно болен. Дайте мне немного свободы. Ведь именно по этой причине я сбежал из больницы. Хотел работать, встречаться со своими друзьями, а субботние вечера проводить в компании родных. Но то, что каждый день вы преследуете меня будто я, не оперившийся юнец, который не может о себе позаботиться, больно ранит. Я задыхаюсь от этого внимания. Прошу, остановитесь, иначе я просто сбегу!

Откажусь от лечения. Неужели хотите подобного исхода? Ведь именно к этому всё идет. Вы меня доведете до этого состояния. Я на грани.

Они смотрели на меня и похоже понимали смысл сказанных мною слов, но никто не мог произнести ни слова в свое оправдание.

Не знаю, смог ли я донести то, что хотел или же они, как прежде, согласятся, но пройдет время, и все повториться сначала?

Ведь это не первый разговор о том, что я не намерен прожить оставшееся мне время под наблюдением родителей или врачей. Я взрослый мужчина и сам могу принимать решения.

Сложный выбор, но я сделал его. Конечно, лучше бы мне находилось в больнице под наблюдением опытных врачей, с соответствующим лечением и присмотром, но я не хочу, умирая, вспоминать серые унылые больничные стены!

А хочу я улыбаться и понимать, что с достоинством прожил оставшийся мне срок. Чтобы мог заглушить боль, вспомнив смешную историю, поцелуй или успешную покупку.

Да, несомненно, это мелочи, но сейчас именно в этих мелочах заключался для меня смысл жизни.

Именно из этого маленького сложится большая цельная картина, которая поможет мне гордиться собой и своим выбором.

Я знала, что подслушивать нехорошо, но какого чёрта!

Даже узнав о его диагнозе, понимала, Энтони очень многое скрывает.

Поэтому наплевав на все правила, тихо стояла возле палаты: дверь была чуть приоткрыта, и я могла слышать их разговор с доктором.

После того, как мы выяснили наши отношения, я не покидала Тони ни на секунду.

Всегда находилась рядом. Спала на кушетке, которую добродушно организовал в палате Макс.

Днём с упоением наслаждалась обществом Тони и нашими бесконечными разговорами.

А вечером с тихим ужасом просыпалась посреди ночи, пытаюсь успокоить лихорадочно бьющееся сердце, чтобы услышать тихое дыхание с соседней койки.

Иногда казалось, я просто схожу с ума!

Первые несколько ночей вскакивала в холодном поту, одежда прилипала к телу от страха, что липкими щупальцами окутал моё сердце, подходила к кровати и долго смотрела на мирно спящего Энтони, дабы увериться, он дышит.

Одним словом, превратилась в параноика.

Тони замечал, какая я стала нервная, но поскольку не акцентировал на этом внимание, я быстро расслаблялась.

Энтони легко мог отвлечь меня. В основном мы вспоминали прошлое, то время, когда были еще совсем детьми, и он упорно пытался доказать, что я ему нравилась!

А я напомнила его ответ на моё признание.

Тони сказал, что любит меня всего лишь как друга, но он умело выкрутился даже из этой ситуации.

— Боялся, если мы зайдем за грань, пересечем черту, то я потеряю друга. Ты есть, была, и остаешься самым лучшим и самым верным моим другом, лисёнок. Любимым другом. Я так боялся потерять ту привязанность, что была между нами, поэтому никогда не позволял себе думать о чём-то большем в отношении тебя. А если такие шальные мысли и приходили в голову, я гнал их, говоря себе: ты моя подруга. Самый важный, самый значимый человек в моей жизни.

Я с упоением слушала его льстивые речи. А почему бы и нет? Ведь я верила каждому его слову!

Теперь речь уже не заходила ни про работу, ни про дом. Я забросила всё, наплевала на всех и была только рядом с Энтони!

Мама не препятствовала нашим отношениям.

Никто не препятствовал, но каждый понимал, как только случится тот самый роковой день, все полетит к черту!

А я перестала об этом думать. Просто не могла. Заперла все страшные, отчаянные мысли поглубже в своём сознании. Затолкнула так далеко, как только могла и наслаждалась каждым днём, каждой минутой, проведенной с Энтони.

Днём всё было прекрасно. Я парила в облаках счастья, но вот ночью, когда не могла прикоснуться к нему, почувствовать, боялась, что, проснувшись, не услышу дыхания и тогда просто сойду с ума!

Это единственное, что приходило в голову: если не услышу его дыхание, сойду с ума!

Сегодня, проснувшись среди ночи, я зажала рот ладонью, чтобы не закричать от ужаса.

Что и говорить, сны мне начали сниться жуткие, кровавые и страшные! С каждым днем они становились всё хуже и хуже.

Открыв глаза, быстро исследовала темную палату. Свет от уличного фонаря, что падал к нам в окно, выцепил образ Энтони.

Я тут же заметила, как его грудь медленно опускается и поднимается... дышит, хорошо. Самое главное, чтобы Тони дышал.

И этого я желала изо дня в день. Ночью сгорала от ужаса, но заметив, как размеренно поднимается его грудная клетка, чувствовала огромное облегчение. И знала, утром он очнется и как обычно скажет: «Здравствуй, лисёнок».

Я отвечу ему немного сонным, хриплым от волнения голосом и, поднявшись с кровати, упаду к нему в объятия, чтобы Энтони прогнал ночных демонов и позволил мне опять забыться. Только вот ночью всё повторялось.

От постоянного напряжения казалось, что в душе все выжжено от того страха и боли, которые снесли меня.

Если так продолжится и дальше, просто свихнусь от невероятного напряжения!

Но я не могла даже поговорить с Энтони, потому что когда мы молчали, всё оказалось не таким жутким. Стоит только произнести вслух и тогда правда станет реальностью, от которой я просто сойду с ума.

А мне не хотелось доставлять ему лишних хлопот из-за того, что схожу с ума, не сплю по ночам и просто не знаю, как быть.

Тони проблем и так хватало с головой, я должна его поддерживать.

Проведя рукой по стене, я подумала было, что же видела эта палата? Чему стала свидетелем?

Как Энтони проводил свои дни, когда меня не было рядом? Что делал?

Может, смотрел в потолок в надежде на другой исход. Но какая надежда может быть там, где тебе огласили смертный приговор?

Смахнув с лица предательские слезы, поднялась с кровати, накинула кофту и тихо вышла, прикрыв за собой дверь.

Но не успела сделать и шага, как наткнулась на Макса.

Он стоял возле палаты, с каким-то странным выражением на лице. Меня это так напугало, что, не сдержавшись, я вскрикнула, но вовремя прикрыла рот ладонью. Ни к чему будить Энтони. Он должен отдыхать и набираться сил.

В глазах Макса при виде меня промелькнуло что-то неуловимое, какая-то загадка, которую знал только он.

Мы стояли и смотрели друг на друга, будто видели впервые. Я с легкостью могла прочесть в его глазах очередную тайну, коих Макс хранил великое множество, но никогда не спешил поделиться ими с другими.

— Что-то случилось? — спросила, но Макс не ответил, продолжая внимательно исследовать меня. Взяв его за руку, я снова повторила. — Что-то с Энтони? Почему ты стоишь здесь в такую рань? Что с ним? Не молчи!

Хорошенько потряхнув его, я смогла вывести доктора из состояния оцепенения.

— Нет, что ты, все в порядке, даже лучше, — сухо улыбнувшись, прокомментировал Макс. — Ты благоприятно влияешь на Тони. Знал бы с самого начала, что именно тебе удастся заставить его вести правильный образ жизни, немедленно обратился бы. Но что уж,

теперь назад не воротишься.

— Значит все в порядке?

— Он больше спит, ест, хорошо отдыхает и все благодаря тебе, Элизабет, — Макс замолчал, все еще прикидывая в уме какие-то свои задачки. — Сегодня выпишем вас, так, что можешь порадовать Тони хорошими новостями, он ведь так не любит больницы. Ну, а я зайду к вам немного позже.

У меня внутри все ликовало от непередаваемого счастья. Вскрикнув, я обняла Макса, поблагодарила и, позабыв даже зачем выходила, вернулась в палату.

Было еще совсем рано, поэтому я не стала будить Тони, тихо присела в кресло, что стояло подле кровати, и просто любовалась, как он мирно спит.

Не нужно было ничего: никаких обещаний, слов, поступков, только бы вот так всю жизнь сидеть возле него и любоваться. Слышать тихое дыхание и отмечать, как же он красив.

И будто в доказательство моим словам в палату сквозь окно ворвался луч солнца, осторожно коснувшись своим мягким теплым светом лица Энтони.

Его волосы засияли, словно в них были вплетены золотые нити, лицо немного порозовело, а на губах расцвела улыбка.

— Здравствуй, — хрипло прошептал Тони, открыв глаза. — Ты как всегда не спишь? Еще так рано, лисёнок.

Я только улыбнулась, взяла его за руку и поцеловала ладонь. Не знаю почему, но именно так любила встречать утро. Поцелуем.

— У меня для тебя хорошие новости, — склонившись, прошептала ему на ухо. — Сегодня отвезем тебя домой. В коридоре столкнулась с Максом, так что можешь быть уверен информация достоверна.

— Ну, так чего же мы ждем? — хитро прищурился Тони.

Он схватил меня, прижал к себе, и подарил сочный поцелуй прямо в губы.

Засмеявшись, я отстранилась, с удовольствием отметив, каким жизнерадостным он стал, будто узнав о том, что больше не нужно оставаться в четырех стенах, наполнился жизнью, задором и весельем.

Хоть Энтони не подавал виду, как тяжело ему дается каждый день, я замечала всё, но, так же как и он, молчала.

Конечно, это глупо, не нужно было молчать. Мы должны поговорить об этом. Рано или поздно всё равно настанет тот час, когда прозвучат слова: «болезнь», «смерть», «будущее без него...»

Мы собрались в считанные минуты. Не прошло даже и получаса, как вышли из больницы, оставив за собой безмолвные стены, которые сохраняют все наши тайны и секреты, что мы поведали друг другу, когда находились вдвоём.

Энтони, желая побыстрее оказаться дома, даже не стал спорить и сразу же занял место пассажира, предоставив мне роль водителя. Всю дорогу он молча смотрел в окно, а я не решилась нарушить спокойную атмосферу, что окружала нас.

Будто остались только мы, этот прекрасный мир, город, который сейчас только просыпался, а мы уже мчались по трассе вперед, домой.

Когда подъехали и выгрузили все вещи, я застыла на пороге, зная, что должна проводить маму, но мне так не хотелось оставлять Энтони в одиночестве.

С другой стороны, с чего это я решила, что здесь он будет рад мне?

В больнице я оставалась рядом, да это даже не обсуждалось, но здесь его личное пространство, и меня никто сюда не звал. Я чувствовала себя чужой.

Наверное, поняв моё смятение, Тони подошел, взял меня за руки и подвел к трюмо, что стояло возле стены.

— Теперь это тоже твой дом, как и мой. Я хочу, чтобы ты приходила сюда всегда, когда не пожелаешь. Не могу заставить остаться со мной и знаю, как ты соскучилась по маме, но я жду тебя всегда.

Тони поцеловал меня в шею, и тут же я почувствовала, как он вкладывает в мою руку что-то металлическое, холодное и тяжелое.

Опустив глаза, раскрыла ладонь и увидела ключи.

Посмотрев в зеркало, поймала его немного напуганный, настороженный взгляд и тихо спросила:

— От твоего сердца?

Тони ухмыльнулся, ещё раз поцеловал меня в шею. Я задрожала в его руках и услышала тихую просьбу:

— Пожалуйста, возвращайся быстрее. Я всегда жду тебя, лисёнок.

После того как я поставил родных на место, даже приказал им перестать опекать меня, как ни странно, всё наладилось. Но, конечно, ненадолго.

Мама прекратила донимать меня постоянными звонками. Стала как-то лояльно относиться, будто только что поняла, о чём просил каждого из них.

Почему так сильно желал остаться один.

И вовсе не потому, что смирился со своей скорой смертью, а потому, что хотел прожить жизнь, так как я еще не жил.

Делать с точностью всё наоборот, нежели я делал раньше.

Собирать в свою копилку памяти приятные моменты, в которую потом смогу заглянуть и вспомнить.

Уверен, когда настанет тот переломный момент, и кроме боли я не буду чувствовать ничего, вот тогда и понадобятся хорошие, веселые, самые лучшие воспоминания. Они придадут сил и помогут бороться дальше.

Но я недолго наслаждался одиночеством. По прошествии нескольких дней меня одолела тоска.

Впервые по-настоящему задумался о том, что меня ждет. Впервые с того момента, как вышел из больницы, точнее сбежал, и после того, как родные оставили меня в покое, задумался, что же будет с ними, когда меня не станет?

Мама, наверное, просто сойдёт с ума.

Сейчас, когда я остался один, та тишина, одиночество и чувство ненужности давили тяжким грузом.

Как же это печально — сам добился того, чтобы меня оставили, подарили свободу, а теперь, когда ни мама, ни папа не звонили, я стал тосковать и безумно скучать.

Меня охватило чувство безнадежности. Я не знал, что делать, куда бежать, кого просить? Подарив свободу, родные обрекли меня на самоуничтожение.

Я перестал ходить на работу, потерял интерес к жизни.

Зачем что-то делать, куда-то идти? Это все бессмысленно!

Не знаю, сколько времени мне осталось, но это неважно! Рано или поздно от меня ни останется ничего, только воспоминания... Так за каким чертом напрягаться сейчас и что-то там делать? Кому я собрался доказывать, что жизнь хороша и нет ничего ужасного в том, что мне скоро нужно будет распрощаться со своими близкими, работой, жизнью? Никто не оценит моих стараний, так зачем утруждать себя?

Я словно затворник заперся дома, не отвечал на звонки и даже, когда на четвертый день отец остался ночевать под дверью, не желая оставлять меня в одиночестве, не позволил войти ему.

И мне даже не было стыдно за то, что он просидел под дверью всю ночь. С какой стати жалеть его? Пусть меня жалеют!

И откуда взялась та жестокость к тому, кто дорожит мной, любит и хочет помочь?

Сам не знаю, почему поступил именно так, но на тот момент считал, что не смогу жить дальше.

Зачем, когда всё и так уже решено? Никто не сможет помочь мне вылечиться!

За каким дьяволом я буду работать, улыбаться родным, если потом меня просто не

станет?

Я ведь так сильно буду скучать по ним!

Как люди справляются с подобным давлением? Я не представлял!

Это просто нереально осознавать весь ужас данной ситуации. Жить с этим, двигаться дальше.

Сейчас я почувствовал себя слабым, никчемным ничтожеством неспособным даже на такую малость, ведь родные ожидали от меня вовсе не этого!

Наоборот, я должен был показать силу своего духа. Показать, как сильно хочу жить!

Готов пройти любые испытания, испробовать на себе все методы лечения, которые найду сам, или которые мама посчитает нужным. Ведь я не мог знать наверняка: вдруг Макс ошибся?

И вот снова, раз за разом, я проходил этот замкнутый круг.

Всё потому, что до сих пор, как дурак, верил, надеялся и ждал чего-то волшебного, а сам свесил ножки, забил на всех и просто сдался.

Игнорировал любые попытки близких помочь мне выбраться из этой ямы, в которую сам себя загнал.

Той ночью я совсем не спал, смотрел, как за окном тихо барабанит дождь и слушал голос отца, который рассказывал о том времени, когда я был мальчишкой. Я, конечно же, не помнил о том времени. Не представлял, каким был, потому с упоением ловил каждое слово.

Его тихий, но такой сильный, уверенный голос смягчил мои попытки отгородиться ото всех. Наполнил силой, помог собрать все мысли в одну единственную: «Я не готов сдаться. Я не готов отступить!»

Отец подарил мне веру в себя. Помог осознать, что я не одинок. Есть те, кто будут поддерживать меня на каждом шагу. И каким бы ни был трудным этот путь, что предстоит мне пройти, они останутся рядом.

Подадут руку помощи. Помогут подняться, если упаду.

Выслушают, сделают всё что угодно, лишь бы я был счастлив. Лишь бы верил в себя и в свои силы.

Я помню тот момент, когда открыл дверь и увидел печальный взгляд отца.

Я замкнулся в себе. Думал только о том, как плохо мне, что я потеряю, когда уйду из этой жизни...

И даже ни на секунду не задумался о том, что потеряют они, когда не станет меня.

Ведь так не должно быть: родители не должны хоронить своих детей! Но именно это им предстоит сделать.

— Я знал, ты примешь правильное решение. Как бы тяжело не было, именно в единстве наша сила, потому что мы поддерживаем друг друга.

Он подошел ко мне и стиснул в своих теплых отцовских объятиях.

— Никогда не теряй веру в себя, сын, — тихо прошептал. — Конечно, мы перегнули немного палку, буквально день и ночь охотились за тобой, а все, потому что боялись. До сих пор боимся. А ты посмотри, оттолкнул нас и к чему это привело? Замкнулся в себе, не отвечаешь на звонки и дверь не открываешь, пытаешься отдалиться от нас, чтобы не было так больно ни тебе, ни нам. Но поверь, намного больнее осознавать, что ты пытаешься ожесточить свое сердце, лишь бы не проводить время с родными.

Я даже не представлял чего лишаю их, отказываясь разговаривать и встречаться.

— Пойми, мне не нужно столько внимания. Ведь иногда хорошо побыть в одиночестве.

«Мне нужно делать каждый день то, чего боюсь: открываться людям. Не замыкаться в себе. Вдохнуть жизнь полной грудью и тогда, быть может, я найду лекарство от своей хандры?

Смогу продолжить нелегкий путь, но уже не один, а с теми, кому дорог, кто любит меня и действительно переживает обо мне».

Мне предстоял трудный, но очень важный разговор с Максом, который я больше не решился откладывать.

После откровений с отцом понял, нужно довериться мыслям и позволить себе открыться, ведь нужно знать, что меня ждет.

Каждую минуту ожидания я боялся. Это был живой и осознанный страх перед неизвестностью.

Я ждал Макса, с ужасом осознавая, чем ближе подходит тот момент, когда он должен прийти, тем меньше я готов услышать правду.

Но нам рано или поздно всё равно придется обсудить дальнейшие методы лечения. А, самое главное, мне предстоит узнать, что именно меня ждет на последней стадии...

Тихий стук в дверь. Я замер на мгновение. Меня бросило в холод, руки вспотели, но решительно поднявшись, до боли сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони и эта боль помогла.

Я немного притушил тот животный ужас, который чувствовал, потому что не знал, что меня ждет?

Открыв дверь, поприветствовал Макса рукопожатием.

Мы прошли в гостиную и сели друг напротив друга.

Я смотрел ему прямо в глаза, а он пытался отвести свой взгляд и сфокусироваться на чем угодно, лишь бы не смотреть на меня.

— Еще будет время помолчать, давай сейчас поговорим и обсудим: что дальше делать? Как быть?

Макс посмотрел на меня, вскинул брови. Он подумал, будто я говорю о дальнейшем лечении, но это не так.

— Нет, Макс, я вовсе не о лечении. Прошу скажи, что меня ждет дальше?

Откашлявшись в кулак, он посмотрел на меня, и я заметил грусть в его тёмно-серых глазах.

— По статистике с твоим диагнозом живут примерно... — он запнулся, протянул руку и ослабил галстук. Ему явно было не по себе. Макс ведь доктор, потому должен уметь сообщать подобные новости четко и холодно. А сейчас, выходит, сильным был я, а он трусил.

— Сколько мне осталось?

— Восемь месяцев, может десять, если повезет, то год, — дрожащим голосом ответил Макс.

Я понимал, почему он боится, мы знали друг друга практически всю жизнь. Никто из нас не был готов к подобному исходу.

Но теперь я начал понимать, что вовсе не один. Что кроме родителей и Макса есть те, кому я дорог.

И я должен увидеться с ними, открыться, сказать, как благодарен каждому, кто оставил след в моей жизни.

Потом Макс начал говорить о дополнительном лечении, но он не был уверен, выдержит

ли мой организм, а я уже не слушал. Составлял мысленный список, с кем должен встретиться и на первом месте, конечно же, была она — лисёнок, моя Элизабет.

Скоро я увижусь с ней. Осталось несколько дней, и тогда смогу сказать спасибо за все, что было между нами.

За дружбу, которую она подарила мне, но потом мы должны попрощаться.

— Сейчас я чувствую себя хорошо, есть небольшая усталость. Но что дальше? Ведь все не пройдет просто так легко и припеваючи.

Я видел, как мысленно он приказывает самому себе собраться и рассказать всю правду, а потом Макс заговорил: тихо, холодно. Как должен был с самого начала.

— Будешь путаться в сознании дня и ночи, пищу не сможешь принимать, только воду. Возможно, откажут ноги. Высокая температура, признаки эпилепсии. Мозг постепенно будет отключаться...

«А потом смерть», — подумал я, но вслух никто не произнес этого слова.

После нашего тяжелого разговора я понял, что бороться бессмысленно, но теперь я не смогу отступить, ведь пообещал и отцу, и матери, что буду до конца с ними, и не стану больше отгораживаться, убегать.

Единственное условие, которое я поставил им всем: о моей болезни никто не должен узнать. Всё будет, так же как и было: просто однажды меня не станет.

А я сидела на барной стойке и дрожала, как осиновый лист. Услышав, что шум воды прекратился, замерла на месте.

Сейчас Тони находился в душе: совершенно обнаженный и, я уверена, очень красивый. Ожидая, когда он выйдет, я почувствовала, как от волнения вспотели мои ладони, ведь Тони не знал, что я приду.

Но зачем тогда отдал ключи от квартиры?

Нужно же было мне появиться именно в тот момент, когда он решил принять душ.

Я могла уйти, просто развернуться, закрыть дверь и уехать домой, но осталась. Сидела и ждала, когда Энтони выйдет из ванной.

Надеюсь, мое появление станет для него неожиданным и приятным сюрпризом?

Когда ручка повернулась, я замерла.

Это мгновение, мне кажется, я буду помнить всегда. Всю жизнь.

Этот миг, один лишь миг, который разделил нашу встречу на «до» и «после». Одно мгновение до того, как он поймет, что находится уже не один в своей квартире. Одно мгновение до того, как я увижу того, о ком всегда мечтала.

Я не знала, чего ожидать от сегодняшнего вечера и грядущей ночи, но надеялась, утром мне будет стыдно за все, что мы сделаем сегодня, потому что не хотела терять время, которого осталось и так очень мало.

Ведь думать о том, что он умирает просто невозможно.

Мечтала, чтобы эта ночь принадлежала только нам.

Моя первая ночь, которую разделю с тем, кого люблю всем сердцем. До безумия. Навеки.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Тони.

Подняв голову, он замер, увидев меня, а я не могла отвести взгляда от этого идеального тела. Энтони так красив, Боже, как же он красив!

Волосы влажные от воды, а тело покрыто маленькими капельками.

Это самое прекрасное, что я когда-либо видела в своей жизни. Я не замечала ничего, кроме его красоты: никаких шрамов или последствий от лечения, только идеальные изгибы.

Бедра были обернуты темно-красным полотенцем. И в этот момент я поняла, что всегда хотела именно этого. Мечтала увидеть обнаженным, поэтому поверить в то, что он любит, было так сложно.

Ведь я всю жизнь мечтала только об этом и теперь, когда обрела любовь, хотелось завладеть его душой, телом, его мыслями, чтобы каждый раз Тони думал только обо мне.

Я склонила голову набок, не переставая восхищенно смотреть на него, и только тогда увидела отклик в глазах Энтони.

— Это унижительно.

— Что?

— Чувствую себя растлительницей.

— Я уже давно не ребенок, — хрипло прошептал Тони.

Я совсем не ожидала того, что он сделает через секунду: отпустит полотенце. Маленький клочок ткани медленно скользнул вниз, оставив его совершенно обнаженным.

Энтони предстал передо мной во всей своей божественной, идеальной красоте.

Я тихо выдохнула и прикрыла глаза, наблюдая за ним из-под ресниц. Если честно, не могла верить в то, что это происходит на самом деле!

Казалось, очередной сон, и я не желала, чтобы он хоть когда-нибудь заканчивался.

Вечер был настолько реальным, настолько моим.

Это всё, о чём я когда-либо могла мечтать: увидеть в его глазах страсть, желание быть со мной. Почувствовать его руки на своих бедрах, попробовать на вкус его красивую кожу, прикусить за плечо, чтобы оставить свой след на его теле, о котором будем знать только мы вдвоём.

— Посмотри на меня, Элизабет. Прошу, посмотри, — мучительно выдохнул он.

— Мне просто очень трудно поверить, что ты любишь.

— А мне трудно поверить, что я упустил так много времени, которое мог провести с тобой. В твоих объятиях. Это я тот глупец, который потерял в жизни очень многое, потому что не видел дальше собственного носа.

Я не могла мыслить разумно, потому что он всё ещё был обнажен и не торопился прикрыть наготу, позволив насладиться его прекрасным телом.

А я чувствовала, как с каждой секундой моё сердце ускоряется, пульс скачет, дыхание вырывается хриплыми вздохами.

— Если не остановишься и будешь так усиленно дышать, упадешь в обморок, — вдруг оказавшись рядом со мной, пробормотал Тони. — Лисёнок, дыши.

Взяв меня за коленки, Энтони медленно повел руками вниз, лаская своими горячими ладонями чувствительную кожу. После чего очень самоуверенно двинулся вверх.

Остановившись на бедрах, ухмыльнулся и резко дёрнул меня к себе, при этом, заставив расцепить ноги. Теперь я была открыта его горячему взгляду. Ведь кроме чулок и трусиков на мне ничего не было.

В легком шелковом платье сильно не спрячешься.

Мне хотелось стыдливо прикрыться, но он покачал головой, взял двумя пальцами за подбородок и тихо вымолвил:

— Не нужно стыдиться, Элизабет. Ты прекрасна. Ты белый холст, на котором я буду рисовать красивую историю нашей страсти. Я не обижу тебя, лисёнок.

Тони развел мои ноги еще шире, заставляя краснеть от стыда, но я решила забыть обо всём на свете, довериться ему и просто наслаждаться.

— Тебя никто ещё не целовал... — хрипло выдохнул Энтони, медленно потянув вниз верх черных чулок, — ...вот здесь.

И он поцеловал внутреннюю часть бедра. Я ахнула, когда он прикусил кожу, оставив влажный след, и тут же подул на место укуса.

Чувства были незабываемые, восхитительные.

Я не знала прежде мужской ласки, и теперь оказавшись рядом с тем, кому принадлежало моё сердце, была на седьмом небе от своего безграничного счастья!

Притянул меня поближе к себе и обвел моими ногами свою талию.

Я чувствовала, как пульсирует подо мной его тело. Слышала прерывистое дыхание и не в силах больше сдерживаться, притянула Энтони к себе, позволив рукам лихорадочно бродить по его широким плечам, по спине, по бедрам... мне хотелось слиться с ним в одно целое и никогда не отпускать.

— Знаешь, я ведь не достоин тебя, но уже никогда не смогу остановиться. Ты мой запретный плод, который я буду вкушать всю ночь, и после, всё время, которое останется у

нас, хочу, чтобы ты была рядом. Позволь насладиться тобой.

Немного отстранившись, взял мои руки в свои и начал направлять.

Он прикрыл глаза, положил мои ладони на свою шею и нежно помассировал.

Следуя за его руками, медленно спустилась на плечи, после чего он повел меня дальше, позволив прикоснуться к своей груди.

Не сдержавшись, я ущипнула сосок, но увидев ответную улыбку, поняла: Энтони нравится направлять меня, но еще больше нравится, что я проявляю инициативу, с наслаждением исследуя его тело.

Наши сплетенные руки медленно проšliсь по его талии. Очертили контур бедер.

— В твоих руках чувствую себя неопытным мальчишкой.

Он склонился и подарил мне еще один поцелуй. Этот был глубоким, требовательным и жадным, будто Энтони не мог напиться моим дыханием.

Мы дарили друг другу себя без остатка, не требуя ничего взамен.

От того получали в два раза больше.

Чувственно провел по моим плечам, спустился по спине, сжал мою попку в своих ладонях.

Я ощущала, какой он горячий и не могла сдержать дрожь.

Тихо постанывала, почувствовав, как губами он проложил путь от моей шеи к ключице.

Спустился ниже, взял в рот сосок, прикусил почти до боли, заставив вскрикнуть.

Я впиалась ногтями в его плечи. Энтони притянул меня ещё ближе к себе, чтобы я почувствовала, насколько он возбужден. Опустился на колени, закинул мои ноги к себе на плечи и, подняв голову, улыбнулся.

Что же это была за улыбка: дьявольская, довольная, хитрая.

Он знал что делает, а я позволяла ему управлять собой. Позволяла доставлять себе наслаждение.

Легким прикосновением рук он вырвал из меня громкий стон. Сцепив ноги, я прижала его к себе еще крепче и почувствовала прикосновение. Он ласкал меня, не переставая, то грубо, то ласково и нежно, вырывая из меня отчаянные крики.

Я чувствовала, как тело стягивает от неизвестных до этого откровенного момента эмоций, но от чего-то знала, что наслаждение будет непередаваемым, неописуемым и просто потрясающим.

И в тот самый момент, когда я готова была разлететься на осколки, будто он заложил во мне бомбу, которая вот-вот должна была взорваться, отстранился, почувствовав с каким отчаянием, я вздыхаю, кричу и умоляю.

После чего довольно ухмыльнувшись, прошептал:

— Только не так. Хочу, чтобы первый раз ты сделала это вместе со мной.

Не дав сказать ни слова, обвел мои ноги вокруг своей талии, взял за попку и прижал к стене.

Я почувствовала как медленно, но нежно он вошел в меня.

В момент, когда я вскрикнула от резкой боли, Энтони ещё крепче прижал меня своим телом к холодной стене и впился в рот губами, требуя отдаться ему целиком и полностью.

Один толчок, громкий крик, сорвавшийся с моих уст, проглотили его губы.

Еще один, и я почувствовала, как расслабляюсь.

Он прикусил до боли мою губу, чтобы та боль, которая сосредоточилась внизу живота, переместилась в поцелуй.

Больше никто себя не сдерживал. Энтони крепко держал меня, но уже не был нежным и заботливым. Сейчас он только брал, доводил меня до исступления. Я кричала в его руках и слышала ответные стоны, срывавшиеся с его уст.

Это было непередаваемо сладко и так красиво.

— А вот сейчас можешь кончить вместе со мной, — хрипло прошептал он и ускорил темп, от чего я зажмурилась и сильнее обвила ногами его торс.

Еще несколько грубых властных поцелуев. Его руки на моем разгорячённом теле.

Наши стоны слились воедино, и я замерла.

Не могла думать, только чувствовать: пульсацию между ног, хриплое учащенное дыхание, дрожь по всему телу и его тихое сопение мне на ушко.

Сейчас все о чем я переживала, о чем думала, вылетело из головы, оставив только сладкую негу.

Но Энтони еще не закончил истязать меня.

Резко отстранился, усадил на барную стойку и встал на колени, прежде одарив меня нежной улыбкой.

В безумии я царапала его спину. Ведь казалось больше некуда.

А он дарил всё больше и больше, но всего оказалось уже слишком: слишком его рук, его дыхания, горячего шепота.

Закрыв глаза, я застонала, почувствовав, как внутри пульсирует удовольствие. Тело дрожало, мысли путались, а голос срывался.

— Ты прекрасна в своей страсти, лисёнок, — последнее, что услышала я, прежде чем закрыть глаза и утонуть в пленительном океане счастья.

Я не мог поверить, что понадобилось так много времени, дабы узнать секреты своего сердца. Судьба подарила мне человека, которому я могу, наконец, отдать его. Я знал, Элизабет будет хранить мое сердце в своих маленьких ручках и никогда не разобьет.

Хотя это «никогда» наступит уже слишком быстро.

Сейчас, в одиночестве, лежа на больничной койке, я почему-то вспоминал нашу первую встречу после долгой разлуки.

Вспоминал, как придирчиво осматривал себя в зеркале. Ведь я должен был выглядеть идеально. Она заслуживает того, чтобы к ней приехал не просто Энтони, не просто друг, а тот, который может подарить настоящую жизнь.

Усмехнувшись глупости своих предположений, я понял, как наивен был тогда. Ведь я не смогу ей совсем ничего подарить. Мне осталось не так много времени. А узнав о том, что я болен, уверен, Элизабет останется рядом не потому, что должна, а потому, что всегда была рядом.

Сейчас я смотрел на неё совсем другими глазами. Так должен был смотреть раньше, когда у нас еще оставалось время. И, возможно, тогда судьба повернулась бы по-другому, а не подкинула подобный фокус.

Тщательно причесавшись, отыскал старый одеколон, которым не пользовался уже очень давно. Но знал, как Элизабет любит этот аромат, которым я пользовался еще в школе.

Смотрел на себя и думал: «Зачем я вообще всё это затеял? Зачем встречаться с ней? Лучше, быть может, написать благодарственное письмо? Или просто поговорить по телефону? Не стоит нам встречаться. Ведь я не подарю ничего хорошего, только боль и слёзы, а я не хочу, чтобы она плакала из-за меня.

Но что-то тянуло меня к Элизабет. Я должен был встретиться. Должен был позвонить и сказать: «Здравствуй».

Выбор пришлось делать быстро. Особо не раздумывая, потому что знал, чем дольше буду думать, тем больше стану сомневаться. А, значит, вовсе не сделаю того, что должен. Того, что хотел сделать.

Как только остановился напротив дома, набрал ее номер, терпеливо вслушиваясь в монотонные гудки.

Вышел из машины, встал напротив окна, расположенного на втором этаже, и смотрел туда в надежде, что она выглянет. Я, наконец, смогу увидеть до боли знакомый образ.

Ведь я так скучал по ней.

Прошло шесть долгих лет. Поначалу я даже не думал о том, что мне так сильно не будет хватать этой дружбы, отзывчивости, внимания, которое было между нами.

— Здравствуй, лисёнок, — тихо сказал я, вместо гудков услышав тишину на том конце.

— Здравствуй, — прошептала она.

И вот вновь я почувствовал улыбку в ее голосе, которую Элизабет пыталась подавить. Почему она не смеялась, когда слышала мой голос? Всегда скрывала. Думала, яотреагирую как-то не так, если услышу, как рада она тому, что я позвонил?

Подобрав камешек с земли, бросил его в окно, а через секунду увидел шевеление шторок. И вот нарисовался красивый силуэт по ту сторону окна.

Волосы отросли, стали гораздо длиннее. Глаза засияли при виде меня. На губах

красовалась обворожительная улыбка, которую Элизабет пыталась подавить. А я снова задался вопросом: «Почему она не желает, показывать своих чувств? Почему скрывает? Возможно, потому что я никогда не был честен с ней?»

— Спускайся. Я жду тебя, лисёнок.

Она кивнула. Еще мгновение смотрела на меня, будто не могла насытиться нашей встречей и тому, что спустя столько времени мы всё же остались прежними друзьями.

Мне не пришлось ждать очень долго. Вернувшись в машину, я посидел немного, но решил, что не хочу ждать. Казалось, путь ее будет неестественно долгим. А мне нужно сразу же увидеть Элизабет, вот так, перед собой и, возможно, в глазах смогу прочесть, что она чувствует.

Поэтому вышел из машины и вернулся к дому в ожидании, когда она выйдет ко мне навстречу.

Не успела дверь открыться, я бросился вперед и схватил Элизабет в объятия. Хотя не планировал этого. Не ожидал, что поступлю именно так.

Мне отчего-то нужно было сжать её в объятиях. Почувствовать родной запах детства, нашей юности, нашей дружбы. Хотелось снова окунуться в прошлое. Уйти с головой в воспоминания, чтобы не думать о призрачных надеждах на будущее!

Тогда я понял, именно в тот момент, когда она оказалась в моих объятиях: что не должен причинять ей боль и не могу остаться рядом.

Но коль уж сам устроил этот вечер то и проведу его, как планировал. Мы побеседуем, но после расстанемся.

Я больше никогда не увижу Элизабет.

Принял я это трудное решение только потому, что понял, что-то чувствую к ней. И то была вовсе не дружба, а нечто большее. То, что я раньше не замечал, игнорировал и даже пытался сбежать. А теперь вот доигрался и не могу обладать той, что всегда была у меня в сердце.

Улыбнувшись своим мыслям, я нахмурился, подумав о том, что Элизабет никто не рассказал о моей болезни. Но я чувствовал каждой клеточкой своего тела, как только она вернется в палату, если конечно, всё ещё здесь — разразится гром. И тогда мне нужно приложить все силы, чтобы доказать ей, насколько сильно люблю.

Или всё же стоит отказаться от этой затеи? Позволить ей уйти сейчас?

Она не должна оставаться рядом. Не должна видеть, как я умираю. То, что сказал Макс, как я буду чувствовать себя, — омерзительно. Я превращаюсь в овощ. И, пожалуй, за мной станут ухаживать только родители, которые должны делать это.

Ей незачем оставаться рядом и видеть все, что будет происходить со мной.

Но в глубине души я надеялся, что она останется. Сама примет это тяжёлое решение, которое в свое время принял я и остался с ней. Хотя должен был с самого начала отказаться от нас. Отказаться от этой идиотской затеи быть рядом.

Ведь я не смогу подарить ей никакого будущего. Нас ждет только разочарование, горечь и боль.

Я и так не дал ей за всю нашу жизнь ничего хорошего, только обиды.

Она ведь видела всё, замечала, как я дружил с другими, дарил свои поцелуи девушкам. Даже имел глупость, дурак, делился с ней своим опытом и только сейчас осознал, насколько был не прав.

Всё же надежда на то, что Элизабет находится в неведении, радовала меня. Если это

так, я спишу свой обморок на усталость, потому что долго не отдыхал и, возможно, возьму отпуск.

Увезу её куда-нибудь далеко на острова, где мы останемся только вдвоём.

Проведем там волшебное время, а потом я просто уйду. Оставлю ей в память воспоминания о нас.

Подарю красивые ночи, которых она не знала. Элизабет была невинна и чиста. И она была моей. Я так хотел сорвать этот чистый плод и оказаться первым, кто вкусит аромат ее тела. Первым, кто услышит голос, когда она в страсти будет кричать, умолять, а, может, и выкрикивать мое имя. И каким красивым должно быть её тело, когда будет содрогаться в блаженстве, прикрыв глаза.

Я всю жизнь растрачивал себя на других девушек, а теперь, когда нашел родную душу, с легкостью ее потеряю.

Почувствовав, как меня охватило волнение, я понял, что действительно люблю и готов пойти на многое, дабы оставшееся время провести с ней.

Но вот готова ли она играть по моим правилам?

Ведь я не смогу остаться у неё на руках бесполезным, никчемным овощем, в которого рано или поздно превращусь!

Я хотел остаться с ней, пока я могу хотеть.

Хочу заняться с ней любовью, пока действительно я — это я. Пока я могу желать её всем сердцем. Пока могу подарить ей каждую минуту, каждую секунду своего внимания.

Мои размышления прервал тихий стук двери о стену.

Элизабет вошла в палату и, увидев её пустой взгляд, я понял, она всё знает.

Тихо выругавшись, подумал, что сейчас предстоит очень тяжелый разговор. Но надежда на то, что она останется, была гораздо сильнее. Я даже не задумывался о том, что Элизабет уйдет, закрыв дверь, чтобы больше никогда не вернуться.

Казалось, мы забыли обо всём. Остались только вдвоём. Будто мир вокруг нас самих просто не существовал.

Находились в своём отдельном маленьком уголке счастья и радовались тому, что вместе. Тому, что можем прикасаться друг к другу. Просыпаясь, дарить улыбку, после чего обязательно следовал поцелуй, который из нежного утреннего, перерастал в страстный, алчный, жаждущий.

Я не могла насытиться Энтони. Ведь, чем больше проводила с ним времени, тем больше нуждалась в его объятиях. Чем больше вкушала нашу любовь, тем больше желала остаться с ним навсегда.

Подобные мысли приводили меня к конечной точке — его болезни. Меня будто поместили в какой-то сосуд и плотно закупорили. Тот сосуд был наполнен горечью, обидой и злостью. Они шли рука об руку со счастьем, невероятными улыбками, смехом и мечтами, которым никогда не суждено сбыться. Этот порочный круг, в который затянула меня любовь к Энтони, невозможно разорвать.

— Сегодня мы отправимся в путешествие, — не успела я открыть глаза, как услышала весёлый голос Тони.

Потянувшись в кровати, улыбнулась, заметив его взгляд, когда простынь сползала, оголив моё тело.

Щелкнув пальцами перед его носом, переспросила:

— Что за путешествие? О чём ты говоришь? Мы не можем вот так просто сорваться и уехать.

— И почему ты думаешь, что это невозможно? Всё мы можем, стоит только захотеть. А я уверен, со мной ты обязательно захочешь.

Он схватил мою ногу, потянул к себе, а я пыталась вырваться, но почувствовав щекотку на ступне, засмеялась.

— Даже не сомневаюсь, ты можешь многое. Ну, разве нам здесь не хорошо? Почему вдруг решил, что нужно куда-то ехать?

Тони склонился ко мне, выпустив из плена своих рук, подарил мягкий поцелуй, который стал нашим утренним ритуалом и горячо зашептал:

— Хочу остаться с тобой наедине. Подарить настолько сильные воспоминания о нашем счастье, чтобы тебе не было больно. Чтобы ты могла возвращаться сюда, в место, где мы счастливы сейчас. И тогда на твоём лице будет улыбка не грусти, а счастья. О том, что знали друг друга. Смогли даже под напором жестокой судьбы не прогнуться, а подарить друг другу незабываемые моменты. Они помогут и мне Элизабет, — серьёзно посмотрев мне в глаза, добавил Тони.

Конечно, мы говорили очень много и долго. Говорили обо всём: даже о том что, быть может, он никогда не покинет меня.

Но, думая об этом, я содрогалась в ужасе, не зная, что меня ждет. Правда, не представляла, какотреагирую, когда наступит конец.

Заметив, что я колеблюсь, он зарылся носом в моё плечо и снова зашептал:

— Просто скажи «да» и поверь, сожалеть не будешь ни минуты. Мы уедем не так далеко, но подальше от людей. Подальше от суетного мира. Туда, где мечты исполняются.

— Хорошо, води меня в сказку, — заразившись его веселым настроением, проговорила я.

Энтони вскочил с кровати, схватил сумку и бросил мне со словами:

— Собирай всё, что необходимо, уезжаем надолго. Запремся ото всех. Будем готовить вкусную еду и кормить друг друга. Довольствоваться уединением.

Подмигнув на прощание, он выскочил за дверь, а я с довольной улыбкой прижала к себе сумку, словно это был Энтони, а не пустая тряпица в моих руках.

Мрачные мысли настойчиво лезли в голову, запрещая идти на этот шаг, но я не могла сказать «нет»! До боли желала этого и просто не хотела расстраивать Тони, ведь он заслужил немного счастья, так же как и я.

***

— Я снял этот домик только для нас с тобой, лисёнок, — довольно заметил Энтони, увидев, как я застыла на пороге не в силах поверить, что теперь мы будем только вдвоем. А ведь до этого никогда не оставались наедине. Всегда кто-нибудь да находился рядом.

Я боялась и в тоже время была в восторге. Не знаю, какое чувство переполняло меня больше. Зажмурившись на мгновение, выдохнула, желая всем сердцем, чтобы это был не сон, а открыв глаза, завизжала и, бросив сумки, кинулась в объятия к Энтони. Он закружил меня, присоединяясь к смеху.

Даже не позволив распаковать вещи, схватил за руку и потянул на улицу.

Мы вышли через задний двор, и я увидела, почему Тони захотел провести время именно здесь.

Дом был потрясающе красивым в своей простоте: скромный одноэтажный, но вот то, что хранил он на заднем дворе, с лихвой окупало всю простоту.

С каждым новым мгновением Энтони поражал меня. Ни на миг не показывал как тяжело ему, и ни разу я не видела страха в голубых глазах, только счастье, многочисленные улыбки, смех. И была благодарна за каждую секунду, проведенную вместе с ним.

Подтолкнув меня вперед, Энтони скрылся в небольшом амбаре, а я стояла на берегу озера и с замиранием сердца смотрела, как солнце своими теплыми лучами касается верхушек деревьев. Вдалеке даже заметила лебедей, которые плавали парами. Они были так красивы, горды и неприступны.

Услышав шум воды, обернулась, заметив как Тони ловко управляет лодкой. Он бодро и энергично махал веслами, приближаясь к берегу, на котором я застыла, словно статуя, в ожидании.

Хлопнув в ладоши, с удовольствием запрыгнула на свободное место и поймала на себе задумчивый взгляд голубых глаз. В них плескалось столько невысказанных эмоций, что стало даже больно.

Откашлявшись Энтони отвернулся.

— Уверен, тебе понравится вид.

Больше не проронив ни слова, схватил весла, от чего руки напряглись, и повел лодку вперед. Нам удалось подкрасться к лебедям так близко, что казалось, протяни руку и можно дотронуться до этой неприступной красоты.

Энтони достал откуда-то сзади мешочек с крошками хлеба. Поделив поровну, подал одну часть мне и бросил в воду, которая тут же пошла рябью.

Птицы взволновались, но все же не улетели.

Расправив крылья, они устремились вперед, дабы попробовать яства, что мы им

предлагали.

— Наверное, эти самые молодые, — заметил Тони, указав на тех, что с рвением бросились вперед. — Видишь лебедей, что даже не посмотрели в нашу сторону? — я кивнула словно послушная ученица. — Скорее всего, они уже взрослые и не доверяют людям, а молодняк всегда любит что-нибудь вкусное.

Дождавшись пока я скормлю свою часть хлеба, Тони взял мою руку и поцеловал внутреннюю сторону ладони. Подарил грустную улыбку и погреб дальше.

Всё дальше и дальше унося нас от дома, но я и не возражала. Здесь оказалось так хорошо, так свободно. Словно даже воздух был чище, и дышалось легче.

Не было той удушающей правды, что всегда нависала надо мной, пока мы оставались в городе. Сейчас всё, чего я боялась, будто ушло на второй план.

Энтони показывал мне свою любовь и помогал справляться со стрессом, который я чувствовала каждый день. Помогал преодолеть то напряжение, что было между нами.

Оказалось Энтони везет нас на остров, что затерялся посреди этого прекрасного озера. Спрятанный ото всех, еще дальше от людей, чем тот дом, что ждал нашего возвращения.

Подав руку, он схватил меня и закружил, прогоняя прочь все тоскливые мысли, которые еще остались.

— Буду радовать тебя каждый день, — почему-то сказал он опять.

Я заметила большую иву, что своими тонкими ветвями касалась кромки воды. И заметила под большим стволом расстеленный плед, а на нем корзинку, наверное, с вкусной едой.

Скинув туфли, зарылась ногами в траву, чувствуя, как легкий ветерок колышет волосы. Под тенью могучей ивы мы спрятались от жаркого полуденного солнца.

Открыв корзинку, Тони начал доставать фрукты, дальше последовала бутылка вина, сыр и две небольшие корзиночки с кремом — Тони знал, как сильно я любила эти пирожные. Они были из маминого магазина сладостей.

— Благодарю за то, что такой внимательный.

— Я всегда знал, что ты питаешь слабость к сладостям.

— Я питаю слабость к тебе, — пробормотала я и коснулась его губ своими губами, почувствовав легкий вкус сладкого вина.

— Взаимно, лисёнок.

Вернулись мы домой только к вечеру.

То время, что провели под раскидистыми зелёными ветвями большой ивы, навсегда останется в моём сердце.

Так самозабвенно мы целовали друг друга, впитывая чувства, которые исходили из каждой нашей поры.

Я ощущала, как трещит воздух между нами от невысказанных эмоций, слов, запретных тайных желаний: о будущем, о семье. Но сейчас осознать эту правду было легче.

Энтони окунул меня в озеро: схватил за талию, закинул на плечо и просто вошел в прохладную воду, пока я сопротивлялась. Хотела выбраться, старательно колотила его руками по спине, но так ничего не смогла сделать.

В мгновение ока оказалась в воде, промокла, продрогла, была грязной, но очень счастливой.

— Куда ты всё время торопишься? — чувствуя его нетерпение, спросила я, когда Энтони, словно чумной, влетел в дом, но он только кинул мимолетную улыбку через плечо, не переставая быстро перебирать ногами. Открыл дверь и толкнул меня внутрь, будто боялся, что иначе я сбегу.

Почувствовав тепло, исходящее от ванны, что стояла посреди комнаты, я блаженно вздохнула. К вечеру ветерок усилился, а так как я вся была мокрая, хотелось согреться. Тони всё предусмотрел. Наверное, мы были здесь не одни, кто-то ведь приготовил ванну, но сейчас это волновало меньше всего.

— Позволь мне, — хрипло попросил Энтони, потянув рукав моей кофты.

А я даже и не пыталась сопротивляться. Тони видел меня совершенно обнаженной. С ним я ничего не боялась. Перестала даже стыдливо прикрывать глаза и краснеть.

Так почему должна стыдиться своих чувств? Я не видела в этом ничего плохого, потому просто расслабилась, позволив Энтони раздеть меня и бережно усадить в горячую ванну.

Здесь пахло восхитительно: костром и свежесрубленным деревом — потрясающее сочетание.

Голова кружилась от неистовых чувств, сердце трепыхалось в груди, когда я наблюдала за неторопливыми манипуляциями Энтони. Он нарочито медленно снимал с себя одежду, позволив мне наслаждаться видом его красивого тела.

Когда вся одежда оказалась на полу, Тони без стеснения прошествовал к столику, что стоял возле стены, взял запотевший графин, два бокала и поставил их возле ванной, после чего сел позади меня и тихо выдохнул на ушко:

— Как же ты сейчас красива: влажная от горячей воды, щёки красные, а глаза блестят от желания.

После чего последовал долгий жгучий поцелуй, но Энтони не позволил зайти ему дальше, чем следовало. Взяв запотевший графин, налил в бокал жидкость тёмно-красного цвета и подал мне.

— Только не торопись. Тот контраст, что вызывает разгоряченное тело и холодное вино — дурманит голову.

Сделав небольшой глоток, я причмокнула, поняв, о чем говорил Тони: здесь было жарко, кожа покраснелась, а холодное вино приятно обласкало своей свежестью — это

сочетание давало замечательный эффект.

В блаженстве откинувшись назад, положила голову ему на грудь, позволив Энтони взять мочалку и нежно помассировать моё тело.

Мне нравились его бережные неторопливые прикосновения, будто я фарфоровая куколка в его руках. И Тони должен с особой нежностью прикасаться ко мне, дабы не разбить одним своим прикосновением.

Это чувство защищённости, силы в его руках, было непередаваемым.

Тихо мурлыча себе под нос какую-то мелодию, он выводил замысловатые круги на моём плече, позволив просто расслабиться и ни о чём не думать.

Закрыв глаза, я провалилась в сон.

Сегодняшний день был таким изматывающим: с самого утра мы ещё находились в его квартире, и я сгорала от горечи. Сгорала от того, что не было надежды, но потом Энтони одним словом подарил мне силы, которые к вечеру возросли до небывалых высот.

Потрясающий дом, окруженный лесом. Озеро что таило в себе множество прекрасных уютных, а самое главное сокрытых от чужих глаз, мест. Эта ванна.

Все походило на сказку, в которую я попала и не желала выбираться.

И снова, в который раз, мне приснилась уже привычная поляна с желтыми ромашками, где мы встречались с Энтони. Вот только в этом сне его не было. Я ждала и ждала, но время шло, а он так и не объявился.

Солнце отсчитывало день и неукоснительно следовало своему маршруту. Вот уже горизонт окрасили кроваво-красные лучи заката, а Тони так и не появился на нашей полянке.

Я в панике металась туда-сюда, пытаюсь найти его, но не было ничего, кроме молчаливых цветов, которые с приходом темноты завяли, оставив там, где еще минуту назад благоухала жизнь — смерть и темноту.

Пустота что образовалась в сердце, поглотила меня.

Упав на колени, я с тоской посмотрела на небо, взмолившись:

— Не забирай его, прошу. Дай нам шанс на светлое будущее, только оставь Энтони в моих объятиях. Навеки.

Но ответом мне была тишина. Темное безмолвное небо не сжалилось над мольбой, что слетела с моих уст, а почернело еще больше, обрушившись на меня грозой и дождем.

Туман стелился на землю, укрывая собой все живое. Оставляя меня в одиночестве...

Услышав громкий плеск воды, я резко села, но почувствовав теплые руки Энтони на своих плечах, поняла, это очередной бредовый сон, коих накопилось уже великое множество.

Но таких реальных, достоверных и мрачных, пожалуй, еще не было.

И дело вовсе не в том даже, что Энтони не пришел на нашу любимую поляну. А в том, что всё живое, даже небо, отвернулось от меня. Желтые ромашки умерли, а солнце продолжило свой путь и ушло за горизонт, оставив меня в темноте.

— Это всего лишь сон, — тихо заметил Тони.

Но я ничего не смогла ответить: во рту все пересохло от страха, что сжимал сердце в тисках. Вот-вот еще чуть-чуть и оно разорвется на мелкие кусочки, чтобы больше никогда не биться.

Обвив мое дрожащее в страхе тело полотенцем, Тони отвел меня в небольшую, но очень просторную светлую комнату, помог устроиться в кровати и, пообещав вернуться в скором

времени, удалился.

Знал, я нуждаюсь в одиночестве. Понимал, мне нужно побыть наедине со своими мыслями, чтобы не вылить на него весь тот ужас, который накопился во мне с памятного момента в больнице.

Так и не дождавшись, когда он вернется, я свернулась калачиком в холодной пустой кровати и заснула, даже не представляя, что этот очень долгий день обернется такой катастрофой!

Что все старания Энтони поднять боевой дух и придать мне сил безжалостно разрушит какой-то сон.

Ведь он так отчаянно пытался меня обнадежить, но я думаю, мы оба понимали — это не сработает.

***

Утром я проснулась с ужасной головной болью. Обведя комнату задумчивым взглядом, заметила на тумбочке бокал воды и две таблетки обезболивающего. Энтони позаботился о моем состоянии, будто наперед знал, что понадобится.

Обернувшись, увидела, что постель пуста, но положив руку на то место, где спал Тони, почувствовала тепло: значит, ушел недавно.

Легкий запах яичницы и подгоревших блинчиков вызвал на моих губах улыбку.

Накинув поверх майки его голубую рубашку, вышла в коридор и по запаху проследовала на кухню.

Энтони в одних джинсах с оголенным торсом, стоящий у плиты, заставил мои губы приоткрыться в довольной улыбке. С трудом сдерживая смех, наблюдала я за тем, как он пытается отскрести со сковороды подгоревшее тесто.

Тихо играла мелодия на его телефоне, которую Тони, конечно же, напевал себе под нос.

— Ты не перестаешь меня удивлять, — задумчиво пробормотала я, а в ответ слышала довольный смех.

Обернувшись, Энтони подошел, взял меня обеими руками за щеки и поцеловал звонко, как делают маленькие дети, но от чего-то этот поцелуй подарил мне тепло. Он вовсе не был детским, скорее наоборот — веселым, задорным, жизненным.

— Присаживайтесь, мадам. Сегодня на завтрак непревзойдённое блюдо, приготовленное специально для вас.

Хотя его блины подгорели мы съели все до единого. С изрядной долей теплого молока и карамели они были хороши.

Я не представляла, что запланировал Энтони на то время, которое мы проведем, словно затворники в уединение, но решила больше не поддаваться хандре, не думать о том, что же означают мои ужасающие сны.

Ночь я встречала в его теплых заботливых объятиях, а утром, как только открывала глаза, получала нежный поцелуй. После чего наперегонки мы бежали в кухню. Состязались в том, кто первый приготовит завтрак и у кого он окажется вкуснее. Победитель получал право выбрать занятие на весь день.

Эта своеобразная игра позволяла нам каждое утро воспринимать как дар, но от меня не укрылось подавленное состояние Энтони.

Почти каждый день нас радовало не ясное солнышко, а проливной дождь. И чем мрачнее стояла погода за окном, тем больше Тони угасал. Становился слабее, а его тайные звонки, о теме которых я ничего не знала, отнимали много времени и моих нервов.

Я замечала как, увидев звонившего, он пытался побыстрее и, как можно дальше, убежать, чтобы я не слышал его разговор с неизвестным мне человеком. А на все вопросы сухо отшучивался и старался сменить тему.

Энтони, не желая показывать свою слабость, последовал единственным оставшимся путем — обманом. Не хотел, чтобы я видела, как он угасает, но я все замечала!

Неоднократно предлагала уехать, но каждый раз он отказывался, не желая провести остаток времени в больнице под капельницей, медленно превращаясь в овоща.

— Пойми, лисёнок, здесь я наслаждаюсь тобой. Засыпаю в твоих теплых объятиях. Ты помогаешь мне действительно высыпаться. Ведь когда я без тебя, то практически не сплю всю ночь. Утром, просыпаясь, вижу твой милый нежный образ и тогда, меня охватывает чувство ликования, что ты моя. Ты даришь мне силы жить дальше.

Эти слова он, похоже, зазубрил наизусть и повторял мне их каждый день, но время шло, а лучше ему не становилось.

И как бы много Тони не отдыхал, с каждым днём уставал всё больше, но упорно не желал возвращаться домой.

Мне пришлось взять инициативу в свои руки и, связавшись с его родителями, попросить о помощи.

Уговаривать Энтони пришлось очень долго, но все же моя взяла. Он согласился съездить в город для небольшого шопинга.

Не зря Тони подозревал меня в тайных заговорах, но я ведь желала только добра.

Не могла видеть, как он угасает и сидеть, сложа руки в ожидании, когда совсем ослабнет и вообще не сможет двигаться.

В магазине родители Энтони встретили нас добродушными улыбками.

Лицо Грейс, как только она увидела сына, помрачнело. Не сказав ни слова, она схватила его в объятия и долго не отпускала.

А Энтони буравил меня суровым взглядом, говорившим о том, что он ещё отыграется и накажет за то, что подстроила эту встречу.

Но я ведь не могла по-другому!

Как же я буду чувствовать себя, когда из-за меня, из-за нежелания вернуться к родным, попросить о помощи, он просто однажды утром не проснется?!

Даже думать об этом было мучительно, а представить невероятно страшно. Но образ молчаливого мирно спящего Энтони, который не откроет своих глаз, когда я позову его, преследовал меня, стоял перед глазами, не давал покоя. Сводил с ума.

— Ты сделала правильный выбор, Элизабет, — тихо заметила Грейс, когда мы выходили из магазина. — Он потерял несколько килограммов это видно сразу. Осунулся, но то, что в глазах его я вижу счастье, должна благодарить тебя.

Резко остановившись прямо в дверях, она взяла меня за руки и, заглянув в глаза, заявила:

— И я благодарю за то, что ты подарила моему сыну так много. Благодарю за то, что любовь твоя оказалась истинной, и ты смогла несмотря ни на что остаться рядом с Тони.

Заметив, как по щеке ее скатилась одинокая слеза, я почувствовала, как сердце мое дрогнуло. Смахнув слезинку с лица, Грейс вздохнула и вышла из магазина, гордо расправив спину.

Расположившись с Энтони на заднем сидении, мы поехали домой.

Он, конечно, был жутко зол но, тем не менее, как только мы сели, потянулся и взял меня за руку. Крепко сжал, прижал к груди, туда, где билось сердце.

Отвернувшись к окну, подавила всхлип, что рвался наружу, иначе не сдержись я и тогда устрою истерику, а этого нельзя себе позволить. Я не для того рядом, чтобы рвать на себе волосы и ждать, когда Тони утешит меня. Нет! Я должна быть сильной за нас обоих. Хранить спокойствие, дарить ему всю свою любовь и заботу, чтобы скрасить каждый день.

Дома нас уже ждал Макс, который, завидев Энтони, недовольно покачал головой. Похоже, все заметили, как осунулся Тони. Каким слабым стал.

Тот огонек силы, что промелькнул в глазах Макса, дал мне возможность взять себя в руки и не расклеиться.

Сейчас не время быть слабой.

Энтони я нужна сильной, смелой, отзывчивой и любимой, а не малодушной девчонкой, готовой сбежать на край света, только бы не видеть, как он мучается от боли.

— Я же предупреждал, чтобы ты вернулся раньше. Просил быть благоразумным, но какой там! — распекал Макс. — Ты как бык уперся своими рогами в ворота и не понимаешь что застрял. А смелости попросить о помощи не хватает?

Он бушевал, пока Тони спокойно лежал на диване, прикрыв глаза, и покорно выслушивая все нотации.

— Температура поднялась, догадываюсь, как тебе больно. И почему не попросил, чтобы я привез лекарства? Зачем терпел?

На этих словах Тони резко вскочил, но тут же ноги его подкосились, видимо голова закружилась от столь быстрой смены положения. Ухватившись за спинку кресла, он указал пальцем на Макса и прошипел:

— Все в порядке. Мне не нужно ничего.

— Как же люди любят обманывать себя особенно тогда, когда им больно. Прости, погорячился, — бросив нервный взгляд в мою сторону, извинился Макс.

А я стояла с открытым ртом и не знала, что сказать. Теперь, похоже, он понял, что наболтал слишком многое, то от чего Тони так старательно ограждал меня.

И снова тайны, от которых я так устала.

— Ну почему ты ничего не сказал? — голос мой был тихий, но в нем слышался весь ужас и безнадежность, что я испытывала в тот момент. — Снова лжешь, делаешь хуже себе, а не мне. Господи, ты невозможен.

Повернувшись, я направилась к двери, но не успела сделать и нескольких шагов, как Тони преградил дорогу.

— Ты обещала, что больше не сбежишь, — надломленный голос. В глазах паника.

Я спиной ощущала, как все замерли в ожидании моего ответа.

Погладив его по щеке, вымученно улыбнулась.

— Не сбегу. Я умею хранить верность своим обещаниям. Но раз нужно немного больше места, оставляю тебя наедине с Максом, чтобы вы решили все вопросы. А пока схожу и принесу наши вещи.

Увидев облегчение, что отразилось в голубых глазах, я в неверии покачала головой.

— Неужели решил, что снова сбегу? Неужели до сих пор не веришь, что люблю?

— Верю. Я верю. Просто боюсь.

— Ох, Тони, как же ты не понимаешь — я с тобой до конца. До самого последнего. Не сбегу. Не оставлю. Не смогу.

Он поцеловал меня, и это было настолько сильно, что мне снова захотелось плакать. Я впивалась его сладко-горький поцелуй, не стесняясь случайных свидетелей. Если честно мне было глубоко плевать, что на нас смотрят. Сейчас остались только он, я и наш поцелуй с горчинкой.

Отпустив меня Энтони, позволил уйти и я ушла.

Как только закрыла дверь, почувствовала себя одинокой, а в душе было так пусто, не осталось ничего, никаких эмоций, все стер тот отчаянный поцелуй.

Вдохнув побольше грудью, я не почувствовала и этого. Совсем ничего не воспринимала.

Может, я задыхаюсь и сама этого не понимаю? Может, тем поцелуем Энтони отнял у меня последние силы?

И пусть. Для него мне ничего не жаль. А так я не буду мучиться. Ведь сейчас каждый день был мучительным счастьем.

Энтони наотрез отказался ехать в больницу, поэтому пришлось оборудовать ему палату прямо в комнате.

Казалось, часы, что я проводила у его кровати, тянутся мучительно долго. Но в то же время создавалось ощущение, что время летит, словно птица, унося за собой все хорошее. Те дни, что мы провели в домике у озера, стёрлись из памяти, будто их вовсе и не было. Ведь всех счастливых мгновений не хватит, чтобы компенсировать мучения, бессонные ночи и чувство постоянного страха, что заполнял меня изнутри.

Я устала постоянно бояться. Жить, как будто сижу на бомбе и если пошевелюсь, сделаю неправильный выбор, шаг не в ту сторону — она взорвется. И не просто взорвется, а разлетится вдребезги, не оставив после себя ничего живого.

Не знаю, когда в последний раз я спала нормально. Хотя бы больше двух часов подряд. Сейчас в моем мире не осталось ничего. Сейчас мой мир крутился исключительно вокруг Энтони.

Я словно жила на батарейках, которые кто-то подзаряжал, чтобы я могла двигаться, разговаривать, улыбаться, а иногда и кушать.

Что и говорить, болела я вместе с Тони. Ведь как бы сильно он не уговаривал меня уйти, не могла этого сделать.

Ступая за дверь, понимала, что не могу и возвращалась обратно. Это было выше моих сил.

А Тони так отчаянно надеялся, что мне не придется видеть его мучения.

А я так отчаянно мечтала, что все сложится по-другому.

— Ты очень похудела, никуда не выходишь. Когда в последний раз была на улице? Или нормально спала?

Услышав тихий голос Льюиса Хэйвена, я напряглась, не желая будить Энтони.

Только что он метался в агонии, температура поднялась, не давая заснуть, а теперь словно все горести мира ушли, позволив ему немного отдохнуть, расслабиться и погрузиться в спасительный сон. Боль отступила, но я понимала — это только на время.

Даже не обернувшись только и смогла, что покачать головой. Льюис так и остался без ответа, впрочем, как всегда.

Сейчас я мало что могла, да и сил практически не осталось, ведь я добровольно приковала себя к кровати Энтони. День и ночь сидела рядом, делала все, чтобы хоть как-то облегчить его страдания. И наградой мне были мимолетные вымученные улыбки, тихие признания в вечной любви и обещания остаться рядом.

А иногда, будто не осознавал, кто перед ним. Смотрел словно на чужую, но мне было всё равно. Я ни разу не сдалась, не отступила назад, в каком бы настроении он ни просыпался.

— Зачем ты так, Элизабет? — сквозь сон запричитал Тони. — Зачем мучаешь себя? Посмотри, я ведь словно якорь повис у тебя на шее и тяну вниз. А ты, будь все проклято, даже не сопротивляешься! Наоборот, добровольно следуешь моим маршрутом. Я не этого хотел для нас, лисёнок.

— Но по-другому я не умею, — призналась. — Предлагаешь оставить тебя здесь одного и просто уйти, не оглядываясь? Позабыть обо всем, что между нами было? Ты даже не

представляешь, насколько сильно я бы хотела стереть из памяти эти болезненные мгновения и оставить в сердце только чистые веселые воспоминания о нас с тобой.

— Я бы тоже хотел подарить тебе именно это, лисёнок. Но все что даю — это боль. Не нужно так поступать со мной. Ведь то, что ты делаешь недостойно моей Элизабет. Ты гораздо сильнее... — он закашлялся, но все мои попытки помочь отверг.

Нахмурившись, Энтони выпрямился в кровати и грозно посмотрел мне в глаза.

— Ты ведь обещала быть со мной. А сейчас что ты делаешь? Мы ведь знали, как всё будет, и я просил тебя остановиться, пока не поздно. Уйти, запомнив меня не таким, каким стал сейчас, но ты решила остаться. Для чего? Чтобы вместе со мной умереть? Чего ты хочешь добиться, своим нежеланием отдыхать, кушать, выходить на улицу?

Меня так задели его слова, что в душе всё будто охладело. Та обида, что образовалась во мне из-за упреков Энтони, отозвалась болью в сердце. Казалось, я не могу дышать.

Не ожидала услышать от него подобное заявление. Не представляла, что Энтони станет отчитывать меня как маленькую непослушную девчонку. А я всего лишь хотела быть рядом.

Может и правда не нужно всего этого?

Я должна была оставить его намного раньше и не, потому что сейчас трудно, а потому что Энтони сам просил. Не хотел, чтобы я страдала вместе с ним.

А я страдала, будто брала на себя часть его боли, и тогда когда он ел, я не притрагивалась к еде. Когда он дышал, я замирала, будто слышала его дыхание в последний раз.

Сейчас Энтони упрекал меня за то, что осталась рядом, за то, что позволила себе, расклеится, пойти на поводу своего горя. Я задумалась, что возможно сделала неправильный выбор?

Конечно, было бы намного больнее, если бы оставила его здоровым с красивой улыбкой на лице и задором в глазах.

Я бы не видела всего того ужаса, через который проходила каждый день и каждую ночь. Не смыкая глаз, смотрела на него и видела муку на лице.

— Прости, не знаю что делать, — я безвольно опустила голову не в силах вынести его взгляда. Пришлось прикусить губу до боли, чтобы не разреветься. Выпрямившись, тихо выдохнула. — Скажи, что мне сделать? Согласна на всё, только не нужного этого взгляда.

— Какого? Что ты видишь в моих глазах, лисёнок?

— Вижу там боль, которую ты чувствуешь каждый день.

— Ту боль, что ты делишь со мной, — добавил Тони.

— Хочу помочь. Хочу облегчить твои страдания.

— Знаю. Думаешь, не понимаю? Но я всё вижу и благодарен тебе, но это уже перебор. Посмотри на себя: всего за несколько месяцев ты похудела, что видны одни косточки. Практически никуда не выходишь, сидишь всё время со мной, а там за окном реальная жизнь и я часть её, но сейчас ты должна отпустить.

А я не понимала, что значит это «отпустить!»

Как оставить его, выйти за дверь и вернуться спустя час, день, месяц? Как? Я не знала. Не умела, а научить этому, к сожалению, никто не мог.

Зажмурившись от отчаяния, я увидела перед глазами картинку озера, где была безмерно счастлива.

До сих пор помню каждое мгновение, которое мы провели там. Помню, как кормили лебедей, что были так красивы, так неприступны и горды.

Казалось, их ничто не может сломить.

Посмотрев Энтони в глаза, я взяла его за руку и слова мои прозвучали будто клятва.

— Знаешь, как у лебедей, если один умирает, второй разбивается, чтобы последовать за своей парой. Не могут жить друг без друга.

После этих слов Тони долго смотрел на меня, не отпуская руки. Понял, о чём я говорю.

— Тебе дарована жизнь не для того, чтобы умирать и сводить счета, пытаюсь отомстить смерти за то, что отобрала у тебя любимого! — будто читая мои мысли строго заметил. — Элизабет, жизнь дала нам возможность попробовать любовь на вкус и я благодарен за то, что у меня было время, которое я провел с тобой. Жаль, что его оказалось непростительно мало, но в конечном итоге мы нашли друг друга. Я ведь никогда никого не любил до тебя. И рад, что в конце своего пути мне выпал шанс быть любимым. Ты дала мне так многое, даже не представляешь... не можешь вообразить, как счастлив с тобой, но это не значит, что ты должна умирать вместе со мной! Даже мысль об этом пугает меня. Это не выход, лисёнок. Ты переживешь мою потерю. Но знай, я навсегда останусь в твоём сердце, — поцеловав мою ладонь, каждый пальчик, он грустно добавил, — съезди домой, отдохни, а вернешься, я буду ждать тебя.

Я понимала это действительно то, чего он хочет на данный момент. Сейчас я должна уехать, отдохнуть, дать ему время прийти в себя, собраться с мыслями. Ведь Тони чувствовал ответственность за меня. Что и говорить ему было невообразимо тяжело.

Ведь когда он умрет, я останусь одна, и некому будет затушить тот огонь, который разорвет меня на части от боли потери.

— Ищи меня в своих мыслях, лисёнок, — на прощание попросил Тони.

Как-то печально прозвучали его слова, но, не дав себе возможности отказаться, я вышла и, прикрыв дверь, услышала тихое:

— Вернешься, я буду здесь, ждать тебя.

Как только ступила за порог дома, моя душа тут же заметалась в панике. Но я знала, надо сделать так, как того хочет Энтони.

В спешке покинула их дом, в котором состоялся мой самый первый долгожданный поцелуй. Дом, в котором прозвучали прощальные слова того, кто должен был подарить мне еще очень много прекрасных мгновений. Того, кто должен был стать спутником моей жизни. Навеки. До конца.

Приехав домой, я металась словно загнанный в клетку зверь. Искала место, куда можно приткнуться, чтобы меня никто не трогал, но знала, времени на это нет. Нужно уложиться как можно быстрее и вернуться назад к Энтони.

Но мама не позволила быстро покинуть дом. Прежде накормила, заставила сходить в душ, даже что-то говорила, но я ни о чём не могла думать. Хотела как можно быстрее вернуться к Тони.

Меня тянуло к нему постоянно и чем хуже становилось, тем сильнее меня тянуло к нему. Словно ту нить, что связала наши судьбы, нельзя было оборвать.

Набрав номер Энтони, в тишине своей комнаты, я слушала монотонные гудки, но трубку так никто и не взял. Сердце сделало кульбит когда, позвонив Грейс, я снова наткнулась на тишину.

Руки дрожали, легкие, почему-то замедлили свой ритм. Я боялась. Боялась еще сильнее, чем когда находилась рядом с ним.

Тревога, что нарастала в сердце, сменилась ужасом, который овладел душой.

И когда в пятый раз я снова набрала номер, услышала надрывный всхлип и удрученный голос Грейс:

— Его не стало.

— Его не стало.

Эта фраза крутилась в моей голове постоянно. Снова и снова: «Его не стало. Его не стало. Тони больше нет!»

А на улице светило солнце, теплыми лучами согревая землю, и от этого становилось еще больнее.

Как в такой горестный день могла стоять прекрасная погода?

Он умер. Его нет!

Я никогда больше не смогу увидеть Энтони, услышать смех, почувствовать прикосновение теплых рук.

Все осталось как прежде и это вызывало ярость. Дикую злость от того, что вокруг так прекрасно, только птички не поют!

На душе было так мерзко. Я скорбела, а на улице ярко светило солнце. От подобной красоты становилось по-настоящему жутко, я ведь потеряла самого родного человека. Того кого любила всем сердцем.

И всё что преподнёс мне день — это солнце.

Тогда как небеса должны были разверзнуться громом. Оплакивать его вместе со мной. Заглушать мои судорожные всхлипы и громкие рыдания!

Но нет! Ведь это не мир потерял свою единственную любовь, а я, всего лишь маленький ничего не значащий человек, у которого словно вынули душу, оставив внутри пустоту.

Окружающий красивый уютный мир остался прежним — это я изменилась внутри.

Все шло своим чередом, а вот я уже больше никогда не смогу стать той чудаковатой девчонкой, которая всю жизнь любила одного мужчину и даже не успела насладиться этой любовью.

Потеряла его. Не сберегла.

Это так несправедливо, что мне хотелось кричать диким воплем, но я не смогла сделать даже этого, потому что внутри образовалась пустота.

Я не в силах пережить сегодняшний день, а если каким-то чудом выживу всё равно не смогу двигаться дальше.

Как можно делать изо дня в день то, что делала раньше, теперь, когда он умер?

Неужели Энтони никогда больше не скажет, тихое: «Здравствуй»?

Как можно жить наполовину, когда другая половина, которой был для меня Тони, умерла?

Он забрал с собой в могилу все, что было для меня дорого. Оставил ни с чем.

Я уж точно не смогу жить как прежде, а то и вовсе никогда не вернусь к своей жизни.

Мир вокруг рушился, а на небе светило чертово солнце!

Когда я очнулась, поняла, на улице уже вечер, а я стою на берегу озера на том самом месте, где мы так часто проводили время.

На том самом месте, где впервые я поверила в чудеса и подумала: жизнь может стать совсем другой. Поверила в то, что смогу прожить достойно с тем человеком, к которому привязана всем сердцем. Больше жизни. С тем, которого люблю навеки, но его не стало.

Упав на колени, я зарылась пальцами в песок, беспорядочно смотря вдаль. За горизонт. Куда сейчас уходило солнце.

Красота была необыкновенная, но меня ничего не трогало. Будто сердце вырезали вместе с теми безжалостными словами: «Его не стало».

Словно страшный сон, кошмар, в который я попала по ошибке.

Эта дорога — не моя жизнь. Это происходит с кем-то другим, только не со мной. Не так.

Но реальность была сурова и очень жестока.

По мере того, как солнце клонилось за горизонт, я понимала: так же как оно уходит, угасала моя жизнь. Исчезали последние капли надежды на то, что Тони всё-таки смог выкарабкаться.

Смог обмануть смерть, дабы вернуться ко мне как он делал это всегда, только не сегодня.

Только не так.

Он не мог этого сделать. Не мог перестать бороться!

Уверена это ложь.

Как же я могу теперь жить без него? Что буду делать? Я ничего не понимала.

Все сильнее и глубже зарывалась руками в песок, желая избавиться от этих чувств. Огонь полыхал внутри меня, выжигая всю любовь и радость. Все те моменты, которые мы дарили друг другу. Ночи что провели вместе...

Как же много времени мы упустили.

Почему, Боже, почему ты забрал его именно сейчас? Почему, когда я обрела свое истинное счастье, свою вторую половинку в этом одиноком мире, ты забрал его?

Это так жестоко и несправедливо! Ненавижу.

Внутри моя душа разрывалась в клочья. Я орала от боли и агонии, а снаружи была безмолвна. Все также внимательно наблюдала, как последние лучи скрываются за горизонт, словно вода смывала их своими холодными темными волнами.

Для кого-то этот закат был первым из многих, и он с нетерпением ждал завтрашнего дня.

А для меня означал конец. Здесь, на этом самом месте, время остановилось. В голове все еще звучала ужасная фраза: «Его не стало».

Я сидела там, на холодном мокром песке, но не слышала ни шум прибоя, ни крики птиц, ни людей, которые сновали вокруг.

Веселые парочки, что смеялись друг другу, держались за руки, отдаленно напомнили о былом счастье. Но я не понимала ничего, словно стала чужой сама себе.

Для меня этот закат был последним.

Я с ужасом ждала, когда солнце скроется за черной полосой горизонта, потому что знала, как только это произойдет, назад пути уже не будет.

А мне так хотелось взять часы, перевести стрелки назад, чтобы вернуться в прошлое.

Дабы еще десять раз, сто раз пережить с ним волшебные моменты, которые мы разделили на двоих. Но я, словно кукла, застыла не в силах пошевелиться.

Ждала, когда угаснет последний лучик света не только на небе, но и в моём сердце.

Не хотела признавать его потерю. Не могла поверить тем ужасным горьким словам, которые услышала от его матери.

Ее голос был полон слез, а я ничего не чувствовала — онемела. Пребывала в ступоре.

Может быть, поплачь и стало бы значительно легче, но я не могла даже заплакать, словно вмиг лишилась всех чувств, эмоций, переживаний. Забыла обо всем, что когда-то

знала.

Могла думать только об одном: это ложь. Неправда. Меня обманули.

Как только я возьму себя в руки и вернусь в больницу, Тони снова улыбнется мне. Скажет, как я прекрасна, назовет лисёнком, посмеется и спросит, почему я так долго не приходила?

А я отвечу, что сидела на берегу моря и смотрела, как в закат уходит моя жизнь.

Есть такие в жизни раны, лечить которые, смысла нет. Они невидимы для других, но в душе навсегда остается отпечаток, который вынести может далеко не каждый. Достоинство вынести и не сломаться.

А я сломалась.

Мир не изменился — это я стала другой. И от того было еще больнее и горше.

Моя душа поле боя, на котором отчаянно сердце сражалось с разумом, а потом остались лишь руины. Никто не смог одержать победу в этой войне.

Страх пронизывал до костей. Страх остаться одной. Страх перед жизнью.

Я не боялась смерти, даже готова была пойти с ней под руку в темное царство, а вот жизни боялась до дрожи в ногах.

Посмотрев в небеса, я закричала:

— Посмотри, что ты сделал со мной? Видишь? Сломал! Ушел, оставив здесь, не позволив нам, насладиться друг другом. Как ты мог? — даже не знаю к кому я обращалась в тот момент: к Тони или к Богу? — Я ведь всю жизнь жила с ноющей болью в сердце... с этой любовью и справлялась. Но с твоей потерей никогда не смогу справиться. Ненавижу!

Но слез так и не было, только крики, после которых последовали мольбы.

— Умоляю, Господи не забирай любимого. Прошу пусть он живет. Пусть не со мной. Пусть с другой, но он будет жить. Согласна расстаться с ним снова. Согласна смотреть на то, как он целует другую, говорит «люблю» не мне. Как обнимает своих детей... Только прошу, пусть живет. Не забирай его, умоляю.

Но, так же как и во сне, ответом мне была тишина.

Когда в тебе так долго живет любовь — пугает тишина. Пустота, которая появляется там, где должно биться сердце.

Я настолько сильно и всепоглощающе любила Энтони что, узнав о его смерти — сломалась. Любовь — это болезнь.

Воспоминания никогда не умирают. И мои не умрут.

Не знаю, как я вынесла день его похорон. Честно признаться не помню ничего, словно все мысли покрыты туманом моей печали и дикой боли. Я все еще так и не оплакала его. Не смогла выдавить из себя ни слез, ни рыданий, ни истерики.

В каком-то тумане блуждала по их дому и в каждой вещи видела Энтони.

Гостиная, где мы собирались веселой компанией, когда родители оставляли Энтони одного дома.

Столовая, здесь Грейс любила проводить субботние вечера за ужином в кругу семьи и близких.

Я сидела вон там, напротив Тони и всегда любовалась тем, как он ест. Король во всем, даже когда трапезничал. Его манеры, умение держаться в обществе, с достоинством парировать любые колкости в свой адрес, отстаивать принципы — пленяли меня.

Я видела его здесь. Чувствовала присутствие Энтони, будто он только что вышел на улицу и с минуты на минуту должен вернуться.

Я спрятала все чувства, но из памяти не могла стереть моменты нашей встречи. Пыталась утопить как можно глубже в сознании мысли, закрыть под замок в надежде, что дальше легче будет, но внутри умирала!

— Человек, который разучился плакать, никогда не сможет смеяться, — тихо заметила Грейс, увидев, как я слоняюсь по столовой в поисках голубых глаз. — Сейчас мы всего лишь оболочка без души. В глазах твоих, впрочем, как и моих — пустота. Бездонная пустота.

Но я даже не удостоила ее взгляда. Понуро опустила плечи и выбежала из столовой.

А убежать далеко не получилось, ноги принесли меня на задний двор, где все так же безмятежно цвели желтые ромашки. Место, где Тони подарил мне первый долгожданный поцелуй.

Рука против воли коснулась губ, с которых сорвался отчаянный полу стон полу вздох.

Если бы меня спросили, имеет ли любовь вкус, я бы сказала «да».

И для кого-то любовь была даром. Для кого-то она пахла утренней росой, стогом сена, запахом свежескошенной травы или мокрого асфальта после дождя... А для меня пахла гнилыми яблоками. Безднадежностью и страхом.

Я начала чувствовать этот запах после того как много времени провела в больнице, ночами и днями ошивалась возле его палаты, спала по полчаса урывками, только бы быть рядом, только бы не позволить ему умереть. Любовь стала для меня сродни больнице — такая же больная, обречённая, безнадежная.

Ту рану, что оставил после себя Энтони, никогда уже не заштопать, словно незначительный порез, на который можно наложить несколько швов и через время он затянется.

Ту рану не увидеть глазами, ее можно только почувствовать. Поэтому мне было так сложно. Я не знала, как залатать себя, чтобы просто двигаться, кивать головой, открывать

рот.

Единственное что я помню, как Грейс пыталась поговорить со мной, а я все время убегала в надежде спрятаться от преследовавшего меня образа Энтони. Ведь в этом доме он оставил свой неизгладимый след, который время не в силах стереть. Он навсегда останется здесь, из-за этого я не могла остаться.

Нужно спрятаться, закрыть глаза, сбежать, лишь бы подальше, лишь бы не пришлось видеть его.

К вечеру, когда все начали расходиться, мне бы тоже уйти, но я словно загипнотизированная следовала привычным маршрутом, обходя, знакомые с детства комнаты. Будто чья-то незримая рука вела меня по закоулкам памяти.

Казалось еще немного, и я не выдержу, но от чего-то продолжала бродить, будто заблудилась и никак не могла найти спасительный выход.

Вот его комод с вещами. Даже все фотографии на месте. На снимке стоит Энтони, смотрит на меня своими голубыми глазами и улыбается, будто посмеивается.

— Доволен, что оставил меня?

Рука нежно прикоснулась к фотографии, на которой были изображены мы вдвоем.

Я устало прикрыла глаза и услышала печальный голос Льюиса.

— Знаю, сейчас не время разговаривать и я, возможно, не тот человек, которому ты сможешь довериться, но, Элизабет, ты должна попросить о помощи. Тебе это необходимо.

Обернувшись, я хотела улыбнуться, но лицо будто застыло, не в силах выразить ни единой эмоции. Потом открыла рот, но с губ не слетели те слова гнева, что мне хотелось прокричать. Так и стояла, смотрела на него: потерянная, одинокая и молчаливая.

Льюис прошел в комнату, прикрыв за собой дверь, и подошел к столу. Провел рукой по книжке, что лежала в самом центре, взял и, обернувшись, протянул мне.

— Тони просил, чтобы это досталось именно тебе, — легкий смешок. Задумчивый взгляд. — Даже взял с меня клятву: никто не станет читать то, что предназначено только для тебя, Элизабет.

Заметив, что я так и не сдвинулась с места, Льюис положил книжку на кровать.

— Еще просил передать этот ключ, — заметив мой вопросительный взгляд, пояснил, — от его квартиры.

Положив ключ поверх книги, Льюис последовал к двери, но взявшись за ручку замер.

— Мы рады тебе всегда, Элизабет. Ты стала частью нашей семьи уже давно и мне жаль, что все сложилось именно так. Но если захочешь поговорить без стеснения и раздумий можешь приходить в любое время. Наше горе общее, и разделить его вместе мы сможем.

Еще мгновение мы смотрели друг другу в глаза, после чего я сделала над собой усилие и кивнула. Видела, Льюис ждет моего ответа. Развернувшись, он вышел, оставив меня в одиночестве с этой книжкой и ключом.

Что Энтони придумал? Зачем оставил мне свои вещи? А еще ключи от квартиры? Неужели думал, так я смогу забыть о нём?

Сама не поняла, как оказалась возле кровати, а рука уже тянулась к заветной книжке.

Кожаный переплет, темно-синяя — точно как его глаза, когда Тони злился.

Открыв первую страницу, тут же наткнулась на красивый почерк.

«Я бесконечно благодарен за то, что ты вошла в мою жизнь, лисёнок. И прости, что так рано нам пришлось расстаться.

Не знаю, зачем решил писать тебе, но мне хотелось, чтобы после того, как меня не

станет, у тебя было что-то, что напоминало обо мне.

И не злись, я понимаю, ты никогда не сможешь забыть меня. Не сможешь стереть из памяти, будто наше прошлое красивая сказка, которая превратилась в страшный сон, но эти мысли — мои чувства. Они останутся на бумаге, помогут тебе осознать как сильно и безмерно я любил.

В надежде на то, что ты сможешь прочесть все, что решил рассказать, я начну...».

Я не понимала ничего. Дрожащие руки выронили дневник Энтони. Лицо промокло от слез, что бесконечным потоком лились из глаз. Это было мучительно больно. Так чертовски сильно больно...

Губы дрожали, а руки сжимали волосы в отчаянии. Плотину, наконец, прорвало.

Я отчаянно рыдала от разрывающей боли, сердце моё разбилось на кусочки.

Мой голос эхом отдавался в пустой комнате, но я не могла остановиться. Снова и снова кричала и всхлипывала, пытаюсь выплакать все страдания и боль, но это не помогало.

Я свернулась калачиком на холодном полу. В тишине пустой комнаты слышались только хриплые вздохи. Крики агонии потерянного сердца. Душа была разорвана на части. Там, где должно было биться сердце, теперь образовалась дыра, и я не знала, как притупить эту боль. Не знала, как помочь себе пережить осознание того, что любимый, который должен был подарить мне счастливую жизнь, умер.

Энтони отчаянно хотел уберечь меня именно от этого. От разрушения. Но он все же не смог пойти против своего сердца и послал меня в пучину ада. В самую бездну отчаяния, потому что наша любовь была слишком сильна. Я не могла с ним расстаться. Не хотела, а теперь никогда больше не смогу увидеть...

Я знал, осталось очень мало времени, и именно тогда понял, что не могу уйти просто так. Нужно позаботиться об Элизабет. Она не настолько сильна, как хочет казаться.

Понимал, как только умру — это сломает ее хрупкий мир. Не могу позволить ей погрузиться в себя и зачахнуть от печали.

Не знаю, почему именно так я решил высказать свои мысли, но на тот момент это казалось самым правильным решением.

Написать все, что не успел сказать. Признаться в своих чувствах, тайных желаниях.

Рассказать, как благодарен за каждый день, что мы провели вместе.

Я должен помочь ей справиться с горем и утратой.

Ведь Элизабет слишком горда и не попросит о помощи. Закроется в себе отстранится от близких и просто перегорит в душе.

Тогда это будет уже не Элизабет — девушка, которую я полюбил, а просто тело без души. Все что останется — оболочка.

Она никогда не сможет жить по-настоящему. Радоваться. Не отпустит и это добьет ее окончательно, а я не хотел, чтобы Элизабет так терзала себя.

Но когда оказался наедине со своими мыслями, не смог связать и пары слов.

Вот передо мной лежит чистая тетрадь, но написать правильные слова не получалось, поэтому я решил начать с извинений.

«Прости, что заставил пройти через эту боль и многочисленные страдания, но без тебя я бы не справился, лисёнок.

Говорю спасибо за то, что всегда оставалась со мной. Благодарю, ведь умирая, понимал, я не одинок.

Я не боялся, Элизабет. Правда.

Когда ты находилась рядом, все горести уходили прочь. Ты помогла мне перебороть страх перед смертью, потому взамен прошу, доверься мне.

Хочу чтобы ты шла дальше наслаждалась жизнью и прожила ее достойно: совершала безбашенные поступки пусть и без меня, но никогда не забывай: я в твоих мыслях.

Отрывайся, сделай то, о чем всегда мечтала. Слтай в другую страну, прыгни с парашютом в водопад.

Только прошу не нужно убиваться из-за меня.

Даже не представляю, как непросто тебе будет пережить мою смерть, но знаю, ты справишься, лисёнок.

Ты всегда была сильной. Сильнее меня, сильнее любого человека, которого я знаю.

Верю в тебя. Верю, что однажды ты переживешь мою потерю.

Конечно, никогда Элизабет ты не сможешь забыть меня.

Я имею наглость и молю, чтобы не забыла, помнила нашу любовь, которую я буду хранить в своем сердце даже после смерти, но сейчас хочу, чтобы ты шла дальше.

Конечно, без страданий не обойтись. Ты не сможешь построить собственную жизнь и пройти по своему пути до самой смерти, пока не освободишься от мыслей обо мне, но не нужно пожизненно носить в сердце печаль.

И там, на небесах мы встретимся однажды с тобой. Я верю в это, лисёнок.

Верю, что в далеком будущем, когда ты станешь милой старушкой с седыми волосами,

мы встретимся.

Не забывай о том, что я всегда буду рядом. Стану твоим Ангелом-хранителем.

Помогу отгонять невзгоды на всём твоём жизненном пути. Буду идти с тобой рука об руку. Только ты не сможешь видеть меня, но я всегда незримо буду присутствовать в твоей жизни, чтобы поддерживать и давать силы как ты давала их мне, когда я в этом нуждался.

Спасибо за то, что осталась рядом.

Ты научила меня любить. Заставила посмотреть на жизнь по-другому.

Уверен, не появишься ты в моей жизни Элизабет, я бы провел все эти долгие дни, предаваясь унынию, либо хандрил в больнице.

В то время как с тобой смог окунуться в настоящую прекрасную жизнь, которая бурлила миллионами красок.

С тобой я снова почувствовал, что такое улыбка.

С тобой впервые за долгое время смог засмеяться по-настоящему от радости, а не, потому что приходится делать вид, что все хорошо.

С тобой я не притворялся. Тебе отдал свое сердце навеки.

Конечно, я должен был отпустить тебя. Позволить жить своей жизнью, но, наверное, я слишком слаб, потому что не смог отказаться от нас.

До глубины души мечтал попробовать на вкус твою кожу. Почувствовать аромат духов. Зарыться пальцами в волосы и, притянув к себе, сжать до боли в объятиях, дабы никуда не отпускать.

В памяти навсегда останется наша первая ночь. Помню я, как робела ты. Как медленно с опаской исследовала моё тело.

И благодарен, что стал твоим первым мужчиной. Это дорогого стоит, Элизабет.

Если ты добралась до этой страницы, значит, смогла пройти путь, который прошел я в свое время, когда узнал о том, что болен. Конечно, он дался тебе очень нелегко, наверное, в тысячу раз труднее, чем был мой путь, но я верю, ты смогла преодолеть все невзгоды.

Прошу наберись смелости и прими ключи от моей квартиры, которые должен передать тебе отец. Знаешь, я даже клятву с него взял.

Не хочу говорить о том, что именно ты найдешь, когда приедешь туда, но я назначаю тебе эту последнюю нашу встречу, Элизабет.

Надеюсь, ты приедешь.

Сколько бы времени ни прошло, я каждый день буду ждать, чтобы ты смогла попрощаться со мной в последний раз и двигаться дальше.

Однажды заглянув глубоко в свое сердце, поймешь, что должна прийти на нашу последнюю встречу. Должна мне это свидание, лисёнок. Ты не сможешь отказаться и тогда увидишь, как сильно я любил тебя и до сих пор люблю.

Хочу чтобы ты смогла осознать: нужно сделать этот последний шаг проститься со мной, потому что ты слишком много страдала.

А я хочу видеть твою прекрасную улыбку, лисёнок.

Она очаровательна, и закрывая глаза на последнем вздохе, я думал именно о твоей улыбке. Как она красива, бесподобна и просто неотразима.

Ты заставила меня взглянуть на мир по-новому. Изменить свою жизнь кардинально.

Жалею только об одном, что не сделал этого раньше.

Жалею о том, что в те далекие годы проводил время не с тобой — это было моей ошибкой. Самым большим упущением, за которое мне всегда будет стыдно.

Но если бы я мог. Если бы только мог вернуться назад, повернуть время вспять или взять часы и открутить стрелки, чтобы обернуться в то далекое прошлое, в котором так много раз обижал и не замечал твоих чувств, я сделал бы это, ни секунды не раздумывая.

Хотел бы я оказаться сейчас в том времени, когда мы были подростками и подарить свой первый поцелуй не случайной девчонке, а именно тебе.

Прости, что так и не сделал этого, но я благодарен, что смог подарить тебе те страстные минуты удовольствия.

Я был первым, кто сделал это.

Лисёнок, я верю, что однажды ты сможешь залатать все раны, которые я нанес тебе, когда ушел из жизни. Сможешь почувствовать, что твоя душа снова цельная.

Верю, однажды ты всё-таки дочитаешь мой дневник до конца и увидишь, только на последней странице, что я приглашаю тебя на наше прощальное свидание.

Но прошу не переживай, я буду ждать тебя столько, сколько времени понадобится, чтобы обрести вновь себя.

Спасибо моя любимая Элизабет. Навеки твой, Тони».

Закрывая дневник, я не знал, помогут ли ей мои слова, но очень надеялся на то, что именно мне удастся поставить точку там, где Элизабет оставила многоточие.

В конец тетради я вложил еще одно письмо. Прощальное.

Когда-нибудь она заглянет в него и сможет прочесть без слез, а с улыбкой на своих прекрасных губах, по которым я так безумно буду скучать.

Я не знала, что делать с дневником и ключами, которые отдал мне Льюис, но не могла выпустить эти последние крохи воспоминаний о Тони из рук.

Стоит только открыть дневник как я смогу увидеть его красивый почерк. Стоит только переступить через боль и сделать шаг на улицу, прийти в его квартиру... а дальше-то что?

Он ведь больше никогда не вернется!

Мама столько раз пыталась достучаться до меня, но я ничего и никого не замечала.

После той истерики, что устроила на похоронах, больше не плакала. Снова заперла все эмоции внутри. Они сжигали душу, но так казалось легче продолжить свое существование. Так я хотя бы что-то чувствовала.

Надоела тишина, и пустота что одолела душу. А эта агония потери давала хоть какие-то чувства. Напоминала, что я все ещё жива.

— Обрати свою потерю, и горе в светлую печаль. Сейчас ты убиваешь себя, Элизабет, — найдя меня на полу в комнате, заметила мама. Заботливо помогла подняться, усадила на кровать. — Думаешь, Тони хотел бы для тебя такой участи? Подумай, глупая?!

— А он подумал обо мне! — закричала я и толкнула ее в грудь. — Подумал?!

То, что я причиняла боль тому, кто отчаянно пытался помочь мне справиться с утратой, говорило о моем состоянии лучше любых слов.

— За то время, что вы провели вместе, нужно расплачиваться. И ты уже сполна заплатила, — мама поднялась и прижала меня к себе. Крепко-крепко. — Перестань платить дань, которую никто не оценит. Береги свою жизнь, ведь пока ты жива, Энтони живет в твоём сердце.

Я всхлипнула.

— И пойми: он никогда не сможет покинуть тебя. Будет жить вот здесь, — она нежно коснулась своей рукой моего сердца со словами. — Ты можешь разделить свое горе со мной. Я помогу, обещаю. Ведь вдвоем куда проще справиться с грузом, что ты добровольно взвалила на себя.

Но я не могла вот так запросто открыться. Не привыкла, чтобы меня выслушивали, поддерживали и помогали справиться с чувствами, которые поглотили меня с головой.

Не желала открывать тот ящик Пандоры, которым стал для меня Энтони.

Ведь как только позволю себе это, все воспоминания и хорошие, и плохие обрушатся на меня и добьют окончательно.

Те эмоции, что я так тщательно заперла в себе, не должны вырваться на поверхность, иначе поглотят и тогда что от меня останется?

Я и сейчас была отдаленно похожа на себя прежнюю, но если воспользуюсь маминым советом, позволю разделить горести, от меня не останется ничего. Это не выход.

Нужен другой способ, но я даже не знала, существует ли он?

А вдруг нет верного решения? Неужели все, что мне осталось — это сгореть?

Словно свеча я медленно догорала, но никому не позволяла затушить огонь, что сжигал меня мучительно медленно.

Отстранившись, я утерла слезы и отвернулась. Мама не стала давить, знала, чем сильнее будет наседать, тем больше я стану отгораживаться. Запрусь в комнате и больше не отвечу.

А она отчаянно нуждалась во мне. Не хотела, чтобы та стена отчуждения, которую я

намеренно построила между нами, превратилась в непробиваемую.

Услышав тихий стук закрывающейся двери, я повернулась и снова прижала к груди уже ставший родным дневник Энтони.

Что он там написал я так и не знала. До сих пор не смогла побороть себя и заглянуть в его мысли.

Все еще не хватило смелости открыть дневник и прочесть. Не понимаю, чего именно я боялась, но было страшно увидеть слова, которые Тони оставил именно для меня.

Казалось, лелея дневник в руках, я держу последние крупинки его жизни. Прочесть — значит навсегда распрощаться с тем, что было между нами.

Поставить точку я была не готова.

Смотрела в небо, искала его образ, а фотографии что были у меня дома, не решилась порвать.

Может, нужно было разорвать их на мелкие кусочки, как было разорвано моё сердце? Или сжечь?

Вместо этого я только собрала их и спрятала в дневник, с которым до сих пор не могла расстаться. Который до сих пор не открывала.

Думала нужно ли мне это? Может, стоит выкинуть все, что напоминало о нём?

Жаль только что выкинуть вещи я могла в мусорку и забыть, но вот воспоминания также легко не сотрутся из памяти.

***

Когда мамы дома не было, я сидела в одиночестве в своей комнате на полу и смотрела на хмурое небо за окном. В руках лихорадочно накручивала уже ставшие теплыми от моей ладони ключи.

Те самые, которыми я смогу открыть дверь в прошлое. Но тогда что я найду?

Ведь Энтони не будет рядом и это только сильнее ранит меня.

Я настолько сильно погрузилась в себя: изнутри грызла, терзалась потерей. Устав от сомнений накинула кофту, что первой попало под руку и больше не раздумывая, поспешила из дома. Не знаю, что в тот момент двигало мной, но я больше не останавливалась пока не доехала до квартиры Энтони.

На секунду остановилась возле двери. Приложила руку к холодной стали, другой нащупала ключ, что всю дорогу не выпускала из своего крепкого захвата и, быстро вставив в замочную скважину, открыла дверь.

Не знаю, что именно я ожидала увидеть там, но та картина, которая открылась мне, убила все, какие бы то ни было надежды.

Встретила меня пустота, тишина и темнота.

Я застыла на пороге, заметив тусклый свет, что лился из окна в комнату.

Всё осталось, как прежде, когда мы еще жили в этой квартире. Ничего не изменилось.

Но та тишина, которая окутала меня, оказалась спасительной, что ли. Будто, дом тоже скучал по своему владельцу. Будто, когда я вошла, переступила порог, он встретил родственную душу.

Ведь тоже потерял того, кто был ему дорог.

Глупо думать об этом, но в тот момент я именно не думала, а чувствовала.

Включив свет, вздрогнула и тихо всхлипнула, заметив наши фотографии. Даже те, что я ещё не видела.

Они были наклеены во всю стену. Из них состояла та цепочка жизни прекрасных

моментов и красоты, которую мы разделили с Энтони.

Здесь мы были счастливы. Здесь мы вместе грустили, держались за руки, даже целовались.

Не знаю как, но вот я уже стою перед этой памятной стеной и с трепетом провожу рукой по каждому снимку, который он сделал втайне от меня. И тем, которые мы сделали вместе.

В памяти всплывают все мгновения, которые мы провели вдвоём.

— Прости меня Элизабет за то, что не смог отпустить. Прости себя за то, что не смогла уйти, — раздался грустный, но полный жизни голос Тони.

Я замерла парализованная этими словами. Будто время застыло. Взгляд сфокусироваться на старом магнитофоне, что стоял на подоконнике. Именно оттуда доносился родной голос.

— Закрой глаза, — попросил он и затих, а я не могла ничего с собой поделать, тот час повиновалась и прикрыла глаза. — Знай, ты можешь меня увидеть, когда захочешь. В любое время. Всегда. Стоит только закрыть глаза и вспомнить тот день двадцать пятого сентября, когда в обед я отвез тебя на пикник.

В этот момент, слушая его голос и наставления, я будто перенеслась в тот день, когда, проснувшись утром, Тони заявил, что мы срочно уезжаем. Заставил поверить, отпустить все страхи и последовать за ним несмотря ни на что.

— Мы сидели на берегу озера слушали, как поют птицы, потом бегали, как сумасшедшие, словно дети веселились, плескались. Конечно, после того, как я окунул тебя в прохладные воды озера.

Я присела в кресло, с наслаждением вспоминая каждое мгновение, описываемое Энтони.

— Я всегда рядом с тобой. Я есть в твоей памяти. В твоём сердце. В твоей жизни.

Последнее письмо.

21 октября 2016 года

Время два часа ночи, как всегда мне не спится, а все, потому что ты не рядом, лисёнок.

«Ты знаешь, я никогда не любил писать письма. И это далось мне еще сложнее, чем ты можешь себе представить.

Любимая Элизабет, здравствуй. Прости за то, что в страхе лишиться любви не смог отпустить тебя. Не хотел, чтобы ты страдала, но все же остался рядом. Это было слишком для тебя, лисёнок. Прости мне эту слабость. Прости, что пришлось сделать больно.

Знай, я сожалею о том, что вдоволь не смог насладиться тобой. Не смог в полной мере впитать в себя твоё тепло, которое должно было всю жизнь согревать меня.

Я тоже плакал вместе с тобой. Ты кричала, а я прижимал кулак к губам, чтобы не закричать в ответ от несправедливости судьбы. Молил Бога сделать наше расставание легче, чтобы ты не страдала и не рвала мое сердце на части.

Прости, что не со мной ты пошла к алтарю в белоснежном платье. Прости, что не сделал тебя невестой. Прости, что не подарил маленького сына или дочку с твоими теплыми карими глазами. Я хотел всегда быть рядом и защищать тебя. Оберегать твоё сердце и лелеять душу. Прости, что не смог подарить всего этого.

Я никогда не хотел, чтобы судьба, которая соединила нас, так быстро оборвалась. Не хотел дарить тебе надежду, и отбирать так жестоко лишив всего.

И очень сожалею, что обманул нас обоих. Поверь, лисёнок, я бы с радостью забрал всю боль, что причинил тебе.

Твои крики каждый раз когда приходила ко мне домой, рвали душу на части. И каждый раз, уходя ты, клялась что вернешься. Я глотал соленые слезы и вспоминал каждую минуту, что мы провели вместе.

Твой звонкий смех всегда будет со мной. Сладкие поцелуи до сих пор обжигают мои губы. Я бы отдал все на свете, чтобы вновь почувствовать их на своих губах. Твоя забота, о которой мечтают тысячи мужчин и которую знал я. С тобой я всегда верил в любовь.

Никогда не смогу забыть ласковый голос и твою горячую безграничную веру в нас.

Пишу это письмо, а рука дрожит. Боль до сих пор не утихла. То, что мое тело превратилось в сплошную массу агонии, не сравнится с тем как сильно ноет сердце.

Во сне ты приходишь ко мне, и боль уходит, оставляя только приятное тепло. Нашу любовь. Если бы ты знала, как сильно я по тебе скучаю и никогда не смогу забыть.

Возможно, ты подумаешь, что это глупо, но пожалуйста, представь меня солнышком или звездочкой на небе. Я всегда буду наблюдать за тобой, лисёнок.

Мне трудно тебя отпускать. Это самое сложное, что я делал в своей жизни.

Никогда никого я не любил так сильно как тебя.

Помни мою улыбку, и моя любовь всегда будет с тобой. Неприкосновенная и далекая, но всегда рядом.

Никогда не сомневайся в нашей любви, потому что она была прекрасна и соткана на небесах.

Знай о том, что я всегда любил и люблю.

И однажды вспомнишь ты что такое счастье.

Люблю тебя, Элизабет. Мой веселый, лисёнок».

***

И даже после смерти ты остаешься со мной.

Понадобится еще очень много времени, чтобы сгладить моменты, которые вывернули мою душу наизнанку после тех ужасных слов.

Будто Грейс приставала дуло пистолета прямо туда, где билось сердце, и безжалостно нажала на спусковой крючок. Звонкий выстрел оглушил меня, выбив землю из-под ног.

Даже не думала что, уехав домой больше не смогу к тебе вернуться.

Ты сделал мою жизнь невыносимой: подарил много улыбок и океан боли, в котором я из раза в раз тонула.

Не знаю, хотел бы ты, чтобы я продолжила твой дневник, но я приняла решение за нас обоих. Ты написал признание в любви, свои чувства, мысли, так вот я тоже решила поделиться тем, что долго скрывала в сердце.

Горем, с которым не смогла ни с кем поделиться, потому что случись это и я просто разорвалась бы на части. А так говорить намного легче.

Так я могу сказать, как любила тебя: долго, сильно, невыносимо.

И могу сказать, как ненавижу за то, что превратил мою жизнь в ад!

Но потом когда я всё-таки отключила мозги и все чувства, стало легче принять твое приглашение.

В тот день всё изменилось.

В тот день я поняла, как дорога была тебе. Осознала, что ты не хотел меня оставлять, а ведь до этого винила тебя во многом, за что прошу прощение.

Знаю, ты простишь.

Я сделала всё, как ты хотел. Услышав тебя, будто вернулась в прошлое, присела в кресло и, слушая твой голос и наставления, закрыла глаза.

Вспоминала счастливые дни, которые смогли перекрыть темные мысли, что нависли надо мной.

Знаешь, я все-таки набралась смелости и сходила в гости к твоим родителям. Грейс не стала давить на меня. Она была необычайно молчалива. А Льюис только крепко обнял, позволив просто посидеть с ними, но знаешь Тони, это не было тяжело. Да, мы практически не перекинулись и парой слов, но тишина была приятной. Не тяжелой, какой она стала после твоей смерти.

Я верю, что ты исполнишь свое обещание и станешь моим ангелом-хранителем. Будешь всегда рядом.

Не знаю, может, обманываю себя, но, кажется, я чувствую твое присутствие и часто слушаю ту запись, которую ты оставил мне на прощание.

Перечитываю письмо, будто могу коснуться тебя, но уже не с такой болью, которая была раньше. Сейчас это гораздо приятнее. Сейчас это чувство более светлое, такое, каким должно было быть с самого начала.

Если бы меня попросили прочесть, то, что написала, я бы не смогла. Слова что сливались у меня перед глазами синей кляксой, жгли словно клеймо.

И закрывая твой дневник, Тони, я не удержалась, снова провела пальцем по самой последней записи:

«Навеки твой, Тони».

Больше книг на сайте - Knigolub.net